

Ц И (Монг)
 К 80
 50346

Е. А. Кузьменков

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

	a	a:	ae	o	o:	oe	u	u:	ui	e	e:	ө	ө:	өө	γ	γ
b	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
б	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+
p	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
ᠪ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
m	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
ᠮ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+
d	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
ᠳ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+
t	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
ᠲ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+
n	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
ᠨ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	-	-	+
l	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
ᠯ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+
r	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
ᠷ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	-	-	+
з	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
ᠵ	+	+	(-)	+	+	(-)	-	+	(-)	+	+	+	+	-	-	+
c	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	+
ᠴ	+	+	-	+	+	(-)	-	+	-	+	+	+	+	-	-	+
s	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	+
ᠰ	+	+	-	+	+	+	-	+	-	+	+	+	+	-	-	+
j	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+	+	+	+	-	-	+
g	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	+	-	-

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е. А. Кузьменков

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
СОВРЕМЕННОГО
МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

56346-
ДК

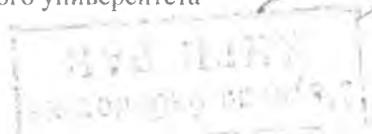
Геннадьевичу
Владимиру Петровичу
Савилову
в подарок на память
август, 2006

Получена
24 августа 2006 г.
г. Дзиса [Signature]

Издательство С.-Петербургского университета

2004

ББК 81.2(5Мон)-1
К89

Рецензенты: канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова* (С.-Петербург. филиал Ин-та востоковедения РАН, СПб.), канд. филол. наук *Б. М. Пармаев* (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета Восточного факультета
С.-Петербургского государственного университета*

Кузьменков Е. А.

К89 Фонологическая система современного монгольского языка. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. — 212 с.

ISBN 5-288-03574-1

В монографии описывается фонологическая модель современного монгольского языка в традициях Ленинградской фонетической школы. Особое внимание уделяется сингармонизму как главному системообразующему компоненту монгольской фонологии; приведены экспериментальные данные, подтверждающие эффективность модели; подробно излагается действие данной фонологической модели при анализе и синтезе текста.

Для специалистов по восточной и общей фонологии, для монголистов и исследователей алтайских языков, а также для студентов, изучающих современный монгольский язык.

ББК 81.2(5Мон)-1

Энэ зохиолд орчин цагийн монгол хэлний авиан зүйн олон асуудлыг шинээр хянан үзэв. Фонемын бүтцийг Л. В. Щербагийн үүсгэсэн уламжлалын үүднээс задалсан болно.

© Е. А. Кузьменков, 2004
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2004

ISBN 5-288-03574-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное сочинение по своему жанру ближе к учебному пособию, чем к научному трактату, оно в какой-то мере отражает многолетние попытки автора объяснить студентам своеобразие монгольского языка, а также его собственные усилия проникнуть в этот предмет.

В процессе преподавания монгольского языка автор имел дело в основном с людьми, для которых родным языком был русский (хотя бывали и редкие исключения). Поэтому неизбежно и систематически возникали ситуации, когда явления монгольского языка приходилось пояснять на русских примерах — сравнения, аналогии, контрасты. Русский язык был той базой, на которой строилось представление о монгольском. Он был практически единственным и необходимым средством для изучения иностранного языка, хотя, с другой стороны, родной язык с его артикуляционными привычками и усвоенной чуть ли не с рождения системой, привычной и неотторжимой, был и главным препятствием к усвоению чужого языка.

В этой ситуации появилась и еще одна проблема, которая иногда бывала трудноразрешимой для русскоязычных студентов, особенно в начале изучения монгольского языка: необходимость было отвлечься от навыков русской орфографии — монголы также используют кириллицу, но с двумя дополнительными буквами, гласными *ө* и *ү*. Легкость освоения новой монгольской графики оказывает «медвежью услугу» при чтении: нужно сосредоточиваться, чтобы не редуцировать «безударные» гласные, смягчать аффрикаты, не забывать о придыхании сильных согласных и т. д.

Тем не менее в наших условиях трудно измыслить другую методику изучения монгольского языка, и мы сознательно строим изложение подробностей монгольского произношения именно на основе знаний о русском языке, привлекая вместе с тем некоторые факты из других, в основном распространенных языков, которые в какой-то степени могут быть известны изучающему.

Данную работу не стоит рассматривать как практический учебник монгольского произношения. Автор убежден и, наверное, многие с ним согласятся, что научиться понимать речь на чужом языке и говорить совершенно правильно, без акцента и систематических фонетических ошибок, ограничиваясь помощью учебника, очень трудно. Идеальный результат дает только языковая среда (ею может быть и лектор-носитель языка). Нет нужды особо останавливаться на том, что для успеха необходим стимул или основательный мотив.

С педагогической точки зрения основное назначение данной работы несколько иное: помочь в усвоении главных фонетических законов, действующих в монгольской языковой системе, и тенденций ее развития.

С точки зрения исследовательской автор ставил своей задачей создать непротиворечивую фонологическую модель, представляющую собой языковую подсистему, в известном смысле автономную, но неразрывно связанную с другими подсистемами, уже не звуковых, а знаковых уровней. В основу построения модели положены принципы Ленинградской фонологической школы.

Что же касается чисто фонетической стороны дела, то автор остается в русле «субъективного эксперимента», полагаясь на свое слуховое восприятие и используя результаты слухового восприятия носителей языка, и полностью отдает себе отчет в том, что «даже изощренное ухо слышит не то, что есть, а то, что оно привыкло слышать, применительно к ассоциациям собственного мышления» (Щерба 1974: 200). Это означает всего лишь, что «изощренное ухо» пользуется только теми критериями, которые ему предоставляет языковая система и, в частности, тот ее компонент, который мы называем фонологией. Естественно, что такое восприятие носителя

языка нас вполне удовлетворяет. Мы исходим из следующего: носитель языка слышит именно «то, что есть»; а то, чего он не слышит, выходит за рамки языковой системы.

Многие из принятых обозначений фонем традиционны, если не для общей фонетики, то во всяком случае для монголистики. Лишь для палатализованных согласных были взяты модифицированные знаки, дабы не перегружать фонемную запись текста диакритикой. Например, вместо обычного знака для мягкого согласного *р'* используется *ṙ*. Эти модифицированные знаки суть следующие (в ко- сых скобках — обозначения фонем, в квадратных скобках указано фонетическое значение в общепринятой транскрипции):

/b/	[b']
/ḃ/	[p']
/m/	[m']
/t/	[t']
/ḋ/	[d']
/r/	[r']
/ʎ/	[ʎ']
/tʃ/	[tʃ']
/gʃ/	[gʃ']
/x/	[x']

В фонетической транскрипции наряду с обычными знаками используются дополнительные обозначения. Некоторые из них нетрадиционны или малоупотребительны.

Транскрипционные знаки

Фонетическая характеристика	Знак	Пример
Геминация	̄	ḅ̄
Гоморганная аспирация	ˈ	tˈ
Гортанная аспирация	h	s ^h
Двухфокусность	̄̄	ḅ̄̄

Долгота	ː	a:
Небольшое удлинение гласного	ː	ʏː
Небольшое сокращение долготы	˘	a
Закрытость гласного	ː	e
Закрытость гласного сильная	ː	e
Имплозивность	ː	ḡ
Краткость	˘	ā
Лабиялизация	˘	ʌ
Назализация гласного	˘	ā
Оглушение	˘	l̥
Открытость гласного	˘	i
Отодвинутость назад	˘	a
Палатализация	˘	bʲ
Продвинутость вперед	˘	a
Сверхкраткий мягкого ряда	˘	ə
Сверхкраткий твердого ряда	˘	ʌ
Шепот	˘	ʏ

Для обозначения грамматических форм применяются традиционные (см., например: (Владимирцов 1929) или (Поппе 1955)), легко узнаваемые сокращения.

Список сокращенных обозначений грамматических форм

Abl.	Форма в исходном падеже
Acc.	Форма в винительном падеже
Attr.	Атрибутивная форма имени
Caus.	Каузативный глагол
Comit.	Форма в совместном падеже
Conv. Imperf.	Деепричастие соединительное (-ж)
Conv. Mod.	Деепричастие слитное (-и)
Conv. Perf.	Деепричастие разделительное (-aad)
Conv. Cond.	Деепричастие условное (-бал)
Cor.	Связка
Dat.	Форма в дательном-местном падеже
Excl.	Эксклюзивная форма местоимения или притяжания
Gen.	Форма в родительном падеже

Gend.	Гендиадие (парное слово)
Hon.	Гонорифический
Imit.	Имитатив (звукосимволическое слово)
Imp.	Императив
Inc.	Инклюдивная форма местоимения или пригяжания
Ins.	Форма в орудном падеже
Neg.	Отрицание (- <i>гүй</i>)
Part. Act.	Причастие «однократное» (- <i>гч</i>)
Part. Fut.	Причастие настоящего-будущего времени (- <i>х</i>)
Part. Imp.	Причастие неопределенное (- <i>аа</i>)
Part. Perf.	Причастие определенное (- <i>сан</i>)
Part. Us.	Причастие «многократное» (- <i>даг</i>)
Past. Def.	Финитная форма определенного прошедшего (- <i>лаа</i>)
Past. Descr.	Финитная форма исторического прошедшего (- <i>жээ</i>)
Past. Perf.	Аналитическая перфектная форма
Pers.	Лицо
Pl.	Множественное число
Poss.	Притяжательная форма
Praes. Imp.	Финитная форма настоящего-будущего времени (- <i>на</i>)
Praet.	Финитная форма недавно прошедшего (- <i>в</i>)
Progr.	Прогрессив (континуальная форма)
Refl.	Возвратный
Subst.	Существительное
Suf.	Суффикс

В этом списке требуют разъяснения два пункта.

Imit. обозначает принадлежность к морфологическому классу звукосимволических слов (кинесемизмы и синестемизмы — по (Воронин 1982: 87 сл.)), называемых иногда изобразительными словами (Шагдаров: 19, 62). Мы приняли термин *имитативы*, как в (Корнилов 1984), но в несколько более узком смысле (см. с. 46).

Progr. — *прогрессив*, термин, примененный Г.С.Дугаровой по отношению к монгольской аналитической континуативной форме: деепричастие на *ж-* + связка *бай-* (Дугарова 1991).

ВВЕДЕНИЕ

Термин «современный монгольский язык»

«Современный монгольский язык» (*орчин цагийн монгол хэл*), или «современный монгольский литературный язык» — термины, применяемые в русском монголоведении, а также в самой Монголии по отношению к языку Центральной Халхи (а если быть совсем точным — к диалекту Улан-Батора, хотя термин «уланбаторский диалект» малоупотребителен).

То, что центрально-халхаский диалект стал основой современного литературного языка, вполне объяснимо политическим и культурным престижем столицы. На этом языке говорят дикторы средств массовой информации, его преподают в столичных учебных заведениях (в провинциальных школах учат по тем же программам, но местные учителя объясняются с учениками каждый на своем диалекте — я тому свидетель).

Во Внутренней Монголии в КНР также пользуются вышеозначенным термином, но, судя по внутренимонгольским описаниям «современного монгольского языка», в них рассматривается южный диалект (или обобщение нескольких диалектов в говоре Хух-Хото) с его нерасщепленными аффрикатами, неассимилировавшимся [i], «открытыми» ненапряженными [u] и [y] и проч. См., например: (Чингэлтэй 1981).

Современная орфография на основе кириллицы также отражает в основном центрально-халхаский диалект, хотя и содержит некоторые детали, выдающие влияние восточно-халхаских диалек-

тов. К таковым относятся, например, диалектные дублеты типа *багасах* (центр.) ~ *багатах* (вост.) ‘уменьшаться’¹ и ему подобные, употребление буквы *з*, соответствующей обычно слабому [g], для обозначения постконсонантного сильного [x], например, в *сэтгэл* [sedxɛ̌l] ‘мысль’ и ряд прочих «мелочей».

Кстати говоря, во Внутренней Монголии, где официально используется старописьменная графика, производятся попытки познакомить монгольское население с кириллицей, принятой в Халхе. В ряде журналов публикуются так называемые «уроки нового письма» и тексты на кириллице. Знакомятся с новой орфографией и на гуманитарных отделениях вузов. Освоение кириллицы не вызывает у южных монголов никаких затруднений (оставляем в стороне политические аспекты этой ситуации), но вслух они читают тексты в новой орфографии все-таки на своем говоре, не обращая внимания на различия в фонетике. Так же происходит и со старописьменными текстами: каждый монгол читает их, сообразуясь со своими родными диалектными привычками.

Еще несколько слов о так называемых стилях произношения и о социальных диалектах.

Мы различаем два стиля: нейтральный и эмфатический, отвлекаясь от промежуточных вариантов. Но иногда стилем называют и то, что скорее следовало бы назвать манерой. Фонетические отличия одной манеры произношения от другой оказываются не столь важны, как может показаться на первый взгляд. Двухязычный монгол может произнести заимствование в неадаптированной форме, например, сказать [wago:ŋ] (но вряд ли [vago:ŋ]) вместо «естественного» [boʊo:ŋ] ‘вагон’ (< рус.) или, напротив, допустить гиперкоррекцию [jɔfo:ŋ] ‘Япония’ (< рус.). Знаток тибетского языка произнесет «почти по-тибетски» [lham] ‘Лхамо’ (божество женского пола) (< тиб. ལམ་ lhamō) и т.п. Однако в этих случаях далеко не каждый монгол, услышав такие слова, воспримет их как мон-

¹ Я. Цэвэл «уточняет»: *багатах* — ‘становиться еще меньше’ (Цэвэл 1966: 64). Однако это «уточнение» не имеет никакого реального основания, поскольку *багатах* — всего лишь диалектный вариант.

гольские, то есть сказанного не поймет, а речь подобного сорта будет всегда производить впечатление нарочитости или фонетической ущербности и обладать дополнительной коннотацией. Речь, лишенную данной «нарочитости», будем называть *естественной* и считать предметом нашего обсуждения.

Все естественные «стили произношения», как и «социальные диалекты», не выходят за рамки фонологической системы, как же как русское просторечие *идравиться* не нарушает фонетических законов а, напротив, ими же и объясняется. Так и в монгольском языке, в любом стиле и любом социальном диалекте мы не встретим нарушений законов сингармонизма, употребления начального [r] или конечного [n] (вместо [ŋ]) и т.д. Поэтому и в приведенном примере с *вагоном* в транскрипции указан заднеязычный [ŋ], поскольку даже привыкшему к чужой речи монголу трудно произнести в исходе слова переднеязычный [n].

Таким образом, речь пойдет о центрально-халхаском диалекте, основе современного государственного языка Монгольской Республики, в его естественном стиле и неосложненной манере произношения, и под термином «монгольский» мы будем подразумевать именно этот вариант языка.

Орфография

Новая орфография, разработанная на основе кириллицы, несмотря на ряд противоречий (а в какой орфографии их нет!) во многих деталях фонологически очень точна. Старая же орфография (старая по времени возникновения, но не отжившая — она используется в Южной Монголии) находится в очень сложных взаимоотношениях с современным языком. Это означает, что правила чтения (то есть способ устного воспроизведения написанного текста) представляют из себя замысловатый алгоритм. В самом деле, чтобы прочитать правильно с точки зрения современного языка (а не читать «по буквам») старописьменное слово (öcügükhen) ‘мало’ нужно сделать довольно большое число шагов-элементов

алгоритма, чтобы получилось современное [сә:ŋ] (цөөн)². Чтобы прочесть омограф , нужно знать его значение в контексте и произношение соответствующего слова, то есть [endə] (энд) 'здесь', [adä] (ад) 'черт' или [at'ä] (ат) 'легчёный верблюд'.

Ясно, что не только «алгоритмов», то есть правил чтения, тут недостаточно, но и сама методика обучения такой письменности должна состоять не просто в заучивании азбуки. Это будет напоминать запоминание иероглифов. Собственно, в таком положении дела нет ничего исключительного — надо знать, как пишется слово, а прочесть его извольте как принято. Так, собственно, и происходит во многих системах письма, и не только там, где пользуются идеограммами (вспомним, например, английское *through* или *rhythme* — чем не условное обозначение!).

Таково положение во многих старых орфографиях. И в большинстве случаев отклонение письма от фонетики побуждает к непрерывным реформам. И как всегда, реформы не поспевают за изменениями в языке. Тем более что им приходится бороться с традициями и привычками. И все-таки тенденция перейти от «картинок» к идеограммам, а от идеограмм к азбуке на протяжении всей человеческой истории была сильна и реализовывалась многократно: от египетских иероглифов к финикийскому алфавиту, родоначальнику множества письменностей Запада и Востока, от китайских иероглифов к японской кане. Это — примеры непосредственного развития идеограмм в буквенные или слоговые знаки. Были примеры и отказа от иероглифического письма в пользу заимствованной или изобретенной азбуки, как это сделали вьетнамцы и корейцы.

Усовершенствование или смена алфавита и орфографии — проявление той же тенденции, желания читать по простым алгоритмам, видеть в букве отражение звука. По этому пути монголы пускались неоднократно. Уйгурский алфавит был реформирован, и возник «классический старописьменный». Затем было изобретено «квадратное письмо». Фонетически весьма точное, но не освящен-

² В современном языке существует и заимствованное из старописьменного өчүүхэн с тем же значением, но в книжно-архаическом стиле.

ное традицией, оно быстро угасло. Была попытка Ундур-гегена — громоздкое и претенциозное письмо «соёмбо». Но даже непрерываемый авторитет иерарха не помог его внедрить. Затем были изобретены модификации старописьменного алфавита, это алфавиты: ойратский Зая-пандиты, бурятский Агвана Доржиева. Ойратская письменность применяется до сих пор в Синьцзяне, жизнь бурятской азбуки была совсем недолгой. Был опыт использования маньчжурского письма (последнее само было составлено на основе монгольской старописьменной азбуки) и тибетского алфавита. И наконец, в XX в. северные монголы перешли на кириллицу, которая слывет довольно точным инструментом для передачи фонетических особенностей монгольской речи.

Новая монгольская орфография (кириллица) содержит немало интересных деталей, которые связаны с фонологией современного языка. Так, очевидно, что составители³ учитывали дистрибуцию согласных и потому ввели так называемое правило семерки: буквы *б, в, г, л, м, н, р* всегда пишутся рядом с гласными⁴ (это правило относится к согласным, которые могут быть конечнослоговыми; не хватает только *д*).

Выбор модели: выделять две фонемы /*н*/ и /*ŋ*/ или одну — /*п*/, судя по орфографическим нормам, явно решается в пользу последнего варианта. Носовые аллофоны [н], [ŋ] различаются тем, что переднеязычный пишется с огласовкой, а заднеязычный — без огласовки, например: *хаана* 'где' и *хаан* 'хан, каган'; эти слова в фонемной записи /*ха:па*/, /*ха:п*/ идентичны с орфографией⁵. Аналогичным образом различаются и аллофоны согласного /*г*/ (смычный

³ Автором проекта был академик Ц. Дамдинсүрэн.

⁴ Еще в студенческие годы я предложил мнемоническое правило для их запоминания: «Будем Всегда Горячо Любить Монгольскую Народную Республику».

⁵ Сходные альтернативы рассмотрены в: (Саито 1985). Например, противопоставление слов *баг* 'маска' и *бага* 'маленький' может интерпретироваться как оппозиция конечных [g] и [γ] по: (Лувсанвандан 1967) или как [g] и [ga] по: (Стрит 1963). В данном случае другой модели (с фонемами /*п*/ и /*ŋ*/) соответствовала бы следующая орфографическая форма: *хаан* 'где' и *хаан* 'хан'. Не исключаю, что могло бы быть и такое, найдись в кириллице буква *ŋ*.

и щелевой) в словах *араг* [aɣǰ] ‘корзина’ и *арга* [aɣʌ] ‘способ’.

Не всегда последовательно обозначается в орфографии произношение редуцированных гласных. Из написания слов не всякий раз можно определить, кончается ли данное слово на гласный или согласный. Так, [baɣ] ‘песчаная отмель’ и [baɣǰ] ‘кончись’ (Imp.) пишутся одинаково: *бар*. В отдельных случаях решить вопрос помогает морфология. В дательном-местном падеже суффикс *-т* присоединяется к словам, оканчивающимся на согласный [ɣ], например *гар* [gaɣ] ‘рука’ > *гарт* ‘(в) руке’, а суффикс *-д* — к словам на гласный, например, *нэр* [n'ɛɣ'ɔ] ‘рука’ > *нэрд* ‘(в) имени’. Иногда может помочь и знание старописьменной орфографии. Ср.: написание приведенных выше примеров в старой графике: *bar*, *bar-a*, *γar*, *ner-e*. Однако такие «уловки» помогают далеко не всегда, поскольку произношение любого конкретного слова может не вполне точно отражаться в правописании.

Монгольская кириллическая орфография, несмотря на отдельные просчеты, представляет собой довольно последовательное отражение одной из возможных (хотя, на наш взгляд, и не полностью адекватных) фонологических моделей. В разделе о реализации фонем (см. с. 85 сл. и 138 сл.), мы приведем детали отклонений нынешней орфографии от фонемной записи текста и особенности чтения букв. О чисто фонетической интерпретации монгольского текста в кириллической записи можно также судить и по транскрипциям, помещенным в Приложении (см. с. 196–199).

Монгольская фонологическая модель

Монгольский язык неоднократно подвергался исследованиям и хорошо изучен. Существует около дюжины только монографических трудов по его фонетике и фонологии. Отдельные вопросы фонологии рассматривались в десятках статей. И работа, насколько мне известно, продолжается. Излагаются все новые и новые версии и взгляды. Расхождения в интерпретации остаются, и причиной тому вовсе не предмет изучения, который за многие годы почти не изменился.

Приведем конкретный пример.

Современные описания монгольской фонетики⁶ представляют ее вокалическую систему в виде гласных фонем, числом от 18 до 22. Вот наиболее полный список:

а, е, і, о, у, ө, ү;

а:, с:, і:, о:, у:, ө:, ү:;

аэ, оэ, иэ, үэ, өс, сэ, уа, уас.

Различия возникают, главным образом, из-за неодинакового подхода к трактовке дифтонгов. Одни монголисты включают в число фонем такие дифтонги, как /өс/ или /сэ/ (Лувсандорж), другие полагают, что таких звуков (или, по крайней мере, фонем) в монгольском языке нет, но уверены в существовании дифтонга /уа/ и трифтонга /уас/ (Момо, Цоло и другие). Чингэлтэй рассматривает пять дифтонгов: /үі/, /үі/, /уа/, /үс/, /уа/.

Причин такого разнобоя несколько: приверженность различным принципам фонологического анализа; верность традициям, которые восходят едва ли не к средневековью, или, напротив, склонность к новаторству, понимание которого тоже может существенно варьироваться; диалектные особенности материала; а также обстоятельство, что «фонологическая система, присущая носителю языка, может принимать различный вид в зависимости от объема и типа его словаря, от того... каким путем он усваивал язык... Особенно велика роль орфографии как источника интерференции, “затемняющей” собственно фонологические отношения в системе языка» (Касевич 1983: 55).

Различия, возникшие по сходным причинам и поводам, наблюдаются и в трактовке консонантизма, и во взгляде на сингармонизм, и проч., и проч.

Существует, однако, и более глубокая причина расхождений в фонологической трактовке языковой модели. Она, эта причина, в самой природе моделирования.

⁶ Для данного примера мы учли только некоторые работы: (Биткеев 1978; Бурасв 1959; Владимирцов 1929; Лувсанвандан 1967; Лувсандорж 1975; Момо 1979; Наделяев 1957; Пюппе 1955; Рамстедт 1908; Рассадин 1982; Цоло 1976; Чингэлтэй 1981).

Представляя фонологическую систему в виде набора ее компонентов, то есть *фонем*, и отношений между ними, мы неизбежно обращаемся к *тексту* (в широком смысле — к линейной последовательности звуков). Предстоит выяснить, способна ли данная модель воспроизводить текст, а также — можно ли с ее помощью текст проанализировать и, в конце концов, понять. Поскольку речь идет о системе фонем, надо прежде всего установить, какие сегменты текста являются тождественными, то есть принадлежащими одной фонеме, а какие нет, то есть, представляют разные фонемы. Этот вопрос занимает нас потому, что назначение системы фонем состоит в том, чтобы обеспечивать различия знаковых единиц языка, их узнавание в тексте и, в конечном итоге, понимание текста. Во многих случаях тождество (сведение к одной фонеме) не является бесспорным, а оппозиция (противопоставление различных фонем) может оказаться фиктивной.

В слове *малаа* ‘свою скотину’ (Refl. Poss.) [mala:] и в слове *мялаа* ‘угощай’ (Imp.) [m'ala:] акустически сходны, но не идентичны звуки [m] и [m'], [a] и [a], и фонетическое противопоставление этих двух слов, позволяющее отличать одно от другого, достигается различием между [m] и [m'] и/или [a] и [a]. Предстоит выбрать — какое из этих различий является системным для модели (а может быть, и оба). Для большинства современных фонетистов релевантной оппозицией является противопоставление твердого [m] и мягкого [m'], а [a] и [a] считаются вариантами (аллофонами) одной фонемы /a/, то есть, говоря о звуках [a] и [a], мы, по сути дела, говорим о разных вещах как об одной, а звуки [a] и [a] называем аллофонами фонемы /a/, распределенными в тексте: [a] после твердого согласного и [a] после мягкого. Такое распределение отождествляемых элементов по всей сумме контекстов обычно называют *дополнительным распределением* или *комплементарной дистрибуцией*. Для некоторых других авторов, не признающих системного противопоставления твердых и мягких согласных, [m] и [m'] — аллофоны одной и той же фонемы. В этом случае функцию смысловозначения выполняют звуки [a] и [a], которые, таким образом, представляют разные

фонемы, например фонему /a/ и фонему /i/ (Лувсандорж 1975: 19, 81).

Слова *цох* ‘жук’ и *цог* ‘сияние’ в беглом произношении произносятся: [ts‘oɡ̃], то есть практически одинаково (с конечным слабым оглушенным [ɡ̃]), но идет ли речь об одной и той же фонеме /ɡ/? Нормативная орфография, как видно из написания, дает отрицательный ответ. То есть, согласно ей, мы должны говорить об одинаковых сегментах как о разных.

Но здесь не все так просто. Дело в том, что в этих словах варьирование последнего согласного происходит по-разному — *цох*: [ts‘oχ̃λ] ~ [ts‘oɡ̃] и *цог*: [ts‘oɡ̃] ~ [ts‘oɡ̃]. В первом случае варьируется сильный [χ̃] и слабый оглушенный [ɡ̃], во втором — слабый оглушенный [ɡ̃] и имплозивный [ɡ̃]. Таким образом, варьируются разные звуки, которые совпадают лишь частично в одном из вариантов произношения. Естественно полагать, что в этих словоформах финальные согласные осознаются говорящим как разные звуки, или, иными словами, употребляются различные фонемы — в *цох* происходит свободное варьирование аллофонов фонемы /x/, а в *цог* — свободное варьирование аллофонов фонемы /g/.

Под *свободным варьированием* мы понимаем эквивалентность разных аллофонов, равноправно употребляющихся в одном контексте, то есть элементов с тождественной дистрибуцией. Варьирование полагается *свободным* потому, что оно не диктуется фонетическим окружением, и выбор аллофона обусловлен только стилем произношения.

Эквивалентность *дополнительно распределенных* аллофонов также рассматривается как тождество, но иначе: в каждом контексте может встречаться лишь один из отождествляемых элементов. В обоих случаях речь идет не о тождестве в математическом смысле, а о сопоставлении с неким абстрактным объектом, который объединяет отождествляемые элементы.

Связь «тождественных» или, выражаясь точнее, *эквивалентных* аллофонов состоит в общих признаках или процедурах отнесения к абстрактной единице (фонеме), определяемой тем общим, что свойственно всем ее аллофонам. Это означает, что класс эквивалентных аллофонов соотносится с какой-либо фонемой, и тождест-

во аллофонов заключается в том, что текст в фонемной записи не делает различия между аллофонами. Например, слова *бага* ‘маленький’ и *гавал* ‘череп’ в фонемной записи выглядят так: /бага/ и /гавал/, но из фонетической транскрипции — [baɣa] и [gaβä] — видно, что одни и те же фонемы представлены разными звуками: фонему /a/ представляют аллофоны [a], [ä], [ʌ], фонему /b/ — [b], [β], фонему /g/ — [g], [ɣ]. Аллофоны являются представителями фонемы в тексте, но это вовсе не значит, что фонема является классом речевых единиц-сегментов, поскольку она (не будем забывать!) единица языковой системы, а не текста⁷.

Из примеров видно, что и отождествление, и противопоставление происходят не путем *полного совмещения vs. полного расхождения* объектов, а только по некоторым признакам, и эти признаки обычно связаны с тем, что выходит за рамки самого объекта — в данном случае сегмента текста, а точнее говоря, минимальной единицы его звукового членения. Речь идет прежде всего об учете контекста, который может рассматриваться с разных точек зрения (пример с *мааа // мяаа*, где в одном случае отождествляемые гласные звуки [a] и [a] рассматриваются в контекстах «после твердого [m]» и «после мягкого [nʹ]», а в другом — отождествляемые согласные находятся, по мнению создателя модели, «в окружении» различных гласных: «перед [a]» и «перед [a]»). Понятно, что выбор признака отождествления в известной мере дело произвольное, — отсюда и многообразие фонологических моделей.

Отсюда же, из произвольности критерия (что присуще вообще любой классификации), следует еще один вывод: не стоит делить различные модели на «правильные» и «неправильные». В крайнем случае, можно выбирать «хорошие» или «плохие», что, правда, означает всего лишь: «нравится // не нравится». Если модель позволяет осуществлять анализ и синтез текста, то критерием ее оценки может

⁷ Иногда декларируется, что «фонема — это класс звуков, которые: 1) фонетически сходны и 2) характеризуются определенными моделями дистрибуции» (Глисон 1959: 229). Однако при этом оговаривается, что «фонема... элемент языка» (там же). Ясно, что проще начать именно с последнего, и тогда нет нужды прибегать к дополнительным разъяснениям.

служить лишь относительная сложность правил перехода «смысл > текст» или «текст > смысл». Но и этот, в определенном смысле *прагматический*, критерий вряд ли может удовлетворить всех.

При моделировании действуют самые разные факторы, которые исследователь может, вольно или невольно, считать для себя приоритетными. Простота и адекватность модели могут быть принесены в жертву традиции или уступать авторитетному мнению. Но вряд ли стоит оспаривать то обстоятельство, что любая модель может быть оценена по ее соотношению с реальным процессом речевой деятельности⁸.

При создании языковой модели желательно отразить не только комбинаторное соответствие элементов модели тексту как продукту речевой деятельности, но и соответствие используемых алгоритмов тем механизмам мышления, которые действуют в сознании говорящего, и которые он использует чаще всего интуитивно. Кажется естественным, если задача такого рода сопровождает исследовательский процесс.

Психологическая адекватность модели — это, в первую очередь, гарантия того, что смоделированная система способна функционировать, то есть обеспечивать анализ и синтез текста. Это возможно только тогда, когда берется во внимание связь звукового и знакового уровня членения текста. Поэтому все критерии отождествления и противопоставления элементов (фонем) непременно должны носить функциональный характер; кроме того, желательно делать это наиболее простым способом⁹. Интуитивно ясно, что

⁸ Оправдывая релятивизм в моделировании, мы не можем обойти то обстоятельство, что здесь, как и в любой модели, включающей классификацию, желательно, чтобы классификационные признаки были максимально адекватны «природе» моделируемого объекта. «Натуральность» модели может дать существенный практический результат. Ср.: создание периодической системы Менделеева, новой (и, по всей видимости, «натуральной») классификации, которая явилась мощным стимулом развития науки, на что старая номенклатура химических элементов не была способна.

⁹ Стоило бы добавить: модель должна быть изящной. Эстетичность и/или симметрия модели, конечно, не гарантирует ее адекватности, но, как показывает вся история науки, часто ее сопровождает.

критерии, выбранные по этому принципу, помогут созданию модели, которая как раз и может оказаться психологически адекватной¹⁰.

Функциональными критериями отождествления аллофонов мы принимаем их *дополнительную дистрибуцию и свободное варьирование*.

Так, звуки: смычный [b] (например, в бал [baɪ] ‘мед’) и щелевой [β] (например, в *савал* [gaβaɪ] ‘череп’) — представляют собой аллофоны фонемы /b/, поскольку дополнительно распределены по позициям: [b] — в начале слова, [β] — в интервокальной позиции (если отвлечься от подробностей). Щелевой [β], находясь в начале слова, делает его «неузнаваемым» или заставляет воспринимать его как слово чужого языка. И наоборот, заимствованное слово с начальным [β] (или [w], или [v]) становится «своим», адаптируясь к новой языковой системе, то есть заменяя губно-зубной [v] на губно-губной [b], например: [boʊo:ŋ] < рус. *вагон*.

Слабый согласный [d] в интервокальной позиции, например в слове *одоо* ‘сейчас’, может произноситься и звонко, и глухо (без участия голоса): [odo:] ~ [oɖo:]¹¹. Мы не можем указать контекст, который отдавал бы предпочтение одному из этих вариантов. И не потому, что не имеем достаточно материала, а потому, что такого контекста не существует; имеет значение только стиль произношения. Говорящему и слушающему «фонологически безразлично», будет ли [d] в *одоо* звонким или глухим. То есть звонкость / глухость здесь не функционирует как различительное качество звука, варьируемые звуки [d] и [ɖ] *эквивалентны* (входят в один класс аллофонов) и относятся к одной и той же фонеме.

Путем такого рода процедур минимальные элементы звукового

¹⁰ Нельзя, разумеется, отрицать и то, что положительный результат могут давать различные модели, но говорящим используется, конечно, лишь одна из них.

¹¹ Слабый [d] воспринимается как оглушенный при геминии: [d] ~ [ɖ]. Геминия слабых в интервокальной позиции факультативна. Иначе говоря, геминированный и краткий согласные варьируются в зависимости от стиля или манеры произношения; в частности, геминия характерна для эмпазы.

членения распределяются по классам эквивалентности. Каждый класс или, иными словами, *группа эквивалентных сегментов*, сопоставляется отдельной абстрактной единице фонологической системы — фонеме. Внутри класса эквивалентности аллофоны между собой не пересекаются (дополнительная дистрибуция) или функционально тождественны (свободное варьирование). В результате противопоставление аллофонов разных классов может выполнять дистинктивную функцию, которую часто называют *смыслоразличительной*¹² и которая описывается на абстрактном уровне в виде оппозиции фонем. В том случае, когда знаковые единицы текста различаются по единственному признаку, говорят о противопоставлении *квазиомонимов* или об оппозиции в *минимальных парах*.

Например, минимальной парой к приведенному выше *одоо* [odo:] ‘сейчас’ будет *отоо* [ot‘o:] ‘подстерегающий’ (Part. Imp.), где вместо [d], аллофона фонемы /d/, в тождественном окружении находится [t‘], аллофон фонемы /t/. В этих квазиомонимах дистинктивную функцию выполняет отличие фонем /d/ и /t/ по признаку *слабый/сильный*. Попутно отметим, что последний тоже варьирует в данном контексте: он может произноситься с меньшей [t‘] и большей [t‘] задержкой смычки (геминировать), но остается глухим и придыхательным, то есть не теряет фонетических качеств, присущих монгольским сильным согласным.

Разумеется, фонемы противопоставлены не только в минимальных парах, но в последних смыслоразличительная функция проявляется особенно наглядно. Поэтому минимальные пары рассматриваются как наиболее эффективный способ верификации. А

¹² Мы оставляем традиционный термин «смыслоразличительный», но следует учитывать, что он не вполне отражает суть дела. Оппозиции фонем позволяют различать, скорее, слова или морфемы, то есть знаковые единицы, а не просто значения. Поэтому соответствующую функцию следовало бы называть не *смыслоразличительной*, а *знакоразличительной*, что объединяло бы в одном термине «словоразличительную», «словоопознавательную» и «форморазличительную» функции фонемы, на которые указывает Л. Р. Зиндер (Зиндер 1979: 41).

именно: наличие минимальной пары является свидетельством реально существующей оппозиции фонем в системе¹³.

Описание оппозиций фонем производится с помощью наборов *дифференциальных признаков*. Дифференциальный признак (ДП) — еще одна абстрактная категория фонологии, хотя ДП и обозначаются такими терминами, которые имеют вполне реальное акустическое или артикуляторное значение. Так, например, выше говорилось о том, что в минимальной паре [odo:] и [oɮ'о:] фонемы /d/ и /t/ противопоставлены по ДП слабый//сильный. Это — не что иное, как классификационный ярлык, указание на то, что в данной модели существуют противопоставленные друг другу согласные, и это противопоставление носит функциональный характер. Обозначение оппозиции как слабый//сильный, хотя и имеет терминологический смысл в фонетике, в данном случае весьма абстрактно и в известной мере условно. По фонетическим качествам и артикуляционной базе аллофоны фонем /d/ и /t/, кроме напряженности, которую мы здесь обозначили как слабый//сильный, отличаются еще по нескольким параметрам: звонкость//глухость, придыхательность//непридыхательность, краткий//долгий (можно указать и другие, если учесть все оттенки аллофонов).

Хотя мы и говорим об условности, все-таки для обозначения ДП выбираем наиболее приближенный к фонетической реальности термин. Именно ненапряженность//напряженность — то, что мы по традиции обозначаем слабый//сильный, — главное отличие рассмотренных согласных. Звонкость и глухость варьируются, так же как и придыхательность и длительность. Кроме того, монгольская придыхательность сама по себе подразделяется на гоморганную (у большинства сильных) и гетероганную (у сильных щелевых). Можно еще упомянуть имплозивность, спирантизацию, аффрикантизацию и проч., в разной степени присущие разным согласным. Но суть дела прежде всего в том, что ДП слабый//сильный противопоставляет не только /d/ и /t/, но и ряд других пар, разделяет це-

¹³ Обратной импликацией не пользуются, то есть отсутствие минимальной пары еще не означает, что не существует оппозиции данных фонем в системе.

лую группу коррелятов по этому ДП, и следовательно, дает наиболее реальную классификацию по безусловно релевантному признаку, который, возможно, и является здесь старшим признаком в иерархии (наряду с признаками *непридыхательный//придыхательный*, *звонкий//глухой* и др.).

Мы рассмотрели оппозицию только двух фонем, но совершенно ясно, что все фонемы находятся в оппозиции друг к другу, одна к другой и каждая ко всем остальным. В любом случае оппозиция обозначена одним или несколькими ДП. Чтобы система фонем имела рациональный вид и сама модель могла функционировать наиболее удобным образом, все оппозиции следует квалифицировать приблизительно так, как мы поступили в отношении оппозиции /d/ и /t/. То есть абстрактно-фонетическая маркировка ДП должна выбираться по важнейшему (старшему в иерархии) качеству, которое играет наиболее важную роль в системе и обеспечивает построение коррелятивных фонемных рядов.

В результате каждая фонема будет характеризоваться набором релевантных ДП, описывающих взаимоотношения фонем, и соотноситься с классом соотносимых с этой фонемой, эквивалентных друг другу линейных единиц (аллофонов).

Отношения фонем выражены с помощью ДП, то есть, к примеру, фонемы /d/ и /t/ отличаются по признаку «напряженность», который имеет для /d/ отрицательное значение, а для /t/ — положительное; фонемы /d/ и /d̥/ отличаются по признаку «палатализованность», которой обладает /d̥/ и не обладает /d/; фонемы /d/ и /n/ отличаются по признакам *шумный//сонант* и *ртовый//носовой*, при этом обе они переднеязычные и слабые; фонемы /d/ и /ʒ/ отличаются по признакам *смычный//щелевой*, *однофокусный//двухфокусный*, *слабый//сильный*, обе фонемы переднеязычные и т. д. Ясно, что отношения между фонемами могут быть весьма разнообразными. Противопоставление звуковых типов происходит по различным признакам и их сочетаниям, в каждом случае происходит взаимодействие компонентов двух уровней фонологической системы: фонем и их дифференциальных признаков. Результатом этого взаимодействия является процесс распознавания и синтеза знаковых форм.

Подытоживая сказанное, мы можем так сформулировать задачу, стоящую перед фонологией: построить непротиворечивую и действующую фонологическую модель, которая должна быть достаточно простой и в своем роде симметричной. Функционирование модели будет проявляться в анализе и синтезе текста. В реальности это — переход от фонемной записи к фонетической (то есть к реальному произношению) и обратно. Правилам такого перехода посвящен специальный раздел о *реализации фонем* (см. 85 сл. и 138 сл.).

Верификация психологической адекватности модели

Говоря о психологической реальности применения модели, мы ведем речь об адекватности моделируемой системы языка по отношению к «психофизиологической речевой организации человека» (формулировка Л. В. Щербы).

Насколько близка наша фонологическая модель к реально действующей в естественном языке? Разумеется, человек, свободно пользующийся своим родным языком, вряд ли сможет прямо ответить на этот вопрос. (Кроме, разве что, профессионального фонолога; но и ему не всегда стоит доверять...) Но если говорящий пользуется (скорее всего, неосознанно) какой-то фонологической моделью, то ее признаки можно обнаружить.

Одно из свидетельств применения фонологической модели — орфографические ошибки. Не любое отклонение от орфографии проливает свет на психологическую подоплеку порождения речи, но некоторые «ошибки» весьма характерны.

В одном из полученных мною из Монголии писем я с удивлением обнаружил такие, например, ненормативные написания: *билэг, эрэрэй* (sic!), *индүүрсэн, сэтхил, манга, гувай*. Контекст позволял легко их «расшифровать». Орфографически правильный облик этих слов должен быть таков: *бэлэг* ‘подарок’, *ирээрэй* ‘приезжай’, *индүүрсэн* ‘обозначился’, *сэтгэл* ‘мысль’, *манай* ‘наш’ (Excl.), *гууяй* ‘уважаемый’ (Hon. Suf.). Автор письма, ныне довольно известный художник, а тогда, в начале 80-х, — юноша, только что приехав-

ший в столицу из Архангая, не утруждал себя орфографическими нормами и правилами. Но нельзя сказать, что он писал небрежно, напротив, не обладая автоматизмом вполне грамотного человека, он должен был изрядно погрузиться над тем, чтобы сознательно анализировать свою речь и записывать ее согласно проделанному «анализу». Очень похоже на то, что этот «анализ» был именно фонологическим¹⁴. После получения этого письма у меня и зародились сомнения в том, что монгольские звуки [e] и [i] противопоставлены как отдельные фонемы...

Материал подобного рода получить не так-то просто — «малограмотные» монголы встречаются далеко не на каждом шагу. Но и от образованных носителей языка можно получить нужную информацию, даже используя их орфографическую компетенцию. Бесплезно задавать вопросы типа: «одинаковые или разные гласные в словах со значением ‘талант’ и ‘подарок’?». Ответ однозначен: в первом случае [i] (*билиг*), а во втором — [e] (*бэлэг*). С тем же успехом можно справиться об этом и в словаре. Однако на вопрос «Что такое [b'el'čǰ']?» получаем довольно примечательный ответ: «Смотря как пишется. Если через и, то... а если через э, то...» и т. д. Иногда требуется контекст, что в общем равносильно приведенному ответу. Таким образом, разница между [i] и [e] (по крайней мере, для этих слов) существует для говорящих по-монгольски только на письме (*quod erat demonstrandum!*).

Несмотря на орфографическую интерференцию, некоторые тесты могут давать вполне надежный результат, когда артикуляционные привычки оказываются непреодолимыми. Так, за редким исключением, даже двуязычные монголы снабжают протетическим гласным слова с начальным р, как знакомые, привычные, так и впервые им встретившиеся: *роль*, *роман*, *ректор* читаются как [ɔ̃o:ɮ̃ʌ], [ʌ̃gɮma:ɮ̃], [ɮ̃eɣ sɮ̃xɮeɮ̃]; сильные затруднения (вплоть до от-

¹⁴ «...объяснить орфографические ошибки малограмотных можно чаще всего путем предположения, что малограмотный отражает своим написанием фонологический (фонемный) облик соответствующей языковой единицы — вопреки стандартной орфографии...» (Касевич 1983: 50).

каза) почему-то вызывают такие слова, как *румын, рифма, ручей*¹⁵.

Роль теста может сыграть и особый стиль произношения, который мы вслед за Б.Я.Владимирцовым называем *эмфатическим* (Владимирцов 1929: 262–266). В языках, обладающих подвижным ударением, например в русском, интонационное выделение сегмента текста обычно сопровождается изменением ударного слога. Это может быть понижение (или наоборот, повышение) тона и удлинение ударного гласного. В монгольском языке основным средством выделения служит удлинение последнего гласного в слове¹⁶.

Слово, оканчивающееся на открытый слог, удлиняет его гласный, например: *тэр* [т'сг'э] 'тот' > [т'сг'э:] 'тот самый, именно тот', *дээр* [д'сг'э] 'выше' > [д'сг'э:] 'выше же', *морь* [мог'л] 'лошадь' > [мог'о:] 'лошадь же'.

Слово, оканчивающееся на закрытый слог, может иметь по меньшей мере две эмфатические формы: *нөхөр* [н'өх'өг'] 'товарищ' > [н'өх'өг'] ~ [н'өх'эг'ө:] 'эй, товарищ' (ср.: (Там же: 263)), то есть может добавляться долгий гармонирующий гласный.

Если последний закрытый слог содержит краткий гласный и оканчивается на /п/ или /п/, то второй вариант (с добавлением гласного) обычно не употребляется, например, *байсан* [bacs^han] 'был' (Part. Perf.) > [bacs^han:] 'был-таки', *Сүрэн* [с'үг'ен'] (имя собств.) > [с'үг'ен:] 'эй, Сүрэн' (аналог звательного падежа).

Если же закрытый слог содержит долгий гласный, то эмфатическая форма может быть с дополнительным долгим гласным: *Оюун* [ојун:] (имя собств.) > [ојун:а:] 'эй, Оюна'.

¹⁵ Возможно, сказывались такие детали, как наличие безударного (для монгола — краткого) у, который должен был появиться во втором слоге после протезы (краткого [u] в середине монгольского слова не бывает), и ф в середине слова, что сильно препятствовало «заказной» адаптации.

¹⁶ Разумеется, существуют и другие средства эмфазы. В частности, выделительные частицы ч и л, с разными функциями, среди прочих есть и эмфатическая: они могут значить 'именно'. Могут использоваться причастные формы глагола гэг- 'сказать', например гэгч (Part. Act.) или гэдэг (Part. Us.) 'то, что называется'. Интонация в эмфазе бывает весьма разнообразной и в том числе звуко-символической, например бага 'маленький' произносится с повышением тона, а *томоо гэгч нь* 'большо-ой' (нейтрально: *том*) — с понижением.

В других случаях (обычная эмфаза, не «звательный падеж») дополнительный гласный не появляется, а долгий гласный становится «сверхдолгим» — *ааруул* ‘арул (сушеный творог)’ > [a:ru:u:] ‘арул ведь’.

Слово, оканчивающееся на дифтонг, в эмфазе чаще всего удлинняет второй формант дифтонга: *манай* [manɛ] ‘наш’ (Excl.) > [manɛ:] ‘наш же’ (вплоть до монофтонгизации: [man^aɛ:]); или прибавляет долгий гласный соответствующего ряда «через йот»: *үгүй* [ʏgʷyi] ‘нет, отсутствует’ > [ʏgʷyije:] ‘нет же’. Последнее справедливо лишь для узких дифтонгов /ui/ и /yi/.

Эмфаза с удлиннением гласного или дополнительным долгим в конце слова может косвенным образом свидетельствовать о качестве гласных. Это представляется весьма существенным показателем, поскольку далеко не всегда можно правильно оценить акустические свойства редуцированных слогов в беглой речи. Однако нельзя считать это свидетельство вполне достоверным, поскольку на формирование эмфазы влияют многие факторы и прежде всего законы сингармонизма. Поэтому не всегда ясно, каким образом говорящий выбирает «нужный» гласный в эмфазе: удлинняет ли он соответствующий редуцированный коррелят или действует по стандартному гармоническому правилу. Иногда одно и то же слово по-разному преобразуется разными людьми. Так, мне приходилось встречать две эмфазы слова *цалин* [tsʰalʰɛŋ] ‘зарплата, жалованье’: [tsʰalʰɛ:ŋ] и [tsʰalʰi:ŋ]. Было бы странным предполагать, что разные информанты пользуются различными фонологическими системами, скорее всего здесь в одной из форм мы имеем дело с орфографической интерференцией.

Все факторы, действующие на эмфазу, учесть трудно. Это может быть и контаминация (смешение эмфатической формы слова *харин* ‘однако’ и нейтральной — *харийн* ‘чужой’), и гиперкоррекция (довелось услышать, как звали человека по фамилии *Сычѳв*: [sʰitsʰo:pʰo:] — с почти невероятным [pʰ] посреди слова), и даже интерференция старой орфографии (уже встречавшееся нам имя *Сурэн* иногда звучит и так: [sʰyɣʷyɣʷɛŋ], возможно, по аналогии со старописьменным *süging* или тиб. ལྷོ ‘защитник’).

Тем не менее «проверка эмфазой» некоторых фонетических деталей дает свой эффект. Прежде всего, это возможность наблюдать проявление говорящим осознанного качества редуцированно-го гласного (главным образом, последнего в слове).

Экспериментальный процесс преобразования слова в эмфатическую форму заключался в следующем: информанту предлагалось считать, что данное слово является именем человека; чтобы позвать этого «человека», он должен использовать эмфатическую форму; в этом случае эмфаза представляет собой нечто вроде звательного падежа. Другой способ: элиминация (с сохранением значения) усилительной частицы *л*, например, *над ѿ л дѡѡ* (нейтральная просодия), *над ѿѡѡ дѡѡ* 'дай же мне!' (эмфаза). Третий вариант: надо что-то объяснить «тугоухому» (или «тупому») человеку.

Некоторых результатов подобного тестирования мы коснемся в разделе о реализации фонем (см. с. 85 сл. и 138 сл.), вообще же закономерности эмфазы, ее фонетика и просодия заслуживают особого исследования, как в экспериментальном, так и в теоретическом плане.

Глава I

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

О ЯЗЫКОВЫХ ТИПАХ

Говоря о фонологии, мы не можем говорить только и только о фонологии. Система фонем как подсистема, действующая на уровне *звукового* членения, связана с другими, *знаковыми*, подсистемами языка — в частности, с морфологией и синтаксисом. Эта связь языковых подсистем, соответствующих разным уровням членения текста, или, выражаясь более традиционно, разделов грамматики, является прежде всего *функциональной*, то есть необходимой для осуществления *функции* языка при взаимодействии всех языковых уровней. Иными словами, фонологическая система как неперемный компонент речевой деятельности обеспечивает действие всей языковой системы в процессе синтеза и анализа текста. Поэтому, моделируя фонологическую систему, мы неизбежно обращаемся к другим языковым уровням, и в первую очередь к морфологии.

«Синтагматическое распределение фонем по экспонентам морфем обусловлено, естественно, морфемными границами. Отсюда следует, что фонемное членение должно самым непосредственным образом зависеть от морфемного, морфологического» (Касевич 1983: 22). А то, что морфология, в свою очередь, непосредственно связана с поверхностным синтаксисом, не надо даже и объяснять. Приведем только простодушное высказывание знаменитого маньчжуриста И.И.Захарова: «...поскольку пройдена этимология [имеется в виду морфологический анализ. — *Е.К.*], то пройден уж синтаксис» (Захаров 1879).

Но существует и другое соотношение подсистем, которое можно назвать коррелятивным.

Речь идет об известной корреляции языковых типов, определяемых по разным параметрам. Иными словами, о соотношении

типов из различных классификаций. Прежде всего имеется в виду так называемая морфологическая классификация языков с основными типами языков: флективные, агглютинативные, изолирующие, инкорпорирующие. В описание этих типов обычно включаются и признаки, относящиеся к различным грамматическим подсистемам. Так, флективные языки (например, русский) характеризуются также свободным симметричным порядком слов, рессилабацией, отсутствием тона. Изолирующие языки (например, китайский) имеют строгий порядок слов, не склонны к рессилабации, обладают фонологически значимым слоговым тоном. Таким образом, морфологические типы (флективный, изолирующий и проч.) коррелируют с синтаксическими характеристиками и фонологическим типом.

Корреляции могли бы иметь вид импликации («если... то»), например: «если изолирующий, то имеет тон», или «если агглютинативный, то имеет строгий порядок слов», или «если строгий порядок слов, то не флективный» и т.п. Но для реальных языков это верно лишь отчасти, поскольку морфологическая типология, то есть по сути дела классификация, производится по разным основаниям: изолирующий тип языка устанавливается по парадигматическому основанию (соотношение слова и морфемы), агглютинативный — по синтагматическому (по строению словоформы: способ соединения морфем), флективный — по парадигматическим отношениям морфем. В результате один и тот же язык может содержать в себе характерные признаки нескольких типов.

И все-таки можно считать, что существуют типичные изолирующие, типичные агглютинативные и т.п. языки, хотя очевидно, что эти «ярлыки» относятся к различным классификациям.¹ Напри-

¹ Устойчивость и общепризнанность этой, строго говоря, *алогичной* типологии языков, по-видимому, объясняется не только коррелирующими характеристиками. Не исключая, что на каком-то довольно высоком уровне абстракции можно сформулировать признаки, для которых грамматические категории будут низшими, подчиненными. То есть, характеризуя язык как, например, *агглютинативный*, мы должны подразумевать не морфологический способ, а какое-то в известной степени умоизрядительное качество всей языковой системы в целом, и это качество проявляется и в агглютинативности, и в сингармонизме,

мер, русский язык является типичным флективным, хотя и содержит некоторое количество агглютинативных черт. Тибетский язык — слоговой, но это не мешает ему быть даже более агглютинативным, чем монгольский. И тем не менее тибетский язык не называют типичным агглютинативным, а скорее слоговым. Монгольский язык слывет одним из самых типичных агглютинативных языков, хотя в нем могут происходить и неагглютинативные соединения морфем. Речь может идти о пропорции, то есть о доле флексии, агглютинации и т.д. В монгольском тексте агглютинация составляет около 97% (подсчитано Н.С.Яхонтовой, см.: (Квантитативная типология 1982: 163)). Для сравнения: флексия в русском — примерно 87%.

Но возможно, что дело не только в пропорциях того или иного морфологического средства в языке. Мы уже упоминали тибетский язык, агглютинация в котором (как, впрочем, и в любом другом слоговом языке) преобладает в качестве способа соединения морфем. Однако тибетский никогда не упоминается в качестве типичного агглютинативного языка. Очевидно, что для него агглютинация — всего лишь подчиненный, низший признак в иерархии языковых средств.

В случае же с монгольским языком наиболее характерной из его типологических черт признается агглютинация, хотя это всего лишь один параметр, относящийся к морфологии (точнее: к морфонологии). Возможно, этим хотят сказать, что агглютинация — старший по иерархии типологический признак, а остальные особенности монгольского языка и в синтаксисе, и в морфологии, и в фонологии объясняются преобладающей агглютинацией². Попробуем удостове-

и в составе фонем, и в синтаксисе, и т.д. Г.П.Мельников называет такое качество языка *доминантой* (Мельников 1971).

² Языков, в которых преобладает агглютинация, на самом деле очень много. По исторически сложилось мнение, что типичными агглютинативными языками считаются алтайские, то есть тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские. Они действительно очень схожи по структуре слова, синтаксису и наличию сингармонизма и служат хрестоматийными образцами. Однако, скажем, тамильский язык крайне редко приводится в пример, хотя агглютинации в нем больше, чем в монгольском. О практически 100%-й агглютинативности слоговых языков мы уже упоминали.

риться в справедливости этой импликации и для этого рассмотрим типологические черты монгольского языка, начиная с синтаксиса.

СИНТАКСИС

Существует много способов представления синтаксической структуры: от классической «грамматики членов предложения» до «грамматики непосредственно составляющих». Они отличаются друг от друга в основном тем, как определяют минимальную синтаксическую единицу (МСЕ) и синтаксическую связь или зависимость (последнее понятие в некоторых моделях вообще не употребляется; впрочем, в иных моделях и понятие о МСЕ оказывается излишним). Для представления монгольской синтаксической структуры воспользуемся «гибридом»: в качестве МСЕ возьмем член предложения, синтаксическую связь будем рассматривать как зависимость, все связи внутри предложения полагаются иерархичными (как в *вербоцентрической* грамматике Теньера).

Совмещение моделей может вызвать критику и даже заслужить обвинение в «эклектизме», но мы исходим из того, что большинство моделей только дополняют друг друга, и далеко не всегда противоречат одна другой. Вряд ли может ставиться вопрос о том, какая модель лучше или «прогрессивней». В любой последовательно сформированной синтаксической модели можно получить адекватное выражение структуры текста, но при этом, как правило, модель оказывается наиболее эффективной применительно лишь к одному или нескольким аспектам синтаксической структуры. И не только синтаксической. Например, *грамматика членов предложения* бессильна выразить особенности синтаксиса полисинтетического ительменского языка, отдавая почти «всю работу» морфологии. Также «бледно» выглядит в *грамматике непосредственно составляющих* структура монгольского текста. Все это не означает, что указанные модели неадекватны. Но их функции (как синтаксических моделей) переносятся в морфологию или даже в семантику.

Выбранный нами способ представления синтаксической структуры позволяет определить, как соотносится порядок расположения

членов предложения с нерархией их синтаксических связей друг с другом.

Вопрос о том, как определить доминанту в словосочетании, решается по трансформационному признаку: доминантным является тот член, через который осуществляется синтаксическая связь. Скажем, сочетание *ахын морь* 'конь старшего брата' связано с глаголом-сказуемым в предложении *би ахынхаа морийг уналаа* 'я оседлал коня своего брата' через определяемое, которое, будучи по отношению к сказуемому дополнением, оформляется винительным падежом. Следовательно, «хозяином» в сочетании *ахын морь* является именно определяемое — *морь* 'конь'. Сочетание *морийг уналаа* 'оседлал коня' может входить в более сложную конструкцию и выполнять роль дополнения, например: *морий нь унасныг мэднэ* 'знает, что его коня оседлали'. В этом случае связь осуществляется через причастие в винительном падеже глагола *уна-* 'оседлать', то есть в сочетании дополнение-сказуемое «хозяином» будет сказуемое и т. д.

Монгольский язык демонстрирует абсолютное подчинение следующему принципу: любая зависимость между членами предложения направлена от конца предложения к его началу. Или, иначе, «слуга» всегда предшествует «хозяину». Если изображать зависимость одного члена предложения от другого в виде стрелки с направлением от «хозяина» к «слуге», то все стрелки будут указывать к началу предложения. Такой порядок слов может быть назван левоасимметричным, а если учесть то, что он не может нарушаться, его следует именовать *строгим левоасимметричным*³.

Конкретное выражение этого порядка можно найти в любом учебнике: дополнение и обстоятельство предшествуют сказуемому, определение — определяемому; про подлежащее также обычно говорится, что оно предшествует сказуемому, но для нас (в рамках грамматики Теньера) это и так ясно: подлежащее — всего лишь одно из дополнений (1-й актант). В более подробных справочниках

³ Термины «хозяин» и «слуга» использовал А. А. Холодович. Ему же принадлежит и название указанного порядка слов (Холодович 1979).

оговаривается, что нарушение этих правил возможно, когда подлежащее выражено местоимением. Следует, правда, добавить к этому, что подобная инверсия бывает и для дополнения. Речь идет о следующих выражениях с экспрессивной коннотацией, например: *өөдгүй хүн! хашираая чамайг!* ‘негодяй! проучу тебя!’ вместо выражения с нейтральной экспрессией: *чамайг хашираая!* — с дополнением на «своем» месте; предложение *би удахгүй нутагтаа буцна* ‘я скоро на родину вернусь’ также может быть преобразовано в экспрессивное: *удахгүй нутагтаа буцнаа би!* ‘скоро на родину вернусь я’ (здесь глагол-сказуемое употреблен в эмфатическом варианте — с долгим гласным в финале).

Эти инверсии имеют свое значение, без сомнения, экспрессивное, они встречаются «в особых ситуациях» и воспринимаются как нечто особое. Во всех остальных случаях порядок слов соблюдается⁴. Например, *халуун ус* ‘горячая вода’, но *ус халуун* ‘вода горяча’ — уже предложение с именным сказуемым (грамотнее, конечно, поставить связку: *ус халуун байна* ‘вода горяча есть’).

Элементарные (ядерные) конструкции определяются набором синтаксических актантов сказуемого и могут быть классифицированы по сложности и различию актантов (Кузьменков 1983). Усложнение предложения происходит за счет развертывания актантов (в терминах членов предложения — дополнений), сирконстантов (обстоятельств) или определений. Ядро развертываемой подчиненной конструкции выражается неконечной формой глагола (причастием и деепричастием). Ср.: *санаагаа илэрхийлэв* ‘высказал (объявил) свое мнение’, *бүх болзлы нь хүлээх гэж санаснаа илэрхийлэв* ‘объявил, что принимает все их условия’ — при развертывании прямое дополнение, выраженное существительным *санаагаа*

⁴ В протомонгольском, по-видимому, расположение личного местоимения после глагола было нередким — оно встречается в среднемонгольских текстах, но уже как архаизм в классических. В некоторых диалектах это привело к образованию личных окончаний глагола (например, в бурятском: *буснаб* ‘я вернусь’, *буснаш* ‘ты вернешься’ и т.д.). Образование личных окончаний из энклитик местоимений — случай довольно типичный, можно вспомнить рус. *есмы* или греч. *εσμί*.

(Subst.; Refl. Poss.), заменено на причастие *санаснаа* (Part. Perf.; Refl. Poss.), образующее ядро зависимой предикативной конструкции⁵.

Развертывание может происходить и с помощью послелогов-наречий, но формального отличия в этом нет, поскольку те же послелогов могут оформлять и простые (не развернутые) члены предложения.

Разумеется, это представление структуры сложного предложения несколько упрощает действительную картину (при развертывании служебные форманты часто варьируют свое значение, подлежащее в подчиненной предикативной конструкции может оформляться не так, как в независимой, и проч.), но при любом уточнении данной модели синтаксическая структура может быть описана как результат развертывающих трансформаций. Это имеет следствием прежде всего то, что для монгольского синтаксиса вряд ли имеет смысл применять термины «придаточное предложение» и «подчинительный союз».

В заключение краткого обзора некоторых черт монгольского синтаксиса необходимо упомянуть о наличии показателей *темы*. Существует целый ряд частиц (например, *бол*, *гэвэл* и др.), которые оформляют тот член предложения, который имеет статус темы высказывания. Чаще всего это, конечно, подлежащее, например, *арслан бол араатан* или *арслан гэвэл араатан* ‘лев — это хищник’ (пожалуй, более точным эквивалентом в русском переводе будет: ‘уж лев-то — хищник’). Однако темой может быть и другой член предложения: *цай гэвэл ууя* ‘чаю-то [букв. если говорить: чай] я выпью’. Большинство показателей темы естественным образом связаны со значением ‘если’ и/или представляют собой глаголы в форме условного деспричастия (*гэвэл*, *болбол*). Значение условия остается связанным с обозначением темы, и последняя не всегда

⁵ «Заменено», конечно, не в прямом смысле. Под *развертыванием* понимается парадигматическое соответствие конструкций или предложений, эквивалентных по синтаксической структуре. Необходимым условием развертывания представляется также и семантическая эквивалентность, то есть обе конструкции должны быть синонимичны по отношению к описываемой ситуации.

может быть истолкована чисто формально (как, например, в японском языке), а может интерпретироваться как условное обстоятельство. Ср.: *чи явах бол яв!* ‘ты идешь — так иди!’.

МОРФОЛОГИЯ

Кроме агглютинации (способ соединения морфем) и нефлексивности (морфемная парадигматика), существенной типологической характеристикой монгольского языка будет также результат выделения единиц морфологических членений, то есть словоформ и морф, и их структура.

Выделение морфем

Агглютинативность, проявляющаяся в прозрачности морфологической структуры, делает любую операцию морфологического анализа сравнительно легкой. Пользуясь «квадратом Гринберга»⁶ в словоформе можно выделить минимальные значащие единицы — морфы:

<i>яв-ж</i>	<i>бай-ж</i>
<i>яв-на</i>	<i>бай-на</i>

Если все морфы в этом «квадрате» сохраняют семантическое тождество, то мы вправе говорить о наличии четырех морф: *яв*- ‘идти’, *бай*- ‘быть’, *-ж* — формант *Conv. Imp.*, *-на* — формант *Praes. Imp.* По принципу «остаточной выделяемости» эти же морфы должны сохранять свой статус и в других словоформах, то есть мы выделяем, например, *яв*- в словоформах *явах* (*Part. Fut.*), *яваа* (*Part. Imp.*), *явсан* (*Part. Perf.*) и т.д. То, что остается, то есть *-х*, *-аа*, *-сан*, по определению тоже имеют статус морф.

Морфы, имеющие тождественное значение и дополнительно распределенные по контекстам, составляют класс изоморф, отно-

⁶ О критериях морфемного членения см., например: (Квантитативная типология 1982).

сящихся к одной морфеме. Таким образом, морфема предстает как абстрактная знаковая единица, представляемая в тексте (изо)морфами.

Морфема обычно многовариантна. Алломорфы суффиксальных морфем содержат гласный (гласные), соответствующие сингармоническому типу основы. Таких вариантов может быть четыре или два (при «ступенчатом сингармонизме»; см. с. 75). Корневые морфемы также могут иметь варианты за счет регулярных чередований звуков на стыках морфем, но многовариантность исторического происхождения наподобие рус. *рук-* ~ *руч-* для монгольских корней менее типична. Безусловной исторической мотивировкой можно объяснить только появление заднеязычных согласных после исторического *-н(г)*, например, в *сангаа* (Refl. Poss.) (от < *сан* ‘казна’), а также появление в ряде форм так называемого *факультативного -н*, который иногда и, возможно, не без оснований, называют тематическим суффиксом (Крылов 2002).

Соединение морфем

Как уже говорилось, монгольский язык считается типичным агглютинативным языком. Обычно под агглютинативностью понимается такое соединение морфем, которое происходит по определенным фонетическим стандартам и не зависит от семантики и грамматического класса морфем⁷.

Это условие в монгольском языке чаще всего выполняется. Большинство словоизменительных и деривационных морфем представлены набором агглютинативных алломорфов. Но есть и исключения. Они относятся, главным образом, к присоединению надежных аффиксов. Аффиксы падежей присоединяются к именной основе по определенным правилам в виде алломорфов, дополнительно распределенных по фонетическим классам. Вместе с тем у мно-

⁷ Ср., например, далеко не автоматическое образование форм множественного числа от очень близких между собой по фонетике слов флективного русского языка: *волос, колос, голос* — *волосы, колосья, голоса*.

гих слов существуют два вида основ, одна из которых заканчивается на пресловутое факультативное *-н* (выше мы называли его тематическим). Формы трех падежей: родительного, дательного и исходного, в отличие от прочих, присоединяются к основе на факультативное *-н*, если слово обладает такой основой, причем фонетических признаков наличия «второй основы», как правило, нет. Естественно, говорить об «автоматическом» соединении морфем и, таким образом, об агглютинации в данном случае не приходится.

Термин «факультативное *-н*», к сожалению, укоренившийся в монголистике, совершенно не соответствует существу дела (как бы ни понимать *факультативность*). Вторая основа (на *-н*) употребляется в совершенно определенных контекстах (и на морфологическом, и на синтаксическом уровне). Если есть выбор: с *-н* или без *-н*, то есть и конкретное различие в семантике основ или аффиксов. Например, *хоёр* в значении ‘два’ не имеет основы на *-н*, но в значении ‘второе число месяца’ меняет основу при употреблении в указанных выше падежах: *хоёронд* (Dat.) ‘второго числа’. Ср.: *хоёрт* (Dat.) ‘двум; двоим; для двух и т.п.’. С другой стороны, орудный падеж, как правило, не требует основы на *-н*, но в значении совместности должен присоединяться именно к такой основе, например: *миний чөдөртэй морь танай адуунаар голд оржээ* ‘мой спутанный конь с вашим табуном вошел в речку’ (Мишиг 1978: 26).

Основа на *-н* проявляется в атрибутивной форме и с упомянутыми выше падежами. Например, *мод* ‘дерево’ употребляется в этой основе в позиции *предметного* (по терминологии Г.Д.Санжеева; см.: (Санжеев 1934: 120)) определения — *модон байшин* ‘деревянный дом’, в исходном падеже *модноос* ‘из (от) дерева’, в дательном *модонд* ‘дереву’, в родительном *модны* ‘дерева’, но в других падежах иначе: *модоор* ‘деревом’ в орудном падеже и т.д. Но как решить вопрос, может ли основа иметь вариант с *-н*? Определить это по фонетическому облику слова почти невозможно. Поэтому в словарях лексемы такого рода особо отмечены, например так: *мод(он)*.

Говорю «почти», потому что здесь остается некоторая неясность. По утверждениям информантов, они автоматически опреде-

ляют, где надо вставлять *-н*, а где не нужно. Правда, ни одного конкретного объяснения получить не удалось. Имея длительную практику в монгольском языке, я теперь тоже определяю факультативное *-н* практически безошибочно, даже не зная конкретного слова. Говорит ли это о том, что в подсознании образовался некий фонетический алгоритм? Возможно. Скорее всего, работают аналогии, сложившиеся в результате практики. Для сравнения можно привести человека, который много читал и потому пишет без ошибок, но не оттого, что осознанно употребляет «правила». Однако, в отличие от орфографических правил, алгоритма употребления основ на *-н*, пока, насколько мне известно, никто не сформулировал. Вполне вероятно, что такой алгоритм в принципе невозможен, либо его сложность приближается к перечислению ряда типичных и нетипичных случаев. А такое перечисление, конечно, будет мало чем отличаться от любого словаря с соответствующими пометами. О том, что в данном вопросе играет роль не только фонетика, но и предыстория форм, свидетельствует такой пример: словарь, отмечая *-н*, тут же дает «неправильную» форму, например: *түүх* ‘история’, *түүхэн роман* ‘исторический роман’ и здесь же — *түүхийн тинхим* ‘кафедра истории’ (вместо ожидаемого *түүхний*) (Цэвэл 1966). Вопрос о факультативном *-н*, конечно, достоин отдельного обсуждения.

Еще один пример неагглютинативного соединения морфем. Родительный падеж некоторых слов, оканчивающихся на так называемый *исторический* [ɲ], образуется с помощью аффикса *-гийн*, употребляющийся также после долгих гласных. Ср., например: *туйвангийн* ‘розог’ (Gen.) от *туйван* ‘розги’ и *тайвны* ‘мира’ (Gen.) от *тайван* ‘мир, покой’, где формы родительного падежа от почти идентичных по фонетике слов образованы разными суффиксами (*-гийн* и *-ы*). В словарях слова с *заднеязычным* *-н(г)* помечены соответствующим образом: *сан(г)* ‘казна’, *зан(г)* ‘нрав’, *саван(г)* ‘мыло’ и т.п., что говорит только об особенностях склонения⁸, но не о

⁸ Следует добавить, что к особому словоизменению этих слов относится и употребление возвратного притяжания: *зангаа* ‘свой нрав’ (Refl. Poss.) от *зан* ‘нрав’. Ср. «обычную» форму: *халзанаа* ‘своего лысого’ (Refl. Poss.) от *халзан* ‘лысый’.

каком-то особом произношении конечного согласного (см. с. 121).

Влияние аналогии на исторический [ŋ] существует, хотя и нельзя сказать, что оно ярко выражено. Сравнивая явления современного языка со старописьменной графикой, мы увидим, что, хотя большинство слов на *-н(з)*, действительно, писалось с конечным *-ng*, многие из таких слов «исправили» свое склонение. Из приведенных слов к таковым относится *тайван* ‘мир’, старописьм. *taübung* (< маньчж.). Слово *саван(з)* ‘мыло’ также проявляет некоторую склонность к унификации: *савангийн завод* ‘мыловаренный завод’, но *савны гэр* ‘мыльница’. Последнее, по-видимому, просторечие, но весьма характерное.

Таким образом, словоизменительная морфема может состоять либо исключительно из агглютинативных алломорф, либо из аффиксов такого же вида плюс некоторое количество фузионных аффиксов, случаи применения которых, как правило, ограничены и легко поддаются учету⁹. В присоединении же деривационных аффиксов фузионные исключения крайне редки.

С агглютинативным способом соединения морфем обычно коррелирует признак, который часто формулируется как *однозначность* аффиксов (следует понимать как «однокатегорность»). Служебные агглютинативные морфемы, остающиеся, как правило, в рамках единственной грамматической категории, не вступают в перекрестные оппозиции и не образуют коррелятивных рядов, типичных для парадигм многих флективных языков.

В результате парадигматические отношения между монгольскими морфемами принимают следующий характер. Служебный элемент противопоставлен его отсутствию (если нет «нулевой морфемы»). При его наличии словоформа обладает данной грамматической категорией, при его отсутствии она нейтральна по отношению к этой категории. Так обстоит дело с аффиксами множествен-

⁹ Аналогом может служить формант множественного числа существительных в английском языке, где преобладают основные алломорфы (агглютинативные) [-s], [-z], [-iz] и есть несколько неавтоматических фузионных окончаний: [-∅], [-ən], [-ai] (sheep, oxen, hyppopotami).

ного числа. Если аффикс присоединен, словоформа имеет значение множественного числа, например: *багш нар* 'учителя'. Если такого аффикса нет, словоформа сама по себе не содержит никакого указания на число, она вне этой категории: *багш* может означать и 'учитель', и 'учителя'.

Аналогичными оппозициями представлены и аффиксы падежей, каждый из которых противопоставлен либо «безпадежной форме», либо всем остальным падежным формантам. В связи с этим нет смысла пользоваться термином «именительный падеж»¹⁰ (иногда пользуются паллиативом: «неопределенный падеж»).

В этом существенное отличие монгольских агглютинативных морфем от служебных морфем флективных языков, соединяющих в своем значении несколько грамматических значений (пучок категорий) и, соответственно, выступающих членами нескольких экви-полентных оппозиций. Элементов флексии в современном монгольском языке очень мало. Можно указать лишь аффиксы личного притяжания (пишутся отдельно), которые входят в две оппозиции — по лицу и числу: *минь* 'мой', *маань* 'наш' (Incl.), *чинь* 'твой', *тань* 'ваш', *нь* 'его, их'. Других морфем такого рода нет¹¹.

Выделение словоформ

В этом разделе мы будем рассматривать монгольское слово как единицу членения текста — то, что можно назвать более точно: словоформа. В написанном тексте словоформы отделяются пробелами. Фонетически словоформа также может быть выделена паузой, а сингармонизм делает ее цельным и неделимым сегментом.

¹⁰ Форма «настоящего» именительного падежа («падеж подлежащего») есть только у местоимений: *би* 'я', *чи* 'ты', *тэр* 'тот' и т. п.

¹¹ В среднемонгольском сохранились флективные окончания некоторых финитных форм, противопоставленных по числу и полу (не роду!). См., например: (Стрит 1957). Обсуждалось также согласование прилагательных по числу с определяемым существительным (Гам же) и следы грамматического рода (Владимирцов 1925). Эти явления, для современного языка не характерные, могут говорить о том, что протомонгольский язык был «более флективным».

Можно было бы и остановиться на сказанном, считая вопрос исчерпанным. Однако остаются еще вопросы, связанные с синонимией//полисемией, сложными словами, определением лексемы (то есть той единицы, которая попадет в словарь), аналитической формы (то есть выделением так называемых служебных слов). Эти проблемы тесно связаны не только и не столько с семантикой, как это может показаться на первый взгляд¹², а со структурным определением слова, иначе говоря, с разделением текста на словоформы и выяснением их дистрибутивных характеристик (словоформ).

Членение на словоформы зависит от критериев, которыми мы будем пользоваться. Возьмем два признака, которые нам представляются типологически значимыми: (1) критерий *вставимости* и (2) критерий *свободного варьирования компонентов*¹³.

(1) «Две единицы являются двумя словами, если они допускают вставку между собой фразового отделителя без нарушения исходных грамматических связей» (Касевич 1988: 163).

По данному признаку отдельными словами будут признаны, кроме послелогов, традиционно полагаемых служебными словами, также аффиксы падежей и притяжаний, поскольку в монгольском языке действует так называемое «вынесение за скобку». Это означает, что между основой и аффиксом падежа могут быть свободно вставлены с сохранением синтаксической структуры *фразовые слова* (отделители), то есть такие сегменты, которые могут упот-

¹² Поясним на одном примере. Существуют достаточно типичные «служебные значения» — падежные, временные, видовые и т. п. Но хорошо известно, что они далеко не универсальны как выражающиеся грамматическими (служебными) элементами. Например, *время действия* в большинстве языков выражено в форме глагола, однако в тагальском оно может быть обозначено только лексически. *Каузатив* во французском выражается аналитической формой, в русском лексически, а в монгольском — в виде формы глагола. Эти примеры (коих число можно умножить) свидетельствуют о слабости семантических критериев, которые дают лишь общее и часто довольно неясное представление о строе конкретного языка.

¹³ Обсуждение этих и других критериев членения текста на словоформы см., например, в: (Квантитативная типология 1982: 17–24; Касевич 1988: 163–171).

ребляться как высказывание. Например, в предложении *би дүүдээ сойзоо өгөв* ‘я отдал младшему брату свою щетку’ можно увеличить количество «отданных предметов», и тогда между *сойз* ‘щетка’ и *-оо* (Suf. Refl. Poss.) появятся сегменты, которые, несомненно, могут быть фразовыми словами: *би дүүдээ сойз, саван, толио өгөв* ‘я отдал младшему брату свои щетку, мыло, зеркало’.

Так же ведут себя и «послелогии»: *аар саар юмыг цүүх, халаасан дотор чихлэв* ‘распихал мелкие вещи по (букв. внутри) сумкам и карманам’. Однако они, в отличие от падежей, могут употребляться самостоятельно: *дотор базанна* ‘колет внутри ~ резь в животе’.

В отличие от именных падежных и послеложных конструкций, сочетания глаголов — обычно деепричастие (иногда причастие) знаменательного глагола и следующего за ним глагола более абстрактного значения («служебного глагола») — не допускают фразовых вставок. Для некоторых аналитических форм возможно лишь вставление усилительных частиц. Может быть, отчасти поэтому аналитические формы глагола агглютинируют (в диахроническом смысле) сильнее, чем именные аналитические формы. Ср. фузию, претерпеваемую прогрессивом (континуальной формой): *явж байна* ‘идет’ — [jaβadʒla βaenɮ] > [jaβadʒʌenɮ]. Большинство аффиксов аспектно-видового значения (и не только они), по-видимому, также образовались из аналитических форм, например *явчихсан* ‘ушел вдруг’ < *явж орхисон* (букв. ‘уйдя, бросил’).

Существуют такие сочетания определения с определяемым, которые не допускают вставок, например уже упоминавшееся «предметное определение» в сочетании *модон байшин* ‘деревянный дом’. При этом *модон* не является здесь синтаксически самостоятельным словом (не может иметь зависимых слов) и, кроме того, не может быть именной частью сказуемого, то есть буквальный перевод рус. *дом — деревянный* в виде **байшин модон байна* грамматически неправилен.

Неразделимость некоторых знаменательных единиц вызвана строгим порядком слов в монгольском. Взаиморасположение определений перед определяемым также регламентировано (Санжеев

1934: 135), и после «предметного» определения вставить ничего нельзя. Так ведут себя многие атрибутивные формы имен, и не только те, которые могут обозначать материал. Семантика таких определений довольно широка: ‘уподобление’, ‘родо-видовая отнесенность’, ‘количество’ и проч.

Если возможность вставки говорит о том, что в данном сочетании есть словесная граница, то отсутствие такой возможности во все не означает, что сочетание данных сегментов есть единое слово. Критерий на это не указывает (он не диктует: «тогда и только тогда», то есть не является двойной импликацией).

(2) Если мы воспользуемся еще одним признаком — критерием свободного варьирования компонентов. — то получим несколько иной результат, лишь частично совпадающий с тем, что дает критерий вставимости.

Данный критерий определения словесной границы состоит в том, свободные словосочетания могут варьировать свои компоненты без ограничения (дом может быть какой угодно, а не только деревянный; деревянным может быть что угодно, а не только дом и т.п.). Варьируемость падежей и послелогов ограничена довольно коротким списком (в отличие от основ, которые ими оформляются), поэтому мы не можем по данному критерию установить перед ними словесную границу. Но мы не можем этого сделать и в устойчивых фразеологизмах, где невозможна замена компонентов, например, в *похой и үзгэн* — букв. ‘гол (как) собака’ (подобие рус. *гол как сокол*).

Нагляднее картину действия указанных критериев, можно представить в виде таблицы (знак || означает, что в данном случае вопрос о словесной границе по структурным критериям не может быть решен однозначно).

Таблица показывает результат применения критериев, и только. Членение на словоформы зависит от выбора критерия и подчинено той цели, которую преследует морфологический анализ. Подход к этому вопросу может оказаться разным в зависимости от теоретических концепций, вкусов исследователя, традиций и проч. Так, например, в орфографии представлен один из вариантов чле-

нения, который очевидно связан со степенью агглютинированности синтагмы и ориентирован на словоформу как сингармонически цельный сегмент.

		Критерий вставимости	
		можно вставить	нельзя вставить
Критерий варьируемости	можно варьировать	Свободные словосочетания	Неотделимые атрибутивы (<i>модон</i> <i>байшин</i>)
	нельзя варьировать	«Вынесение за скобку» падежных формантов (<i>сойз</i> <i>оо</i>)	Фразеологизмы (<i>нохой</i> <i>н үгэн</i>); аналитические глагольные формы; морфные швы внутри слова

Морфонологический аспект проблемы выделения слова, разумеется, нельзя не учитывать, памятуя о взаимосвязанности языковых уровней. Он связан, в первую очередь, с тем средством, которое язык использует при формировании словоформы. Например, в русском языке одним из средств оформления словесной цельности является ударение. А для монгольского языка это, конечно, сингармонизм. Поэтому резонно считать входящими в состав слова падежные и притяжательные аффиксы, поскольку они подчиняются сингармонизму, а послелого, как сегменты, не имеющие сингармонических вариантов, отнести в разряд служебных слов¹⁴.

Решать вопрос: слово или не слово? — можно разными путями по разным признакам. Практически же надо определиться только с тем, что помещать в словарь. По традиции в монголистике принято делать так: в словаре вы найдете слово *мод(он)* ‘дерево’ (с указанием на вторую основу с *-н*) и в переводном словаре отдельными пунк-

¹⁴ В языках, имеющих фонологически значимое ударение, в состав слова фактически входят энклитики и проклитики, хотя в орфографии они очень редко пишутся слитно со словом, к которому относятся.

тами 'дерево' и 'деревянный', а в толковом словаре — атрибутивную форму только в виде примеров, чтобы по крайней мере дать понять, что *модны* (Gen.) *мужаан* — это 'столяр' (букв. столяр по дереву), а *модон* (Attr.) *мужаан* — это, скорее всего, 'деревянный дровосек', *үнэгэн малгай* — 'лисыя шапка (шапка из лисьего меха)', а *үнэгний малгай* — 'шапка лисы (принадлежащая лисе)' и т.д.

Послелого-наречия приводятся в словаре, падежные форманты отнесены к грамматике не как самостоятельные слова, а как аффиксы¹⁵. «Служебные глаголы» можно найти в словаре, там, где они приводятся как знаменательные, а их служебная функция описывается как полисемия (или синонимия; обычно не уточняется).

Примерно так современная монгольская грамматическая традиция разделяет грамматику и словарь.

Структура словоформы

Монгольская словоформа стандартна по своему устройству. На первом месте — корень, за ним могут следовать словообразовательные суффиксы, после них — словоизменительные. Порядок морфем строго определенный и почти никогда не нарушается¹⁶.

Большинство классов слов имеет следующее свойство: любая возможная последовательность морфем может функционировать как словоформа. Возьмем достаточно длинное слово, например: *гэрэл-т-үүлэ-гч-ээр-ээ* 'своим прожектором' (Ins., Refl. Poss.) и будем отделять по одной морфеме: *гэрэл-т-үүлэ-гч-ээр* 'прожектор' (Ins.), *гэрэл-т-үүлэ-гч* 'прожектор', *гэрэл-т-үүлэ* 'освещай'

¹⁵ Примечательно, что в классическом старописьменном языке падежи пишутся отдельно от слова, а в старых русских грамматиках монгольского языка их называют падежными послелогоми.

¹⁶ Те редкие случаи, когда такое все-таки происходит, имеют свою причину. Например, суффиксы пассива *-д* и каузатива *-уул* могут встречаться в любой последовательности, но этого практически никогда не происходит при одной и той же глагольной основе. Исключения крайне редки, см. о них: (Кузьменков 1984). Там же изложен опыт применения к монгольскому языку «теории порядков». Об этой теории см. (Ревзин, Юлдашева 1964).

(Imp.), *гэрэл-т* ‘светись, сияй’ (Imp.), *гэрэл* ‘свет’. Всякий раз будет получаться самостоятельная словоформа.

Исключение, то есть слова с несамостоятельным корнем, составляет уже упоминавшийся класс *имитативов*. Этот класс можно охарактеризовать семантически как группу слов, образованных корнями со звуко-символическим значением. Но дело не только в семантике. Звуко-символизм может присутствовать в лексемах самых различных морфологических классов, да и само понятие «звуко-символическое значение» не имеет вполне надежного определения. Мы же говорим о совершенно определенной группе слов, выделяемой по чисто морфологическому критерию, и имеющей, как правило, звуко-символическое значение: имитативные корни образуют слова, относящиеся по меньшей мере к двум частям речи: к прилагательным и глаголам, и образованные характерными только для них суффиксами. Речь идет о таких, например, формах: *нялцгар* ‘мягкий, тестообразный’, *нялц-ай-х* ‘быть мягким, тестообразным’, *нялц-алза-х* ~ *нялц-гана-х* ‘трястись, двигаться (о тестообразном)’; *жсийт-гэр* ‘узкоглазый’, *жсийт-ий-х* ~ *жсийт-ай-х* ‘быть узкоглазым’, *жсийт-элзэ-х* ~ *жсийт-гэнэ-х* ‘моргать узкими, прищуренными глазами’ и т. п. Корни *нялц-*, *жсийт-* и т. п. не могут употребляться в качестве самостоятельных словоформ.

Не вдаваясь в непростые и спорные проблемы фоносемантики, рискну предположить, что данное свойство имитативных корней (невозможность самостоятельного употребления) в их знаковой мотивированности¹⁷.

¹⁷ Иначе говоря, фонетическая структура имитатива детерминирует в той или иной степени его семантику. Мне известно около 600 монгольских имитативов, некоторые из них подверглись демотивации, например *хулгар* ‘корноухий’ > ‘сурок’, но основная масса сохраняет свои свойства. Сочетаемость их очень узка, иногда уникальна, например *доёгор* ‘длинный и крючковатый’ сочетается практически с единственным словом *уурга* ‘укрюк’. в крайнем случае, со словом *мод* ‘дерево, палка’, но только в том случае, если дерево напоминает по форме укрюк. По-видимому, этот класс пополняется за счет фонетического варьирования (оглушение звонких согласных, переогласовка и т. п.) и, возможно, диалектного. Информанты, которым я предлагал придуманные мною имитативы, с уверенностью, иногда меньшей, иногда большей, приписы-

Несколько слов о сходных чертах синтаксиса и морфологии в монгольском языке. Последовательность словоформ в предложении и последовательность морфем в словоформе имеют общие черты, которые можно было бы назвать *функционально-семантическим изоморфизмом*. В любом словосочетании проявляется доминанция последующего члена предложения над предыдущим: «слуга» всегда предшествует «хозяину». В том же направлении можно проследить переход от более абстрактной семантики к более конкретной. Простейший пример с определением, которое конкретизирует значение определяемого «от рода к виду» (*үхэр хулгана* ‘крыса’, букв. ‘бык-мышь’) «принадлежность» (*ахын морь* ‘конь старшего брата’ — уточняется, какой именно или чей) и т.д. Предикативная синтагма строится по тому же принципу: перед глаголом-сказуемым, называющим абстрактную ситуацию, например *өгөв* ‘дал’, располагаются «уточняющие детали» — *кто, кому, что*, может быть, еще и *за что*, и *почему*, а также все кондиции этого диктума, то есть различные обстоятельства (когда, где, при каких условиях и т.д.). В результате получаем примерно такую картину: *өчигдөр Бат дүүдээ эвхмэл хутгаа бэлэглэж өгөв* ‘вчера Бат подарил (дал в подарок) своему младшему брату складной ножик’. В любой паре «слуга-хозяин» из этого высказывания «слуга», заполняя одну из валентностей более абстрактного «хозяина», конкретизирует его значение (угол показывает направление синтаксической зависимости): *өчигдөр* ‘вчера’ < *өгөв* ‘дал’; *эвхмэл* ‘складной’ < *хутгаа* ‘свой нож’; *дүүдээ* ‘своему брату’ < *бэлэглэж* ‘подарил’ и т.д.

Аналогичная картина и в словоформе. Так же, как в предложении, где царит строгий порядок слов, в словоформе корень и следующие за ним аффиксы расположены строго по рангу: непосредственно к корню присоединяются аффиксы с более конкретным значением — словообразовательные, а за ними с более абстрактным — словоизменятельные.

вали им вполне определенное значение, и не было случая, чтобы кто-то сознал, что встречает данное слово впервые.

Этот семантический изоморфизм пронизывает всю структуру монгольского текста и сближает синтаксический уровень с морфологическим, а если точнее: структуру уровня предложений со структурой низших знаковых уровней, словоформ и морф¹⁸.

МОРФОНОЛОГИЯ

Общепринятой типологии по морфонологическим признакам вроде бы не существует (Касевич 1986: 143), поэтому мы, изложив те морфонологические черты компонента монгольской языковой системы, которое нам удалось подметить, предлагаем читателю самому сравнить их с подобными же параметрами других языков.

Агглютинативность монгольского языка обуславливает характерную особенность: варианты морфем (алломорфы) определяются не сочетанием морфем, а фонологическим контекстом. Для аффиксальных морфем это, в частности и по преимуществу, сингармонизм. Корневые морфемы, к которым присоединяются аффиксы, тоже могут иметь варианты за счет чередований, происходящих в месте соединения. Эти чередования также имеют фонологическую мотивировку. Можно выбрать и «основной вариант» морфемы, для корня это будет его изолированная форма.

Корень редко варьирует фонемный состав. Например, корень глагола *авах* ‘брать’ может иметь следующие варианты: [aβ] — *ав* ‘бери’ (Imp.), [aβ] — *авуулах* ‘заставить взять’ (Caus.), [aβ₁] — *авсан* ‘взял’ (Part. Perf.). Первый вариант — с имплозивным [β], второй — при ресиллабации в интервокальной позиции со целе-

¹⁸ Здесь можно вернуться к идее *доминанты*, о которой упоминалось выше. Г.П. Мельников предлагает следующую формулировку для доминанты, определяющей строй типичных агглютинативных языков: «экономия служебных элементов» (Мельников 1971). Представляется, что функционально-семантический изоморфизм, организующий структуру монгольского текста на всех уровнях, имеет следствием и пресловутый «принцип экономии», и все, что из него следует. Не исключено, что *доминанта языковой системы* имеет непосредственную связь (а скорее, взаимосвязь) с психологическим типом мышления.

вым [β], третий — в преконсонантной позиции со щелевым оглушенным [β̥]. С точки зрения фонемного состава все это одно и то же: /ab/.

Аффикс «определенного прошедшего» имеет четыре варианта: *ав-лаа* ‘взял’, *мэд-лээ* ‘понял’, *бод-лоо* ‘подумал’, *ах-лөө* ‘дал’. По традиции за основной выбирается вариант с [a:], остальные как бы по иерархии записываются в учебниках в том же порядке, как в приведенных примерах. Мотивировка такого порядка, возможно, кроется в понимании гласного [a:] как немаркированного по сравнению с другими, а также в принятии составителями пособий (часто носителями языка) иерархии маркированности: «ряд» > «лабиализованность». Строение словоформы определяется корнем, который может принадлежать к одному из четырех сингармонических классов. Эти классы определяются по двум признакам гласных корня: твердый (задний) ряд // мягкий (передний) ряд, неогубленность // огубленность.

Неавтоматическими чередованиями могут, по-видимому, считаться только употребление второй основы имени (на -и) для корней и выбор формантов некоторых падежей, обусловленный наличием исторического [ɣ], — для аффиксов.

ФОНОЛОГИЯ

Собственно, всю эту книгу в определенном смысле можно рассматривать как типологическую характеристику фонологической системы монгольского языка. В заключительной главе, подводя итоги, мы постараемся подытожить все основные доступные нам сведения по фонетике и фонологии. И тем не менее сейчас, невольно забегая вперед, дадим предварительную оценку места монгольского языка в фонологической типологии.

Фонологический тип монгольского языка определяем по разработанной В. Б. Касевичем типологии по трем признакам: 1) возможность//невозможность неслоговых морфем; 2) возможность//невозможность ресиллабации; 3) возможность//невозможность функциональной нагруженности компонентов слога (Касевич 1983).

Неслоговых корней в монгольском языке не отмечено, но есть несколько аффиксов. Например, словообразовательные аффиксы отглагольных существительных [g]: *хоно-* [xonǒ-] ‘ночевать, проводить сутки’ > *хоног* [xonǒg] ‘сутки’; [-l]: *мэдэ-* [medē-] ‘знать, понимать’ > *мэдэл* [medēl] ‘знание, компетенция’. Если основа глагола оканчивается на согласный, между ней и аффиксом может появиться соединительный гласный, выбираемый соответственно сингармоническому типу основы: *гар-* [gaɣ-] ‘выходить, появляться’ > *гарал* [gaɣāl] ‘происхождение’. В качестве неслоговых морфем могут выступать почти все сонанты, кроме [j], приведенный выше слабый [g] и сильный щелевой [s] (показатель множества).

Ресиллабация в монгольском происходит свободно при соединении морфем. Примером может послужить приведенное *гарал* [gaɣ-āl] ‘происхождение’ в одном из падежей, например в исходном: *гаралаас* [ga-ɣā-la-ṣā]. Основной вид ресиллабации — превращение закрытого слога в открытый при переходе конечного согласного в соседний слог.

Благодаря той же ресиллабации становится возможной ситуация, когда функциональную нагрузку несет только часть слога, обычно финальная. Например, *матар* [mat‘ār] ‘крокодил’ в родительном падеже — *матрын* [mat‘arɪŋ] — перестраивает слоговую структуру, в результате чего в последнем закрытом слоге появляется морфемная граница: [ɣ ||i:ŋ].

Положительное значение для монгольского всех трех указанных признаков позволяет отнести его, по классификации В.Б.Касевича, к *неслововым* языкам с основной фонологической единицей — фонемой.

Просодический тип монгольского языка характеризуется иррелевантностью качества и места ударения (Герасимович 1975), отсутствием значимой просодии отдельного слога.

До выхода в свет работы Л.К.Герасимович, основанной на экспериментальных исследованиях монгольской просодии, в ходу были разные мнения, отражавшие субъективное восприятие ударения. Я.Шмидт и Г.Рамстедт утверждали, что ударение падает на первый слог в слове (Рамстедт 1908: 56; Шмидт 1832: 15), А.Боб-

ровников и А. Орлов, напротив, уверяли, что ударение приходится на последний слог (Бобровников 1849: 33; Орлов 1878: 14), этого мнения, видимо, придерживался и А. Позднеев. Б. Я. Владимирцов писал: «Ударение в халхаском наречии... очень сильное, оно всегда падает на первый слог слова... Кроме этого экспираторного ударения... наблюдается в известных случаях второстепенное ударение, падающее на последний гласный слова» (Владимирцов 1929: 97).

Разумеется, правы все. И Л. К. Герасимович, которая показала, что физические параметры, определяющие ударение, не выделяют какой-либо слог, и Г. И. Рамстедт, и А. Бобровников, описавшие свои различные впечатления от монгольской просодии, и Б. Я. Владимирцов, который заметил (естественно!) наиболее отчетливое и длительное произношение первого слога и, кроме того, учел возможность усиления последнего слога в эмпазе (NB! «в известных случаях»). Разные мнения по поводу ударения объясняются восприятием сильных (долгих) монгольских слогов как ударных, так же как и адаптирующее восприятие монголами ударных слогов в чужих языках как долгих.

Доминирующей фонетической и морфонологической особенностью является сингармонизм¹⁹. В начале данного раздела мы говорили о корреляции языковых типов, что также можно понимать как корреляцию различных признаков языковой системы, по которым эти типы определяются. Возможно, не все признаки связаны безусловной импликацией, но вряд ли можно сомневаться, что сингармонизм является первопричиной многих явлений в фонологической системе и, в частности, сводит к минимуму функцию ударения.

Ударение в тех языках, где оно присутствует, выделяет *ударные сегменты* даже если не несет фонологической функции (как во

¹⁹ Сингармонизм, в самом деле, настолько существенная деталь монгольской языковой системы, пронизывающая ее морфонологию и имеющая первостепенное значение в фонологии, что именно с него можно начинать повествование обо всем, имеющем отношение к монгольскому языку. Мы, однако, полагаем, что читателю знакомо это явление, хотя бы в общих чертах, и за всеми подробностями, касающимися сингармонизма, отсылаем его в соответствующий раздел (см. с. 71 сл.).

французском или в польском)²⁰. Эти ударные сегменты текста (снабженные ударением или имеющие ударный слог) часто совпадают со словоформами, но не обязательно. Ударным сегментом может быть и целая синтагма, как во французском. В языке же, обладающем сингармонизмом, роль выделителя словоформы отводится соответственно ее гласных одному из сингармонических классов, число которых в монгольском, как уже было сказано, четыре.

Фонетическое качество, свойственное в других языках ударению, компенсируется противопоставлением нормальных и долгих гласных. Ударение, имеющее смысловозначительную функцию в языках с подвижным ударением (например, в русском), воспринимается монголом как удлинение гласного. Например, *Москва* произносится: [masxлʒa:].

Поэтому в языках с сингармонизмом, где обычно сильно развит вокализм и, как правило, присутствуют долгие гласные, появление подвижного фонологического ударения маловероятно. Если же гласные не противопоставлены по долготе, то ударение может быть действенным, то есть обладать смысловозначительной функцией, как, например, в азербайджанском: *алма* 'яблоко' ~ *а́лма* 'не бери'. Но эта импликация: «отсутствие долгих гласных при сингармонизме сопровождается наличием подвижного ударения», едва ли может считаться универсальной. В близкородственном азербайджанскому языку турецком «не наблюдается... резкой разницы в смысле ясности или неясности произношения и воспринимания слогов ударяемых и неударяемых» (Самойлович 1925: 21)²¹.

Сингармонизм может иногда выполнять смысловозначительную роль (то есть фонологическую функцию, характерную для

²⁰ Нельзя здесь не упомянуть о случаях двух ударений в одной словоформе, например в древнегреческом, русском, немецком, литовском. Однако каждый такой случай обязан своим существованием либо связи с каким-то сегментом вне данной словоформы (энклитика в греческом, «вынесение за скобку» общей части сложных слов в русском), либо разным видам ударений (в литовском).

²¹ Впрочем, я не очень уверен в точности А.Н.Самойловича — и *алма* 'яблоко', и *а́лма* 'не бери' по-турецки звучат почти так же, как по-азербайджански.

ударения), но это довольно редкое явление и для современного монгольского языка нехарактерное. В древнемонгольском оно могло присутствовать, судя по остаткам параллельных форм (наподобие соответствия: твердый ряд ~ обозначение существа мужского пола, мягкий ряд ~ женского), в значительной степени трансформировавшихся (Владимирцов 1929: 130). Это явление сохранялось в маньчжурском языке, связанном с монгольским если не узами родства, то, по крайней мере, ярко выраженным типологическим изоморфизмом: ср. маньчж. *хаха* ‘мужчина’, *хэхэ* ‘женщина’, *арслан* ‘лев’, *эрслэн* ‘львица’ и еще несколько подобных примеров.

Подытоживая раздел о типологии, можно сказать, что монгольский язык — это язык, имеющий строгий левоасимметричный порядок слов и регламентированное асимметричное строение словоформы, язык агглютинативный, сингармонический, неслоговой (фонемный).

Для определения фонемы используется парадигматическое противопоставление звуковых сегментов и их отождествление как эквивалентных классов (классов аллофонов), которые представляют фонему или, лучше сказать, соответствуют этой абстрактной единице фонологической системы.

Например, звуки [d, ɖ, ɗ, ɗ̥] соответствуют единице системы, которую мы называем фонемой /d/, и являются ее представителями в тексте, то есть единицами звукового членения текста или иначе — аллофонами фонемы /d/. Между собой аллофоны находятся в отношениях дополнительной дистрибуции (распределены по контекстам; например, звонкий [d] в преконсонантной позиции перед слабыми согласными, например в *одлоо* [odlɔ:] ‘ушел’ — Past. Def., а оглушенный [ɖ] — перед сильными, например в *одчээ* [odʧɛ:ʰ] ‘ушел’ — Past. Descr.) и/или свободного варьирования (взаимозаменяемы в одном и том же контексте; например, оглушенный [ɖ] и имплозивный [ɗ̥] в финальной позиции, например в *болд* [bolɔɖ] ~ [bolɔɗ̥] ‘сталь, булат’).

Фонологическое различие звуков может проявляться при подборе словоформ (квазиомонимов), составляющих минимальные пары. Так, например, в минимальной паре *одоо* [odɔ:] ‘сейчас’ и

отоо [ot'oo:] 'подкрадывается' (Part. Imp.) фонемы /d/ и /l/ противопоставлены как «слабый» и «сильный». В противопоставлении ам [amɮ] 'рот' ~ амь [am'ɮ] 'жизнь' обнаруживается оппозиция фонем твердого /m/ и мягкого /mj/.

Для постулирования фонем, для определения иерархии дифференциальных признаков и иерархии аллофонов существенную роль играет понятие *сильной позиции*. Под сильной позицией подразумевается такое положение звука, в котором он может максимально различаться с другими.

В монгольском языке наиболее отчетливо с нормальной долгой гласных произносится первый слог. Гласные последующих слогов редуцируются, сокращается их длительность, напряженность лабиализации, становится менее определенным положение языка. Особенно сильно редуцируются нормальные гласные. Долгие гласные подвержены этому в меньшей степени, и все же при наличии нескольких долгих в одном слове происходят сходные процессы. Поэтому сильной позицией для любых гласных следует считать их положение в первом слоге, и эту позицию (если гласный может в ней находиться) будем считать характеризующей исходный или «первый» аллофон.

Для согласных «первый» аллофон также будет устанавливаться по первому слогу, а точнее — по инициали первого слога. Если фонема не может занимать такую позицию, для нее сильной будет считаться интервокальная.

Дальнейшая и более подробная иерархия позиций приводится в соответствующих разделах.

Реальность каждой фонемы и всей фонологической модели мы понимаем как способность выполнять смыслоразличительную функцию в различных фонетических условиях. Оценить эффективность «работы» модели можно на примерах ее «реализации», то есть функционирования аллофонов всех фонем. Этому посвящены две следующие главы.

Глава 2

ГЛАСНЫЕ

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Гласные звуки, в отличие от согласных, выделяются как *словообразующие*.

Сонорные согласные также могут иногда образовывать слоги, например: *тэгнээ тэгнэ* [tʰeɣʰɛnʰe: tʰeɣʰɛnʰɛ] ‘так-так’ (дейктический глагол в форме Praes. Imp.) — здесь при редупликации первый элемент произносится в эмфатической форме, а второй в редуцированной (с выпадением гласного); *яриад л байна* [jaɣʰa:d l βaɣnɒ] ‘занято’ (о телефоне; букв. говорят все еще) — усилительная частица *л* [l] ~ [ɔl] при агглютинации теряет огласовку. Однако необходимо отметить, что сонанты становятся слоговыми только при дополнительных условиях (энклитики, эмфаза). Этим центрально-халхаский отличается от других (в основном, западных) диалектов, где сонанты образуют слоги и при изолированном нейтральном произношении, ср., например, калм. *модн* ‘палка’ [modɒ].

Таким образом, признак, выделяющий гласные, нуждается в корректировке. Выражаясь точнее, следует сказать: гласные *всегда* являются слогообразующими звуками, а согласные — как правило, «сопутствующими» и лишь иногда слогообразующими. Этот признак достаточен для определения гласных, согласные же выделяются по остаточному принципу¹.

Приведем основные типы гласных, вычленяемых в качестве минимальных единиц-фонов.

¹ Фонетическое определение согласных как звуков, обладающих *преградностью*, на наш взгляд, может привести к затруднениям в «пограничных» случаях, когда придется определять преграду для слабых целевых согласных в отличие от «беспреградных» узких гласных. Ср. варианты в передаче имени собственного: *доктор Ватсон* ~ *Уотсон*.

Артикуляционные типы гласных

Передние	→	Смешанные	→	Задние
ʏ				
ʏ		ɪ		u
ø				u
ø		ɛ		o
		ɛ		o
		æ		
			a	
			a	
			a	
				a

На схеме обозначены все основные варианты нормальных (кратких) гласных, главным образом, в сильных позициях (первый слог). Большинство из них имеют долгие корреляты, которые качественно не отличаются от нормальных гласных, поэтому они не вписаны в схему, дабы ее не загромождать. По этим же причинам не указаны и укороченные гласные непервых слогов.

На схеме по традиции содержатся только «чистые» гласные, дифтонги и дифтонгоиды в приведенную схему «не укладываются». Первые содержат в себе форманты, соответствующие нормальным гласным в приведенной схеме или их долгим коррелятам, но не могут быть соотнесены с каким-то одним местом в схеме. О вторых как аллофонах см. на с. 91, 98, 109.

Все указанные на схеме гласные могут быть причислены к своим *звукотипам* или *фонемам*, их можно представить следующим списком.

Шесть кратких (*нормальные*): ʏ, ø, ɛ, a, ø, u;

семь долгих: ʏ:, i:, ø:, ɛ:, a:, o:, u:;

пять дифтонгов: ɥi, øɛ, æɛ, oɛ, ui.

Поскольку данный перечень фонем отличается от аналогичных списков у других авторов, считаем необходимым обосновать *отсутствие* в нем некоторых традиционных элементов. Доводы в пользу исключения из состава монгольских фонем краткого [i] и некоторых дифтонгов следующие.

Гласный [i] как «фонологический фантом»

В словарях нового времени, использующих кириллицу, находят такие примечательные образцы неустойчивой (точнее, вариантной) орфографии, как *шч* ~ *элч* 'теплота', *мич* ~ *мэч* 'обезьяна', *ши* ~ *эши* 'рукоятка', *ижий* ~ *эжий* 'мама', *минж* ~ *мэнж* 'бобер' и т.п. Очевидно, что это может быть примером нейтрализации оппозиции /i/ — /e/ в препозиции мягких согласных /č/, /ʒ/ и /ʂ/² (второй аллофон /e/, получающий дополнительный подъем, очень близок к [i]; см. с. 105). В постпозиции тех же /č/, /ʒ/ и /ʂ/ употребляется только буква *и* — либо орфография в этом случае более строга, либо подъем сильнее (а скорее всего и то и другое).

Однако оказывается, что наличие в постпозиции /č/, /ʒ/ и /ʂ/ — вовсе не обязательное условие орфографической вариативности букв *и* ~ *е*. Имеется достаточное количество примеров, где эти гласные при отсутствии в окружении палатализованных согласных, казалось бы, должны четко различаться, но этого не происходит: *бидрэх* ~ *бэдрэх* 'искать', *нилээд* ~ *нэлээд* 'много' и т.п.

Еще более ярко проявляется «неопределенность отношений» *и* ~ *е* не в нормативной орфографии, а в написании подобных слов малограмотными монголами. Так, например, противоречащее орфографии написание *билэг* может относиться как к слову со значением 'талант' (орф. *билиг*), так и к слову 'подарок' или 'признак' (орф. *бэлэг*)³; смешиваются на письме глаголы *ирэх* 'приходить' и *эрэх* 'искать', слова *хил* 'граница' и *хэл* 'язык' и т.д.

Чтобы считать звук фонемой, то есть системообразующим элементом, необходимо засвидетельствовать основную функциональную роль фонемы в фонологической системе — дистинктив-

² Монгольские аффрикаты /č/, /ʒ/ и /ʂ/ — мягкие «по природе». Препозитивные им сонанты как правило тоже могут быть только мягкими. Например, слово *минж* 'бобер' в транскрипции выглядит как [m'in'dʒ'ə].

³ Судя по старонисьменным и среднемонгольским формам, эти слова ранее различались: *bilig* 'талант', *beleg* 'подарок', *belge* 'признак', но сейчас, благодаря ресилабации и сближению звуков [i] и [e], они акустически идентичны.

ную. Например, могут существовать прямые оппозиции квазиомонимов, называемые обычно *минимальными парами*. Для фонем, противопоставленных на широком спектре единиц по признаку, образующему коррелятивный ряд, как правило, нет недостатка в «минимальных парах». Но похоже, что здесь совсем не тот случай, а оппозиция [i] — [c] в «минимальных парах» весьма сомнительна и существует, по-видимому, только в орфографии: *их* ‘большой’ — *эх* ‘мать’, *ир* ‘приходи’ — *эр* ‘мужчина’, *хив* ‘газ (ткань)’ — *хэв* ‘форма’.

Например, слово *хив* ‘газ (ткань)’ информанты легко смешивают с *хэв* ‘форма’ там, где это позволяет контекст: *хив хадаг* ‘газовый хадак’ не вызывает сомнений, но *хивээр хийсэн хадаг* ‘хадак, сделанный из газа’ понимают как ‘хадак, сделанный как обычно’, то есть воспринимая *хивээр* ‘из газа’ как *хэвээр* ‘по форме’.

В условиях, когда в двухсложном слове второй слог содержит краткий гласный, инициальный [i] может йотироваться в свободном варьировании, например: *их* ‘большой’ [iχ̣ə ~ j̥iχ̣ə], *ир* ‘приходи’ [iɾ̥ɛ̄ ~ j̥iɾ̥ɛ̄]. Этого не происходит, если второй слог содержит долгий гласный или перед начальным нет достаточной паузы. Ср.: *ихээр* ‘во множестве’ (Ins.) [iχ̣eːɾ̥], *нааш ир!* ‘иди сюда!’ [naːʃ̣ liɾ̣ə]. Таким образом, минимальные пары с инициальным гласным не могут считаться идеальными.

Обычные эксперименты с восприятием для попытки установить смысловозначительную функцию звука [i] сильно осложнены из-за неизбежной орфографической интерференции информантов. Возможности использования эмфазы также ограничены. Эмфаза помогает, например, удостовериться в реальности финального /a/ в слове *архи* [aɾ̣ ɑχ̣ ɿ] ‘водка’ (в эмфазе: [aɾ̣ ɿχ̣ ɑ:], но не [aɾ̣ χ̣ ɿ:]). Однако очень трудно добиться эмфатического удлинения гласного, находящегося в первом слоге.

Тем не менее представляется, что указанные ошибки малограмотных информантов и орфографические «вариации» достаточно показательны и говорят в пользу некоторой «фантомности» фонемы /i/ так же, как «ошибки» наподобие *портчик* ‘форточка’ или *пилирт* ‘флирт’ убеждают меня в том, что в монгольском языке

(что бы ни говорилось по этому поводу в литературе) не существует фонемы /f/ или /ф/.

Выпадение из системы фонем гласного /i/ (узлового в *треугольнике Хеллвага*), конечно, выглядит довольно нетрадиционно⁴. Тем более что полноправной фонемой остается долгий /i:/. Получается, что маркированный (долгий) член оппозиции присутствует, а немаркированного нет. Но здесь стоит напомнить о том, что в бурятском языке аналогичная ситуация возникла с фонемой /ø/: долгий /ø:/ существует, а обшемонгольский /ø/ сменился на /ʏ/⁵.

Фонологический статус дифтонгов [ua] и [uae]

Если судить по орфографической форме слов, то сочетания гласных *ua* или *uai* встречаются в монгольских текстах нередко. Нетрудно заметить, что их употребление ограничивается в основном открытыми слогами с начальными согласными *z* или *x*. Одно из редких исключений: *шуайз* ‘щетка’ (< кит. *shuāizi* id.). Необычная форма адаптации (вместо **шуаз*), возможно, вызвана именно наличием инициального [ʃ ~ s]; ср. аналогичное слово того же значения и более раннего происхождения — *сойз*.

Такое ограничение объясняется источником появления слов с «восходящими дифтонгами». Основная их масса — заимствования из китайского языка. Например: *шийгуа* ‘арбуз’ (< кит. *xīguā* id.), *гуанз* ‘столовая, ресторан’ (< кит. *guǎnzi* id.), *лянхуа* ‘лотос’ (< кит. *liánhuā* id.), *хуайс* ‘акация’ (< кит. *huái* ‘софора’) и проч. Реже встречаются заимствования из других языков, к примеру *хуаран* ‘казарма’ (< маньчжур. *хуварань* ‘военный лагерь’).

Исконных слов или старых заимствований со слогами подобной структуры очень немного. Вот их едва ли не полный список:

⁴ Единственное известное мне упоминание о сближении фонем /i/ и /e/ содержится в книге (Момо, Мунхамгалан 1982: 82): «В женских словах e, i ясно не различаются и стали вариантами одной фонемы. Например: *илжиг* ~ *элжиг*, *бэлчээр* ~ *билчээр*, *бие* ~ *бэе* и т. д.».

⁵ Кстати говоря, в бурятском фонема /i/ тоже ассимилировалась, и это отмечено в орфографии, например *ерэ* ‘приходи’ (ср. монг. *ир* id.).

гуа ‘изящный’ — стилевой (архаично-книжный) вариант исконного *гое* ‘красивый’; существуют и другие, диалектные и стилевые, варианты этого слова: *гоо* id., *гувай* (sic!) ‘красивая’ (по отношению к существу женского пола); характерный контекст для формы *гуа* — употребление в составе переводных терминов: *гуа сайхны зүй* ‘эстетика’;

хуа ‘бледный’ (обычно в сочетании, например: *хуа улаан* ‘бледно-красный’); Б.Я.Владимирцов дает чтение: халх. [хuwa] (Владимирцов 1929: 210) и сравнивает с тюркскими формами на *kuba-* ‘бледный’ и маньчжурским *quba* ‘светложелтый’ (скорее всего: тюрк. > монг. > маньчж.); ср. также кит. *huābái* ‘седой’;

-гуай ‘уважаемый’ (Нон. Suf.) — очевидная эмфаза с метатезой от *авгай*, но последняя форма может также употребляться самостоятельно в значении ‘хозяин; хозяйка, жена’; обе формы могут выступать в роли гонорифического суффикса, и если *гуай* — обычный, широко используемый способ образования уважительного обращения, то *авгай* в качестве суффикса встречается довольно редко и имеет архаичный и возвышенный стилевой оттенок;

звукоподражания *гуаг-гуаг* ‘кар-кар’ (о вороне) или ‘ква-ква’ (о лягушке), *гуад-гуад* ‘ква-ква’.

Вышеперечисленные и подобные им слова приводятся в качестве примеров во многих работах по монгольской фонетике, в которых постулируются как фонемы дифтонги /ца:/ и /цае:/ (иногда они обозначаются как /ц̥а:/ и /ц̥а̣:/). Однако изучение воспроизведения этих дифтонгов в устной речи заставляет усомниться в реальности их фонемного статуса.

Переход от лабиализованного форманта [u] к нелабиализованному [a] или [ae] практически всегда сопровождается вставкой билабиального [β]:

гуанз ‘столовая’ [gʊ̣βa:ŋdzɮ]; *лянхуа* ‘лотос’ [lʰaŋxɮβa:]; *гуаг-гуаг* ‘ква-ква’ [gʊ̣βa:ḡ ~ gʊ̣βa:ʰ].

Эта вставка бывает более слабой или менее, но она в любом случае может быть описана как оттенок фонемы /ʌ/. Таким образом, сочетание букв *уа* произносится либо как [ʏβa:] в первом слого, либо как [aβa: ~ ʌβa:] — в последующих слогах. В фонемной

записи: /uba:/ ~ /aba:/. Если принять эту модель, то необходимость введения в монгольскую фонетическую систему «восходящих дифтонгов» отпадает.

Разумеется, в речи образованных монголов, в особенности тех, кто владеет иностранными языками, фонетический облик слов с *ua*, *uai* имеет свои особенности: удлиняется первый сегмент, вместо «прокладки» [β] может присутствовать «зияние», гортанная смычка или плавный переход к нелабиализованному гласному. По-видимому, именно этот вариант речи отражен в работе С. Момо, где «восходящие дифтонги» обозначаются то с долгим первым формантом [u:a:] и [u:ä:] (Момо 1979: 87), то с кратким [ua:] и [uä:] (Там же: 60). В книге Ж. Лувсандоржа, где ясно просматривается ориентировка на «естественную речь», мы видим только краткий первый формант [ua:] и [uä:] (Лувсандорж 1975: 52–53).

Аналогом данной ситуации может служить пример из русского языка, когда в «грамотной аккуратной речи» вполне отчетливо произносится сегмент [oa] в таких словах, как *коала*, *оазис*, *Моабит*. Однако вряд ли дифтонг /oa/ сможет найти свое место в русской фонологической системе.

Дифтонги [ua] и [uae] и раньше не были органичны для монгольской фонетики. Об этом говорят старые заимствования, например: *цонх* ‘окно’ (< кит. chuānghū id.), *хунтайж* ‘наследник престола’ (< кит. huāngtāizǐ id.), *юмбүү* ‘слиток серебра весом в 50 унций’ (< кит. yuānbào id.). Последнее слово (весьма, впрочем, редкое) попадает также и виде *юамбүү*, воспроизводящем старописьменные формы *yuvangbuu* ~ *yuvambu*.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Чистые гласные можно представить в схеме, иллюстрирующей их взаимоотношения в терминах дифференциальных признаков.

Нормальные и долгие гласные

Подъем языка	Положение языка переднее ↔ заднее
4	<p style="text-align: center;">y yʷ</p> <p style="text-align: center;">i: u uʷ</p>
3	ə e ə: e:
2	o oʷ
1	a aʷ

По горизонтальному положению языка можно выделить пять градаций. Само собой понятно, что положение языка, определяющее ряд, — параметр не дискретный. Так, вышеперечисленные монгольские краткие гласные можно расположить в следующем порядке по степени продвижения вперед: /u/ (самый задний) > /o/ > /a/ > /e/, /ə/ > /y/ (самый продвинутый вперед). Но для монгольской вокалической системы главной из этих ступеней является переход /a/ > /e/, который не только противопоставляет сами эти гласные, но и служит границей двух сингармонических классов: /u/, /o/, /a/ — «гласные твердого (заднего) ряда», или «мужские», /e/, /ə/, /y/ — «гласные мягкого (переднего) ряда», или «женские» (соответствующие долгие корреляты и дифтонги распределяются по этим же классам). Нейтральный долгий гласный /i:/ можно рассматривать как входящий в оба класса и составляющий *область пересечения множеств* либо как представитель отдельного «класса нейтральных звуков».

Внутри двух классов разница в степени продвинуто-сти носит сугубо фонологический (или даже фонетический⁶) характер без выхода в морфонологию (в закономерности сингармонизма). Поэтому когда мы говорим, к примеру, о «гласном твердого (или заднего) ряда /a/», то говорим о том, что он относится к определенно-

⁶ Например, у гласного /a/ отодвинутость назад варьируется в зависимости от предшествующего согласного. Ср. примеры на с. 89, расположенные в порядке возрастания отодвинутости назад: *нам* 'низкий', *тал* 'степь', *гал* 'огонь'.

му классу, а не о его артикуляторных особенностях (гласный /a/ в фонетической реальности принадлежит к центральному ряду).

Что же касается гласного /i:/, то он выделяется в отдельный класс. Происходит, по сути дела, постулирование двух признаков — 1) твердый ряд // не твердый ряд и 2) мягкий ряд // не мягкий ряд, по которым выделяются четыре класса звуков:

	Твердый	Не твердый
Мягкий	i:	Гласные мягкого ряда
Не мягкий	Гласные твердого ряда	<i>пустой класс</i>

Множество, состоящее из единственного гласного /i:/, мы по традиции определяем как особый *нейтральный ряд*. В традиционной монгольской лингвистике такие звуки, противопоставляя их *мужским* (твердого ~ заднего ряда) и *женским* (мягкого ~ переднего ряда) звукам, называют гермафродитами (*саармаг*).

Фактически /i:/ противопоставлен всем остальным гласным по дифференциальному признаку с сингармоническим «ярлыком» (нейтральный ряд) и со значением дистрибутивного признака как *не ограниченный в позиции*.

Возможен и такой подход: все гласные подразделяются на *гармонирующие* и *нейтральный* (гласный /i:/). Не исключено, что последний вариант — наиболее психологически адекватный. В этом случае классификацию гласных можно представить в виде иерархии:

Гласные		
Гармонирующие		Нейтральный
Твердый ряд	Мягкий ряд	

Для сингармонизма гласный /i:/ безусловно нейтрален. Однако фонетически он, конечно, *переднерядный*⁷, и его артикуляционные качества (высокий подъем, передний ряд) дают о себе знать. Исконные слова с /i:/ в первом слоге, как правило, мягкого сингармо-

⁷ Это учитывает орфография старописьменного языка: слоги ki, gi пишутся с так называемой мягкорядной буквой «k//g» независимо от ряда слова.

нического ряда (присоединяемые аффиксы содержат переднерядные гласные). Обычно это — результат исторического развития: /i:/ < среднемонг. *ei*, *eyi*, *igi* или *i* (в открытом слоге односложного слова). Слова твердого ряда с /i:/ в первом слоге — почти исключительно заимствования, наподобие *пийнаа* ‘лютя’ или *шийгуа* ‘арбуз’ (< кит.). Есть примеры перехода к переднему ряду под влиянием /i:/. Например, *шийдам* > *шийдэм* ‘дубина’ или переход среднемонг. *bida* ‘мы’ (Incl.) > совр. *бид* [bɛdɛ] (ср. *бидэнд* в Dat.) благодаря аналогии: среднемонг. *bi* ‘я’ > совр. *би* [bi:] с долгим /i:/, который дал повод для опереднения однокоренного слова.

Подъем, как и рядность, не дискретный параметр. Число степеней подъема может быть каким угодно: от двух (если подъем хотя бы в одном случае рассматривается как дистинктивный признак) до количества, равного числу гласных, — в зависимости от точности, на которую претендует исследователь.

В приведенной таблице гласных (см. с.62) мы обозначили четыре уровня подъема, которые легко различаются на слух и воспринимаются говорящим. Эти субъективно выделенные степени подъема отражают фонетические различия, но не все они несут функциональную нагрузку в системе.

Гласные /a/, /ɛ/, /ø/, /o/ и /a:/, /ɛ:/, /ø:/, /o:/, то есть фонемы трех первых степеней подъема, противопоставлены по *ряду*, *огубленности* и *долготе* (признаки, имеющие решающее значение для определения сингармонического типа и смысловоразличения), а их различия по *подъему* являются всего лишь сопутствующими фонетическими характеристиками, которые ни в каком контексте не выступают в качестве функциональных дифференциальных признаков.

Намного более весомым для фонологической системы выглядит противопоставление гласных четвертой степени подъема /y/, /u/, /y:/, /i:/, /u:/ всем остальным. Фонетическое различие по подъему коррелирует для каждого из них с дистрибутивными признаками: /i:/ гармонически нейтрален, /y/ и /u/ могут быть только в первом слоге слова, /y:/ и /u:/ прерывают лабиальную гармонию.

Гласные /u/ и /o/, /y/ и /ø/ отличаются степенью лабиализации

(при произнесении /u/ и /y/ губы сильнее напряжены и более вытянуты, чем при произнесении /o/ и /ø/).

Классификация гласных или противопоставление гласных фонем по каждому из дифференциальных признаков будет выглядеть следующим образом.

1. Опозиция по ряду.

Гласные фонемы	
Гармонирующие	Нейтральный
а, о, у а; о; и; ас, ос, иі е, ө, у, е; ө; ү; өс, үі	і:

Твердый ряд	Мягкий ряд
а, о, у а; о; и; ас, ос, иі	е, ө, ү, е; ө; ү; өс, үі

Примечание: ряд дифтонга определяется по первому форманту.

«Мужские» и «женские» классы несимметричны: среди заднерядных гласных «не хватает» /u/, то есть негубного коррелята для /u/, среди переднерядных «не хватает» /i/, то есть негубного коррелята для /y/.

2. Опозиция по лабиализации.

Нелабиализованный	Лабиализованный
а, е, і; а; е; ас	у, ө, о, у; ү; ө; о; и; үі, өс, ос, иі

Примечание: лабиализованность дифтонга определяется по первому форманту.

3. Опозиция по подъему.

Нижний	Верхний
а, о, у, е, ө, а; о; ө; с; ас, өс, ос.	ү, и; ү; и; і; үі, иі

Примечание: подъем дифтонга определяется по первому форманту.

4. Оппозиция по долготе.

Краткий	Долгий
а, о, и, е, ө, ү	ү:, и:, ө:, е:, а:, о:, у:, <u>үі</u> , <u>өс</u> , <u>ас</u> , <u>ос</u> , <u>иі</u>

Примечание: дифтонг относится к долгим гласным⁸.

5. Оппозиция по составности.

Однородный	Неоднородный
а, о, и, е, ө, ү, а:, о:, у:, е:, ө:, ү:, и:	ас, өс, ос, <u>үі</u> , <u>иі</u>

Нетрудно видеть, что большинство фонем противопоставлено друг другу не по одному, а по нескольким ДП. Такие оппозиции обычно называют *многозначными*. Для *однозначных* оппозиций картина будет выглядеть несколько иначе, она приобретет вид так называемых *коррелятивных рядов*. Схемы будут отображать пары, отличающиеся значением только одного ДП:

1. Однозначная оппозиция по ряду.

Твердый ряд	а	о	и	а:	о:	и:	<u>оө</u>	<u>иі</u>
Мягкий ряд	с	ө	ү	е:	ө:	ү:	<u>өс</u>	<u>үі</u>

Ср. с таблицей многозначных оппозиций по ряду. Не имеет мягкого коррелята дифтонг /ас/⁹. Нейтрален к данному признаку долгий /и:/.

⁸ Чисто фонетическая сторона такова. Длительность нормального гласного колеблется в пределах 80–150 мсек, долгого — 350–400 мсек (Цоло 1976: 67–68), дифтонга — около 400 мсек (Момо 1979: 81). Но даже если бы это не было известно, достаточно того, что в морфологических закономерностях дифтонг эквивалентен долгим гласным. Например, алломорф каузатива для них один и тот же -лга: хаа-лга- 'каузировать закрыть', бай-лга- 'каузировать быть'. Таким образом, дифтонг осознается говорящим, а потому используется и воспринимается как долгий гласный. Ergo, таково его место и в системе фонем.

⁹ Дифтонг /ei/ существовал в среднемонгольском, но к настоящему времени полностью монофтонгизировался: перешел либо в долгий /и:/, как в хий 'воздух' [xi:] (ср. старописьм. kei), либо в долгий /е:/, как в хэрэгтэй 'надо' [xerēt'e:] (ср. старописьм. keregtei).

2. Однозначная оппозиция по лабиализации.

Нелабиализованный	а	с	а:	с:	ас
Лабиализованный	о	ө	о:	ө:	ос

Существует только пять однозначных оппозиций по лабиализации. В остальных случаях это противопоставление совмещается с другими ДП. Например, /а/ и /у/ различаются также по подъему. Противопоставление /i:/ и /y:/ исключено из этой схемы, поскольку не идеально удовлетворяет однозначности: ДП «ряд» у них формально различный — /y:/ относится к мягкому ряду, а /i:/ — к нейтральному. Однако если не учитывать «ряд» (то есть, по сути дела, дистрибутивный признак) и пользоваться чисто фонетическими терминами, то единственным отличием /y:/ от /i:/ остается лабиализация.

3. Однозначная оппозиция по подъему наблюдается только между лабиализованными гласными. Старое противопоставление по подъему краткого /e/ (средний подъем) гласному /i/ (высокий подъем) нейтрализовалось в современном языке, то есть гласные [e] и [i] дополнительно распределены по контекстам и не вступают в оппозицию.

Нижний	о	ө	о:	ө:	ос	өс
Верхний	и	ү	и:	ү:	иш	үш

Лабиализованные гласные верхнего подъема отличаются степенью лабиализации и напряженностью от таких же гласных нижнего подъема. Степень лабиализации — признак вторичный, то есть высокий подъем имплицитно подразумевает напряженность губ. Все гласные верхнего подъема имеют весьма характерную дистрибуцию: краткие гласные /u/ и /y/ встречаются только в первом слоге, гласный /i/ нейтрален по отношению к ряду и, таким образом, не имеет позиционных ограничений, долгие /u:/, /y:/ и дифтонги /ui/, /yi/ прерывают лабиальную гармонию (см. об этом с. 75).

Противопоставление дифтонгов /əс/ и /ʏі/ слабее: хотя и существует позиция, где они оба встречаются (последний слог слова), но надежных минимальных пар нет. Так, например, в паре *өлгүі* ‘скудный’ // *өлгий* ‘колыбель’ различимый на слух дифтонг /əс/ второго слога может интерпретироваться как «всего лишь» долгий /i:/ с лабиализованным приступом: [əʎˈgʷi:] — фонетически такие звуки очень близки, а оппозиция с нелабиализованным долгим гласным здесь невозможна из-за лабиальной гармонии.

4. Однозначная оппозиция по долготе.

Краткий	а	о	и	с	ө	ү
Долгий	а:	о:	и:	с:	ө:	ү:

Долгий /i:/ не имеет краткого коррелята, так же как и дифтонги. Отметим, что все краткие (нормальные) гласные противопоставлены соответствующим долгим.

5. Однозначная оппозиция по составности.

Однородный	а:	о:	и:	ө:	ү:
Неоднородный	<u>ае</u>	<u>ое</u>	<u>иі</u>	<u>өс</u>	<u>үі</u>

В наборе дифференциальных признаков, определяющих положение гласного в системе фонем, не все признаки имеют одинаковый «вес», то есть их функциональная значимость в системе неравноценна. Эта значимость выражается в порядке их использования при идентификации звука при восприятии, а также в иерархии связей между ДП, когда, например, один из признаков для какой-то из фонем означает непременно присутствие другого у той же фонемы. Последовательность их проявления и при восприятии и при воспроизведении конкретного звука представляется именно такой, как выражено в порядке расположения приведенных схем оппозиций, то есть: 1) рядность, 2) лабиализованность, 3) подъем, 4) долгота, 5) составность.

Два из этих признаков, 4-й и 5-й, связаны следующей зависимостью краткий > однородный, неоднородный > долгий:

	Краткий	Долгий
Однородный	+	+
Неоднородный	-	+

Другой способ отображения этой зависимости может выражаться в иерархическом построении:

Гласные		
Краткий	долгий	
	монофтонг	дифтонг

Кроме того, для каждого гласного наибольшее значение имеют ДП, по которым этот гласный входит в однозначные оппозиции, иными словами, имеет *корреляты* по данному ДП. Признак, по которому у данного гласного имеется коррелятивная пара, он же более значимый, в дальнейшем, в списке ДП, при каждой фонеме будем обозначать после названия ДП знаком астериска (*), например фонема /a/: твердый ряд, неогубленный, краткий, нижнего подъема, монофтонг.

В данном списке для фонемы /a/ признаки «нижний подъем», «монофтонг» не помечены «звездочкой», и это означает, что противопоставление гласным верхнего подъема или дифтонгам не входит в однозначную оппозицию, а осуществляется посредством нескольких ДП.

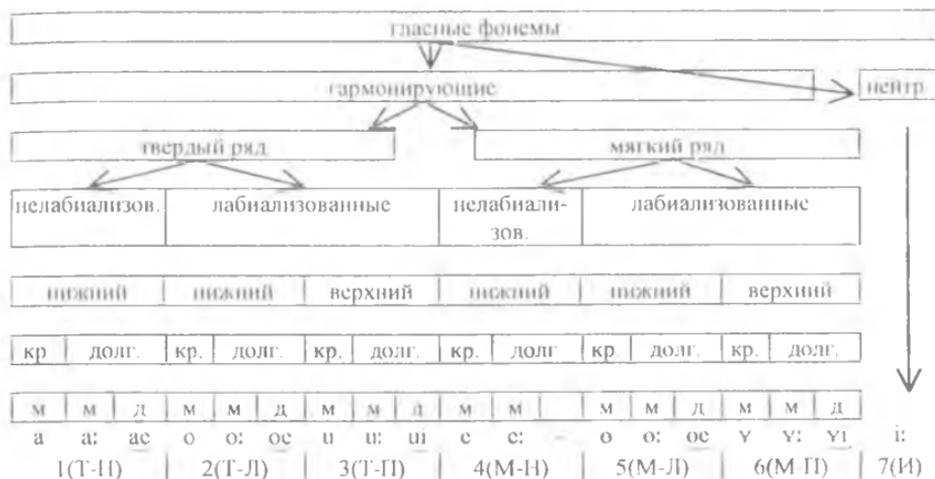
С другой стороны, для каждой фонемы найдется список ДП, который достаточен для ее отождествления в данной системе. Так, для той же фонемы /a/ это: твердый ряд, краткий, неогубленный. Остальные ДП можно не брать в расчет, поскольку действуют импликации: краткий > монофтонг, а твердый + краткий > низкий подъем. То есть эти три признака, достаточных для отождествления фонемы, однозначно определяют два остальных — «нижний подъем», «монофтонг».

В результате каждая гласная фонема характеризуется не только общим списком ДП, но и еще двумя наборами признаков: 1) признаки, по которым у фонемы существуют корреляты (однозначные оппозиции; отмечены «звездочкой»), и 2) признаки, достаточные для постулирования фонемы. Легко убедиться, что эти два списка совпадают для всех фонем, кроме /i:/. Например, фонема /e/ имеет корреляты по следующим ДП: мягкий ряд*, неогубленный*, краткий*; эти же признаки однозначно ее определяют; фонема /u:/ — твердый ряд*, верхний подъем*, долгий*, монофтонг*; для ее идентификации признак «огубленность» является избыточным, соответственно, нет у фонемы /u:/ и неогубленного коррелята.

Эта закономерность верна для всех *гармонирующих* гласных. Совпадение этих наборов ДП (достаточных для отождествления фонемы и образующих однозначные оппозиции) есть свидетельство минимальной избыточности модели и вместе с тем ее высокой функциональности. Таким образом, в построенной нами «системе координат» или в «пространстве ДП», система гласных фонем представляет собой симметричную классификацию, в которой *избыточными* признаками для фонемы оказываются именно те, которые не соотносятся с однозначной оппозицией.

Для наглядности представим классификацию в виде дерева графа с узлами-ДП. Схема дает возможность увидеть, какие признаки связаны иерархией, какие являются избыточными для отождествления фонем и как группируются фонемы по классам любого ранга, от разделения на гармонирующие гласные и нейтральный до различий в минимальных группах. Эти минимальные группы имеют сходную дистрибуцию и могут называться *сингармоническими подклассами*.

В обозначениях сингармонических подклассов употреблены следующие символы: Т — твердоярдный, М — мягкорядный, Н — нелабиализованный, Л — лабиализованный, П — прерывающий лабиальную гармонию, И — индифферентный (нейтральный). (Подробнее о подклассах гласных, которые выделены по признакам, коррелирующим с сингармонической дистрибуцией, см. в разделе «Сингармонизм».)

СИНГАРМОНИЗМ

Сингармонизм как определяющий фактор вокализма

Мы уже говорили, что гласные подчиняются фонетической гармонии в пределах словоформы. Это в известной степени обеспечивает цельность слова и определяет формы аффиксальных сегментов. Этим объясняется то, что сингармонизм часто рассматривается как компонент морфонологии (см., например: (Касевич 1986: 119 и сл.)). Но вместе с тем сингармонизмом определяются оппозиции гласных, и релевантными оказываются выделяющие подклассы гласных звуков, которые без преувеличения можно назвать «сингармоническими подклассами». Таким образом, сингармонизм является если не компонентом, то, по меньшей мере, источником закономерностей в фонологической системе.

Рассмотрим фонетический аспект этого явления.

Сингармонизм, или гармония гласных — безусловно, *ассимиляция*, поскольку речь идет о прогрессивном уподоблении звуков. Но сводить сингармонизм к артикуляторным реакциям было бы неоправданным упрощением, хотя по происхождению он несомненно восходит именно к физиологии речи.

Говорящий сохраняет детали артикуляции предыдущего звука, когда произносит следующий звук. Ассимиляцией подобного рода насыщен весь речевой поток, она активно участвует в формировании аллофонов гласных, но в сингармонизме действуют и другие факторы, которые не связаны напрямую с физиологией, а обусловлены действием языковой системы.

Попробуем продемонстрировать это на примерах.

В словах *тоорыгоо* ‘свой персик’ (Acc., Refl. Poss.) и *өөрийгөө* ‘самого себя’ (Acc., Refl. Poss.) ассимиляция с первым слогом представляется настолько сильной, что промежуточный узкий нелабиализованный /i:/ (аффикс Acc.) несколько не «мешает» выбрать именно лабиализованный вариант аффикса притяжения (один из четырех: -aa, -ээ, -oo, -өө). Прослойки в виде гласного /i:/ мы как бы «не замечаем».

Однако построение фонологического облика монгольской словоформы ассимиляцией не исчерпывается. Она несомненно действует в слове *ор-лоо* ‘вошел’: огубленный ненапряженный среднего подъема /o/ первого слога «предписывает» употребление аффикса -лоо (Past. Def.) — одного из четырех алломорфов (-лаа, -лээ, -лоо, -лөө). Выбирается вариант с долгим коррелятом гласного первого слога /o:/. Но если мы возьмем другой глагол того же корня *оруул* ‘вводить’ (Caus.), то увидим, что он в той же финитной форме принимает другой аффикс: *оруул-лаа* ‘ввел’, не уподобляющийся ни гласному корню, ни гласному предстоящего суффикса. Выбирается неогубленный вариант, хотя перед ним находится лабиализованный напряженный /u:/. Несомненно, на выбор аффикса повлиял именно этот звук, но происходит уже не ассимиляция, чего можно было бы ожидать, вспоминая предыдущий пример, а диссимилятивное «аканье».

Аналогичное явление происходит и в словах мягкого ряда. Ср.: *өрнө-лөө* 'развивался' и *өрнүүл-лээ* 'развивал' (диссимилятивное «эканье»).

Эти примеры демонстрируют вовсе не ассимиляцию, а действие другого закона (диссимилятивного), который побуждает говорящего производить выбор звука на фонемной ступени порождения текста.

Сингармонические законы построены на отношениях не отдельных гласных фонем, а их классов. Классы фонем соотносятся со словоформой таким образом, что можно говорить, например, о «слове твердого ряда», о «слове мягкого ряда», о «слове твердого огубленного ряда», о «слове мягкого огубленного ряда». В этих условных терминах заключается тот смысл, что гласные в «слове твердого ряда» должны принадлежать к твердому (или «заднему») ряду, в «слове мягкого ряда» — к мягкому (или «переднему») ряду и т. д.

Получается, что законы сингармонизма задают фонологический облик словоформы. Состав гласных определяется последовательно от первого слога корня и далее, до самого последнего аффикса, причем происходят процессы, которые, если пользоваться фонетическими терминами, проявляют себя не только как ассимиляция, но и диссимиляция (см. примеры выше). Кроме того, бывают случаи, когда какой-то слог никак не воздействует на последовательность гласных (см. примеры с долгим /i:/) и является нейтральным относительно сингармонизма.

В результате действия сингармонизма в языке существует определенное конечное число фонологических типов словоформ. Все эти типы словоформ можно описать, пользуясь сингармонической классификацией гласных, которая производится по тем же (с некоторыми нюансами) основаниям, что и классификация фонем, то есть по дифференциальным признакам.

Мы сохраняем традиционные термины: небный и губной сингармонизм, твердый и мягкий ряд. Можно было бы назвать небный (то есть палатальный) сингармонизм *лингвальным*, так как речь ведется о ряде, а не о подъеме, но в этом нет значительного отступ-

ления от действительности, поскольку различие гласных по ряду практически всегда сопровождается и различием в подъеме. Ничем не хуже и старинные термины: гласные «мужские», «женские» и «гермафродиты» — они отражают противопоставление фонологических типов словоформ и не вызывают сомнительных фонетических ассоциаций.

Небный сингармонизм

Гласные делятся на три класса: твердого ряда, мягкого ряда, нейтральный /i:/.

Любая словоформа однозначно определяется как слово твердого или мягкого ряда и может содержать гласные только одного ряда и нейтральный гласный, который может находиться в любом слове. Этот закон доминирует в языковой системе и поэтому имеет решающее значение для функционирования соответствующего дифференциального признака — «твердый (задний) ряд // мягкий (передний) ряд» — интегрирующего реальную фонетическую рядность гласных (см. гл. «Дифференциальные признаки гласных», с. 62).

В любой словоформе гласный в «сильной» позиции, то есть в первом слоге, является определяющим для всех остальных слогов. Поэтому закон *небного сингармонизма* иногда звучит так: «Ряд всех гласных словоформы определяется рядом первого гласного корня». Но все-таки необходимо добавить, что нейтральный гласный /i:/ этому правилу не подчиняется.

Губной сингармонизм

Выделяются два класса гласных: А) лабиализованные среднего подъема твердого ряда — /o/, /o:/, /oe/; Б) лабиализованные среднего подъема мягкого ряда — /ø/, /ø:/, /øe/.

Соответственно этим классам выстраиваются два параллельных правила: после гласных класса А могут следовать либо глас-

ные этого же класса, либо долгий /u:/ твердого ряда или дифтонг /ui/; после гласных класса Б могут следовать либо гласные этого же класса, либо долгий /y:/ мягкого ряда или дифтонг /yi/. Необходимо также уточнить: гласные класса А могут следовать только после гласных класса А; гласные класса Б могут следовать только после гласных класса Б. Гласный /i:/ по отношению к «словоформам губной гармонии» остается нейтральным.

«Черелом» губного сингармонизма

Долгие лабиализованные гласные высокого подъема /u:/ и /y:/ дифтонги /ui/ и /yi/ могут занимать любую позицию в слове соответствующего ряда. Другими словами, подчиняясь небному сингармонизму, они остаются индифферентны по отношению к губному. Но это не та нейтральность, которой обладает гласный /i/. Они прерывают цепь лабиализованных огласовок, и лабиализованный гласный среднего подъема за ними следовать не может (см. примеры в начале этого раздела). Таким образом, здесь гармония гласных становится *ступенчатой*, а именно: лабиальная ассимиляция действует в пределах соседних слогов, но может и не покрывать всю словоформу, как это происходит с небной гармонией.

Гласные /u:/ и /y:/, /ui/ и /yi/, как будто «заставляют забыть» о лабиальной гармонии, или «отвлекают» от нее. Объяснение этому вряд ли может иметь чисто фонологический характер, хотя допускаю, что при каком-то подходе можно найти и системную функцию этого явления. Но, возможно, причину стоит искать в фонетической, а точнее артикуляционной характеристике данных гласных.

Гласные /u:/ и /y:/, как и их краткие корреляты /u/ и /y/, отличаются от лабиализованных среднего подъема /o/, /ø/ и подобных им большей напряженностью, а конкретно — сильным сближением губ. Чисто физически «удержать» такую артикуляцию не так-то просто. Возможно, именно поэтому краткие /u/ и /y/ в «слабых» слогах не сохранили лабиализацию из-за редукции; ср., например,

улс [ulās] ‘государство; народ’, сүрэг [s’yr’ěǵ] ‘стадо’ с их средне-монгольскими соответствиями *ulus*, *sürüg*. В современном языке эти гласные могут присутствовать только в первом слоге. Что же касается долгих /u:/ и /y:/, то они, во-первых, сравнительно недавнего происхождения, а во-вторых, благодаря своей долготе не так чувствительны к позиции, в которой находятся, и делабиализация им, по-видимому, в ближайшее время не грозит. Своей же сильной артикуляцией они подавляют лабиальную гармонию.

Также прерывают действие губного сингармонизма и дифтонги /ui/ и /yi/. Примером может служить аффикс с отрицательным значением *-гүй* (энклитика от *үгүй* ‘нет, отсутствует’). Ср.: *амсөхөөр* ‘чтобы одеваться’ (Part. Fut., Ins.) и *амсөхгүйгээр* ‘чтобы не одеваться’ (Part. Fut., Neg., Ins.). Аффикс отрицания *-гүй* не меняет ряда и может не только нарушать лабиальную гармонию, но и менять ряд следующих за ним суффиксов.

Примеров с дифтонгом /ui/ очень немного, как немного и аффиксов с такой огласовкой. Суффикс *-гүй/нэгүй*, образующий имена от глаголов, прерывает лабиальную гармонию, но не нарушает небной гармонии (имеет два гармонирующих алломорфа): *боловсрох* ‘развиваться’ — *боловсронгүй* ‘образованный’ — *боловсронгүйгаар* ‘образованностью’ (Ins.); *өршөөх* ‘прощать’ — *өршөөнгүй* ‘милосердный’ — *өршөөнгүйгээр* ‘милосердием’ (Ins.).

Сингармонические типы гласных

Все гласные по их участию в сингармонизме можно разделить на несколько подклассов, в которых фонологические характеристики коррелируют с сингармонической дистрибуцией. Чтобы названия классов не выражались лишь безликой цифрой номера, сопроводим их кратким обозначением признаков, релевантных для классификации: Т — твердоярдный, М — мягкорядный, Н — нелабиализованный, Л — лабиализованный, П — прерывающий гармонию, И — индифферентный (нейтральный):

Обозначение	Состав	Общие ДП	Дистрибуция (позиционные ограничения)
1 (Т-Н)	а, а́, а́́	Твердый ряд, нелабиализованные, нижний подъем	Не допускается в постпозиции слогов с гласными 2, 4, 5 и 6 классов
2 (Т-Л)	о, о́, о́́	Твердый ряд, лабиализованные, нижний подъем	Может находиться в постпозиции слогов с гласными только своего класса
3 (Т-П)	у, у́, у́́	Твердый ряд, лабиализованные, верхний подъем	(Кроме <i>у</i> , который возможен только в первом слоге) может находиться в постпозиции слогов с гласными любых твердоядных классов
4 (М-Н)	э, э́	Мягкий ряд, нелабиализованные, нижний подъем	Не допускается в постпозиции слогов с гласными 1, 2, 3 и 5 классов
5 (М-Л)	ө, ө́, ө́́	Мягкий ряд, лабиализованные, нижний подъем	Может находиться в постпозиции только гласных своего класса
6 (М-П)	ү, ү́, ү́́	Мягкий ряд, лабиализованные, верхний подъем	(Кроме <i>ү</i> , который возможен только в первом слоге) Может находиться в постпозиции слогов с гласными любых мягкоядных классов
7 (И)	и́	Нейтральный ряд	Ограничений нет.

Чтобы сделать наше изложение более наглядным, представим монгольский сингармонизм в виде таблицы, демонстрирующей

разрешенные последовательности гласных:

Слог № N	Слог № N+1
Небный сингармонизм	
а, а:, ае, у, у:, уі, і:	а, а:, ае, у:, уі, і:
е, е:, ʏ, ʏ:, ʏі, і:	е, е:, ʏ:, ʏі, і:
Небно-губной сингармонизм	
о, о:, ое	о, о:, ое, уі, у:, і:
ө, ө:, өс	ө, ө:, өс, ʏі, ʏ:, і:

Нарушения сингармонизма крайне немногочисленны и хорошо известны. Их можно разделить на мнимые и действительные (первые существуют только на письме).

Мнимые нарушения сингармонизма

Аффикс *-нар* — множественного числа, пишется отдельно от слова. В речи нормального темпа при отсутствии паузы сингармонизму все-таки подчиняется: *дүү нар* ‘младшие’ может произноситься [dʲʏ:nʲɛr]. Во многих случаях пауза сохраняется и ассимиляции не происходит, например при перечислении: *Дорж, Балдан, Сүрэн нар* ‘Дорж, Балдан, Сурен и другие’. Исторически агглютинировавший аффикс всегда сингармоничен: *үснэр* ‘волосы’ (Ноп.) (< үс id.), *эхиэр* ‘жена’ (< эх ‘мать’).

Аффикс *-гүй* — со значением отрицания, отсутствия, энклитическая форма от *үгүй* ‘нет, отсутствует’. Орфографических вариантов нет. В восприятии довольно явственно слышна отодвинутость назад при словах твердого ряда, например: *авахгүй* ‘не возьмет’ [aβλxɣy]. Мною зафиксирована эмфаза [aβλxɣyja:], что не позволяет сомневаться в осознанном применении небной гармонии или в приписывании *-гүй* нейтрального статуса. Но в падежных формах слов с этим формантом *-гүй* действует, как преломляющий небный сингармонизм: *авахгүйгээр* ‘чтобы не взял’ (Part. Fut., Neg., Ins).

Примерно так же ведет себя и суффикс *-зүй*, образующий термины: *газарзүй* ‘география’ (< газар ‘земля’), *авианзүй* ‘фонетика’

(< *авиа* ‘звук’) и т.п. Характерный факт: эти же термины могут писаться и раздельно: *газар зүй*, *авиан зүй*. Это означает, что перед *зүй* возможна пауза и можно «не беспокоиться» о нарушении сингармонизма.

Орфография может ввести в заблуждение относительно нарушений гармонии, которых на самом деле не существует. Это касается написания адаптированных заимствований, например *вокзал* [baxdza:l], *лектор* [l'ɛx't'ɕɪ] и т. п.

В вариантном написании сочетания усилительного наречия и глагола: *зог тусах* ~ *зогтусах* ‘внезапно остановиться’ — отражена его агглютинация, но не отмечено действие гармонии — при отсутствии паузы произносится [dzoŋ t'ʌsɔxʌ].

Действительные нарушения гармонии

Аффикс *-жээ* — финитной формы прошедшего времени (Past. Descr.); гласный не изменяется. Форма эта книжная по стилю и малоупотребительная в обыденной речи. В тех случаях, когда ее произносят, на данный аффикс обычно приходится эмфатическое усиление, интонационное или долготное. Негармоничная огласовка и долгота придают ей нарочитость и выпенренный или, напротив, иронический стиль.

Чаще всего нарушения гармонии происходят в недавних заимствованиях, например *концерт* [xonts'ɕ:rt'ɛ], *факультет* [p'axʌl't'ɕt'ɛ] (< рус.). Старые малоупотребительные заимствования также могут произноситься в неадаптированном виде: *гунгэрваа* ‘киот’, *бурвасэд* (< санскр., название одной из звезд созвездия Тельца).

Для любых словоформ, которые произносятся с нарушением гармонии гласных, характерен эмфатический оттенок произношения, нарочитость, если дело касается архаизма или нового, престижного, модного словечка. Для монгола нет проблемы в том, чтобы произнести слово без соблюдения законов сингармонизма, но это всегда будет не беглое, а отчетливое и минимально редуцированное произношение.

РЕЛЕВАНТНЫЕ ПОЗИЦИИ ГЛАСНЫХ АЛЛОФОНОВ

Аллофоны гласных фонем распределяются по позициям и объединяются в эквивалентные классы. Каждый тип позиции должен иметь свою характеристику и номенклатуру, что позволяет сформулировать и описать позиционное распределение алломорфов в терминах этой номенклатуры.

Все возможные позиции классифицируются и распределяются по своим классам и подклассам. Признаки классификаций связываются с поведением гласных, которые в зависимости от окружения претерпевают фонетические изменения. Иногда позиция нейтрализует дифференциальный признак, в этом случае она может оказаться запретной для определенных гласных фонем.

Большой класс позиций относится к последовательному употреблению гласных в зависимости от рядности и лабиализации (сингармонизм). То есть в зависимости от гласного предыдущего слога решается вопрос о возможности присутствия данного гласного в последующем слоге. Очевидно, что этот класс позиций не имеет отношения к определению качества аллофона и рассматривается отдельно и в других терминах (дистрибуция фонем, а не аллофонов).

Позиции, релевантные для дистрибуции аллофонов, мы располагаем в порядке их иерархии, которая в известном смысле относительна: некоторые качества позиций доминируют над другими. Например, открытость или закрытость важна для нефинального слога — ср.: *харагдсан* [xarəgdʂsɑ̃] ‘увиденный’ и *харсан* [xarʂsɑ̃] ‘увидевший’, в открытом 2-м слоге редукция сильнее, чем в закрытом — и не столь существенна для финального, например *торго* [tʰoɾɔgʂ] ‘шелк’ ~ *торгон* [tʰoɾɔgʂŋ] id. (Attr.); следовательно, доминантой является порядковый номер слога. Некоторые пары признаков взаимно независимы (например, порядковый номер слога и окружение палатализованных согласных).

Первый этап классификации проводим по порядковому номеру слога в словоформе.

(1) Первый слог // непервый слог.

(2) Непоследний слог // последний слог.

Эти два класса признаков мы вводим, чтобы не прибегать к их буквальному порядковому исчислению (первый, второй... последний). Дихотомического разделения порядка следования слогов достаточно, чтобы определить все релевантные типы позиций. Например, «первый–непоследний» — это «сильная» позиция, в которой не бывает редукции¹⁰, она доступна почти для всех гласных фонем (кроме /е/); «первый–последний» — сходная позиция, но с ограничением на употребление краткого гласного в открытом слоге (односложное слово); «непервый–непоследний» — позиция в середине слова, с редукцией различной интенсивности, без ограничений; «непервый–последний» — без ограничений, усиление редукции при дополнительных условиях.

(3) Открытый слог // закрытый слог.

Позиция релевантна для аллофонов дифтонгов, а при дополнительных условиях (мягкий согласный в окружении) — для аллофонов долгих гласных.

(4) Неприкрытый слог // прикрытый слог.

Релевантна только для начальных слогов (признак 1) — свободное варьирование неприкрытого гласного с прикрытием инициальной гортанной смычкой: *aav* [a:βλ] ~ [ʔa:βλ] ‘папа’.

(5) В окружении нет мягких согласных // в окружении есть мягкие согласные.

Позиция ассимиляции релевантна для всех гласных, но воздействие палатализованного согласного происходит в разной степени в зависимости от рядности и подъема гласного. Для большинства случаев и прогрессивная и регрессивная ассимиляция гласного мало отличаются друг от друга, но для долгих гласных это не так, положение согласного оказывается существенным — возникают дифтонгоиды различного состава. Поэтому следует добавить подчиненный признак.

¹⁰ Напомним, что под сильной позицией понимается такое положение в тексте, где фонемы могут максимально различаться и наименее вероятно нейтрализация дифференциальных признаков.

(5а) Мягкий согласный в препозиции // мягкий согласный в постпозиции¹¹.

(б) В постпозиции к гласному нет носового согласного // есть носовой согласный.

Это позиция назализации, причем важным фактором будет признак (3) — открытый или закрытый слог (в последнем случае назализация проявляется сильнее).

(7) Гласный предшествующего слога нелабиализованный // лабиализованный.

Эта позиция не связана с сингармонизмом. Речь идет о предшествующем /u/ ~ /u:/ или /y/ ~ /y:/. Позиция релевантна только для аллофонов нелабиализованных гласных.

(8) В постпозиции к гласному нет переднеязычного согласного // есть переднеязычный согласный.

Наличие в постпозиции согласных /t/, /tʃ/, /d/, /dʃ/, /n/, /ɲ/ (остальные переднеязычные не в счет) влияет на предшествующий гласный: увеличивает подъем и/или продвигает вперед. Общая закономерность: гласные твердого ряда продвигаются вперед, мягкого — становятся более закрытыми.

(9) Гласный последующего слога краткий // долгий.

При некоторых дополнительных условиях (например, при положительных значениях признаков 1 и 4: неприкрытый первый слог) происходит слабая редукция по долготе.

(10) Согласных /п/, /пʲ/, /б/, /бʲ/, /м/, /мʲ/, /г/, /гʲ/, /ж/, /жʲ/, /л/, /лʲ/ нет в препозиции // один из этих согласных предшествует гласному.

В такой позиции происходит максимальная редукция — гласный может становиться сверхкратким ([ʌ], [ʌ̃], [ə] или [ə̃]). В основном это касается финальных слогов.¹²

¹¹ Можно было бы ввести дихотомию: а) в препозиции нет мягкого согласного // есть мягкий согласный, б) в постпозиции нет мягкого согласного // есть мягкий согласный. Однако здесь представляется более оправданным оставить иерархию признаков.

¹² Нетрудно заметить, что этот перечень согласных соответствует особому орфографическому классу (то есть классу букв), так называемой *семерке* (см. стр. 12). *Семерка* удваивается за счет мягких фонем. Дополнительным в списке

Данные характеристики позиций в различных комбинациях релевантны для определения аллофонов всех гласных фонем. Разумеется, число типов позиций можно увеличить, и, соответственно, увеличится численность аллофонов каждой фонемы. Например, можно разбить позицию (8) (постпозиция переднеязычных) на шесть подклассов соответственно учитываемым в данном пункте согласным /t/, /tʃ/, /d/, /dʃ/, /n/, /ɲ/. Гласные первого слога в словах, например, *эггэр* 'лацкан' и *этгэр* 'вздернутый' действительно различаются (в первом слове подъем немного выше, чем во втором). Однако это различие настолько незначительно, что не создает даже впечатления акцента или фонетической ошибки. Вопрос, собственно, заключается в том, что именно мы собираемся выбрать пределом детализации модели. Сама модель не диктует нам критерия этого выбора, то есть не подсказывает меры обобщения. Остается руководствоваться субъективным критерием — оттенки звуков устанавливаются в пределах, доступных для слухового восприятия автора и его информантов¹³. Результат представлен следующим списком аллофонов (фонетические детали и примеры см. на с. 82 сл.).

Аллофоны гласных фонем

Фонемы	Аллофоны
а	а, а, а, \bar{a} , \bar{a} , \bar{a} , \bar{a} , \bar{a} , \bar{a} , л
а:	а:, \bar{a} :, а: ^c , \bar{a} :, \bar{a} :
ас	а: ^c , а: ^c
о	о, о, о, \bar{o} , \bar{o} , \bar{o} , л
о:	о:, \bar{o} :, о: ^c
ос	ос, ос
и	и, и
и:	и:, и:, и:

оказался также /j/, поскольку в орфографии исконных слов он отдельно (в виде *й*) не пишется.

¹³ Полагая, что дальнейшая детализация лежит уже в области экспериментальной фонетики, использующей соответствующие технические средства.

u	u ¹ , u ²
e	e, e ¹ , i, ĕ, ĕ ¹ , e ² , ĭ, ə
e:	e:, e: ¹ , e: ² , e: ³ , e: ⁴ ; e: ~ i:, e: ²
ə	ə, ə ¹ , ə ² , ə ³ , ə ⁴
ə:	ə:, ə: ¹
əe	əe:, e ² e ¹
ɣ	ɣ, ɣ ¹
ɣ:	ɣ:, ɣ: ¹ , ɣ: ²
ɣi	ɣi, ɣi ¹
i:	i:, i: ¹

Назализованные гласные мы не включаем в списки аллофонов, чтобы не дублировать таблицу, и рассмотрим их отдельно. Назализация гласных может происходить в закрытом слоге перед носовыми /n/ ~ /ŋ/ и /m/ ~ /ŋ/. Ей может подвергаться практически любой звук в каждом из своих оттенков.

На степень назализации¹⁴ влияет ряд гласного. В схеме на с. 56 насчитывается десять рядов различных оттенков гласных. Разумеется, нет смысла различать и столько же степеней назализации, тем более что разницу между двумя соседними рядами на слух едва ли можно воспринять. Но можно выделить, по крайней мере, три градации «произнесения в нос». Разница вполне ощутима и акустически, и артикуляторно. Приведем примеры, расположив их в порядке усиления назализации:

хун	/xʏŋ/	[x ¹ ʏŋ ¹]	‘человек’
хан	/xāŋ/	[xāŋ]	‘хан’
хун	/xũŋ/	[xũŋ]	‘лебедь’

Назальность гласных высокого подъема меньше, чем таковая у гласных низкого подъема, например различна в *хон* ‘день’ (звукоподражание) и *хун* ‘лебедь’. Лабialisация практически не влияет

¹⁴ Не припомню, чтобы где-то в литературе различались носовые гласные по степени назальности. Однако носовые в монгольском языке отчетливо воспринимаются как более или менее назализованные, и вряд ли стоит обходить этот вопрос. «Степень назальности» определяется положением небной завески, которая может быть опущена в большей или меньшей степени.

на назальность, то есть, к примеру, последний слог в *мөрөн* 'река' и *эрэн* 'эра' произносятся с одинаковой степенью назализации.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Описание строится в следующем порядке: дифференциальные признаки фонемы (знаком * отмечены ДП, относящиеся к однозначным оппозициям), позиционные ограничения, артикуляционные особенности основных аллофонов и сравнение их со звуками русского и других языков, отражение данной фонемы в современной орфографии, примеры употребления аллофонов в текстовых сегментах, главным образом в словоформах и реже в словосочетаниях.

Аналогично излагается содержание раздела «Реализация согласных фонем».

/a/

Дифференциальные признаки: твердый ряд*
неогубленный*
нижний подъем*
краткий*
монофтонг

Позиция. Может находиться только в словах твердого (заднего) сингармонического ряда. Односложное слово структуры CV не может содержать краткий /a/. В первом слоге не встречается после мягких переднеязычных /d/ и /t/. При адаптации заимствований эти согласные аффрикатизируются, например: *дын* [dʒaŋ] 'бивак' (архаичное заимствование < кит.), *театр* [tʂ'atär] (< рус.). В непервых слогах краткий /a/ не встречается после сильных губных /p/ и /ʃ/. Других позиционных ограничений нет.

Дистрибутивный сингармонический класс: 1 (Т-Н).

Артикуляция и аналогии. Наиболее открытый из гласных.

Язык прижат к нижней части ротовой полости, его кончик отодвигнут назад от нижних зубов и опирается в альвеолы. Задняя часть языка оттянута назад и немного приподнята.

Основной аллофон гласного /a/ можно сравнить с соответствующим гласным в других языках. Примером могут служить английское и французское заднее [a] в словах англ. father, франц. *râte*. Русский [a] между твердыми согласными, например в слове *там*, менее открыт, чем монгольский.

Орфография. В кириллической монгольской письменности для обозначения гласного /a/, кроме буквы *а*, используются следующие способы:

буква <i>и</i>	<i>захидал</i>	‘письмо’	[dzaχ´adǎ]
буква <i>я</i>	<i>мянга</i>	‘тысяча’	[m´aŋgǎ]
буква <i>ь</i>	<i>шавь</i>	‘ученик, послушник’	[š´aʃ´ʌ]
буква <i>ъ</i>	<i>явья</i>	‘пойдем’ (Imp. I л.)	[jaβǎjʌ]
не обозначается	<i>барс</i>	‘тигр’	[baɾǎs]

Аллофоны различаются по продвижению вперед, подъему и длительности: [a], [a] ~ [a], [ǎ] ~ [ʌǎ], [ǎ] ~ [ǎ] ~ [ʌǎ], [ʌ]. Продвижение вперед и подъем смягченных аллофонов варьируются или совмещаются. Поэтому такие оттенки вносятся в один подкласс, например: [ǎ] ~ [a]. Огубленные оттенки рассматриваются в составе аллофонов непервых слогов.

(1) [a]

Позиция: в первом слоге; в окружении нет мягких согласных.

Орфография	Фонемная запись	Транскрипция	Значение
<i>гал</i>	/gal/	[ga]	‘огонь’
<i>халуун</i>	/xalu:n/	[xalu:n]	‘горячий’
<i>ах</i>	/axa/	[axʌ]	‘старший брат’

(2) [ǎ] ~ [a]

Позиция: в первом слоге, в окружении — мягкие согласные или /j/. По сравнению с 1-м аллофоном, небольшое продвижение вперед и/или более высокий подъем.

<i>мянга</i>	/mjanga/	[m´aŋgǎ]	‘тысяча’
<i>амь</i>	/amja/	[am´ǎ]	‘жизнь’
<i>тамхи</i>	/tamjaχa/	[t´am´ǎχ´ʌ]	‘табак’

<i>жар</i>	/ʒaɾɐ/	[dʒˠaɾɐ]	‘шестьдесят’
<i>шал</i>	/saɫ/	[sˠaɫ]	‘пол, настил’
<i>чадал</i>	/tʃadɐɫ/	[tʃˠadˠɐɫ]	‘способность’
<i>аюул</i>	/ajuːɫ/	[ajuːɫ]	‘угроза’

(3) [ä] ~ [ʰä]

Позиция: второй и последующие слоги в отсутствии мягких согласных. Укороченный коррелят первого аллофона [ä].

<i>амар</i>	/amar/	[am̩äɾ]	‘покой’
<i>уран</i>	/uran/	[urˠäɾ]	‘искусство’
<i>улс</i>	/ulus/	[ulˠäs]	‘государство; народ’
<i>харагдсан</i>	/xaraɣdasan/	[xaräɣdäsän]	‘увиденный’

(4) [ä] ~ [ä] ~ [ʰä]

Позиция: второй и последующие слоги в присутствии мягких согласных и /j/. Укороченный коррелят второго аллофона [ä].

<i>ажил</i>	/aʒal/	[adʒˠäɫ]	‘работа’
<i>багшид</i>	/baɣʃadaɫ/	[baɣʃˠädɐɫ]	‘учителю’ (Dat.)
<i>учир</i>	/uʃar/	[uʃˠäɾ]	‘причина’
<i>аяга</i>	/ajaga/	[ajäɣɐɫ]	‘чашка’

В аллофонах [ä] и [ʰä] объединяются несколько вариантов произношения, которые можно обобщенно охарактеризовать как «смягченный /a/». Следуя за мягким согласным или /j/, например, в *мянга* ‘тысяча’, *жар* ‘шестьдесят’ или *яс* ‘кость’, он заметно продвигается вперед: [ä] ([ʰä] — в первом слоге). Предшествуя мягкому согласному или /j/, как в *амь* ‘жизнь’ или *аюул* ‘угроза’, он приобретает более высокий подъем: [ä] ([ʰä] — в первом слоге). Наиболее «мягким» (близким к открытому [e] или [æ]) звук /a/ становится между двумя мягкими согласными, как в *шавь* ‘ученик’.

Небольшой подъем вызывается также присутствием в соседнем слоге дифтонга (меньше, чем в присутствии палатализованных согласных). При этом антиципированный подъем вполне различим: *арай* ‘едва’ [aräɛ], а влияние дифтонга на второй и последующие слоги камуфлируется редукцией: *байна* ‘есть, имеется’ [basɐɫ].

(5) [ʌ]

Сверхкраткий аллофон. *Основная позиция* — конечный слог в многосложных словах.

сурах /suraxa/¹⁵ [sur^uaxā] ~ [surxā] ‘узнавать; учиться’

В середине слова сверхкраткий может варьироваться с аллофоном [ǎ], например:

тамхи [t'am'ax'ʌ] ~ [t'am'ǎx'ʌ] ‘табак’

Однако при определенных условиях фонема /a/ практически всегда реализуется в виде сверхкраткого аллофона. Это — последний гласный слова после предшествующего сильного согласного, а также после /n/, /b/, /m/, /g/, /j/, /r/ и /l/. Поэтому сверхкраткий [ʌ] и выделяется в качестве отдельного аллофона, пример:

<i>хуц</i>	/xuca/	[xuts'ʌ]	‘баран’
<i>бат</i>	/bata/	[baɫ'ʌ]	‘крепкий’
<i>хана</i>	/xana/	[xanʌ]	‘стена’
<i>гарга</i>	/garaga/	[garāgʌ]	‘выводи’
<i>тав</i>	/taba/	[t'aβʌ]	‘пять’
<i>там</i>	/tama/	[t'amʌ]	‘ад, мучение’
<i>явья</i>	/jabaja/	[jaβajʌ]	‘пойдем’ (Imp. 1 Pers.)
<i>шар</i>	/šara/	[š'arʌ]	‘желтый’
<i>тул</i>	/tula/	[t'ulʌ]	‘так как’

Представленные пять аллофонов фонемы /a/ имеют вполне отчетливые различия и в артикуляции, и в акустике. Они находятся в отношениях комплементарной дистрибуции — каждый аллофон появляется только в своем классе позиций.

Кроме того, и внутри любого класса позиций есть такие различия контекста, которые влияют на качество аллофона, внося оттенки в его артикуляционные и акустические свойства. Так, первый аллофон варьирует отодвинутость назад в зависимости от предше-

¹⁵ Глагол /sur-/ с основой на согласный в принципе «должен» присоединять суффикс причастия настоящего-будущего времени (Part. Fut.) /-xa/ без соединительного гласного (ср. старонисем. *سورقو* *surqu*). Однако в современном языке нередки отступления от этого «правила», и глагол *сурах* — одно из таких отступлений, вызванных рессилабацией.

ствующего согласного. Ср. следующие примеры, расположенные в порядке возрастания отодвинутости назад гласного /a/:

нам	/nam/	[nam]	‘низкий’
тал	/tala/	[t ^h al]	‘степь’
гал	/gal/	[ga ^h l]	‘огонь’

Если во втором слоге появляется долгий гласный, он немного укорачивает гласный первого слога, в особенности если первый слог состоит из одного только гласного. Ср.:

аман	/aman/	[amāŋ]	‘устный’
амаар	/ama:ɾ/	[ama:ɾ]	‘ртом’ (Ins.)

После /u/ или /u:/ в первом слоге укороченный [ā] во втором приобретает лабиализованный приступ — [ʷā], например:

хулан	/xulan/	[xul ^h āŋ]	‘кулан’
дуулан	/du:lan/	[du:l ^h āŋ]	‘слыша’ (Conv. Mod.)

см. также выше: *уран*.

После мягких согласных, а также для сверхкраткого гласного [ʌ] эта лабиализация мала и на слух почти неразличима:

хуучин	/xu:ʃan/	[xutʃ ^h ʷāŋ]	‘старый’
--------	----------	-------------------------	----------

см. также выше: *учир*;

сул	/sula/	[s ^h ul]	‘слабый’
-----	--------	---------------------	----------

см. также выше: *хуц* или *тул*.

/a:/

Дифференциальные признаки: твердый ряд
неогубленный
нижний подъем
долгий*
монофтонг*

Позиция. Может находиться только в словах твердого ряда. Не встречается в первом слоге после палатализованных /β/, /β̥/, /ɲ/, /ç/, /t/, /t̥/, /ɟ/, /ɟ̥/, /x/.

Дистрибутивный сингармонический класс: I (Т-Н).

Артикуляция и аналогии. Долгий коррелят гласного /a/. Он не

подвергается заметной редукции в непервых слогах. Только в тех случаях, когда в достаточно протяженном слове или в агглютинированной синтагме следуют несколько долгих гласных подряд, может возникать небольшое относительное укорочение:

харандаагаараа [xarãnda:ɣa:ra:] 'своим карандашом'
(Ins., Poss.Refl.)

Здесь /a:/ подвергается наименьшей редукции в суффиксе падежа (-аар) и наибольшей (но тоже незначительной) в суффиксе безличного притяжания (-аа). Для русского уха это производит впечатление ударения на предпоследнем слоге.

Орфография. Кроме обычного для современной орфографии обозначения долгого гласного удвоенной буквой *аа*, например:

аа хаа [xa:] 'закрой' (Imp.),
могут использоваться следующие сочетания букв:

яа уяа [uja:] 'привяжь'
иа аиа [am'a:] 'свою жизнь' (Poss. Refl.)
а та [l'a:] 'вы'

Существуют и орфографические варианты, например: *хувиар* ~ *хуваарь* 'распределение'.

Аллофоны. [a:] [a:]. Основное различие между аллофонами — продвижение вперед в окружении мягких согласных. Оба основных аллофона могут иметь лабиализованный приступ [ʷa:], [ʷa:]. Кроме того, второй аллофон может иметь дополнительно распределенные варианты: [ʷa:] и [a:ʷ].

(1) [a:]

Позиция: в окружении нет мягких согласных и /j/.

аав /a:ba/ [a:βʌ] 'напа'
дараа /dara:/ [dara:] 'потом'
саад /sa:d/ [sa:d] 'препятствие'
хатаа /xata:/ [xat'a:] 'суши' (Imp.)

(2) [a:] ([ʷa:], [a:ʷ])

Позиция: в окружении мягких согласных и /j/. Продвижение вперед и/или более высокий подъем.

жаал /ʒa:l/ [dʒʷa:] 'маленький'
маажин /ma:ʒan/ [ma:ʷdʒʷan] 'лак'

<i>ааш</i>	/a:ša/	[a:šʰʌ]	‘прав’
<i>хашаа</i>	/xaša:/	[xašʰ'a:]	‘забор’
<i>гавьяа</i>	/gabaja:/	[gaβʌja:]	‘заслуга’
<i>ачаа</i>	/ača:/	[atšʰ'a:]	‘груз’

Продвинутый вперед аллофон [a:] имеет два оттенка: в зависимости от расположения палатализованного согласного, он может приобретать качество восходящего дифтонгоида [ʰa:] (после мягкого согласного), например в *жаал*, *хашаа* и проч., или падающего дифтонгоида [a:ʰ] (перед мягким согласным), как в *ааш*.

Значительно суженный и ровный оттенок приобретается в позиции между двумя мягкими согласными:

<i>шааж</i>	/ša:žʌ/	[ša:džʰā]	‘забывая (например, кол)’ (Conv. Imperf.)
-------------	---------	-----------	--

После /u/ или /u:/ в первом слоге долгий /a:/ во втором слоге приобретает лабиализованный приступ — [ʰa:], например:

<i>дулаан</i>	/dula:n/	[dulʰa:n]	‘теплый’
<i>уугаа</i>	/u:ga:/	[u:γʰa:]	‘гигантский’

После мягких согласных лабиализация проявляется в меньшей степени, камуфлируясь суженным приступом, например:

<i>дууриа</i>	/du:ɾa:/	[du:ɾʰ'a:]	‘ох’
---------------	----------	------------	------

/ae/

Дифференциальные признаки: твердый ряд
 (по первому элементу)
 неогубленный
 нижний подъем
 (по первому элементу)
 долгий
 дифтонг

Позиция. Может находиться только в словах твердого ряда; дифтонг /ae/ не встречается в финальном слоге после согласных /č/, /ž/, /š/; в начале (то есть в корне) слоги /čae/, /žae/, /šae/ тоже почти не встречаются. Известны лишь два имитатива (а по сути

дела два варианта одного и того же слова) с /ʒac/: *жайвгар* ‘кривой’, *жайжгар* id.

Ограничение на употребление слогов /ʒac/, /ʒac/, /ʒac/ в начале слова не фонетической, а исторической природы¹⁶. Однако в конечном слоге, похоже, существует именно фонетическое ограничение. Так, среди имитативных глаголов (образуются от корней прилагательных с помощью гармонирующего суффикса-дифтонга) нет ни одной основы на /ʒac/, /ʒac/ или /ʒac/. Ср. имитативы *барзгар* ‘щероховатый’ и *баржгар* id. и соответствующие глаголы *баржай-* ‘быть щероховатым’ и *баржий-* id., но не **баржай-*.

По той же причине маловероятно употребление дифтонга с палатализованными согласными, то есть слогов, которые в кириллице записывались бы как *бяй*, *мяй*, *дяй* и т. п.

Дистрибутивный сингармонический класс: I (Т-Н).

Артикуляция и аналогии. Отличительный признак дифтонга — непостоянство артикуляции. Первая часть (первый формант) — немного продвинутый вперед и приподнятый а-образный звук, который в принятой здесь транскрипции можно обозначить как [a] или [a̠]. В традиционной транскрипции подобный звук часто передают знаком [ä]. По качеству этот элемент близок к калмыцкому звуку, который записывается буквами *э* или *ээ*, например, в слове *бээн* ‘есть’ (ср. монг. *байна* [baɛn] id.). Вторая часть дифтонга (второй формант) весьма близка основному (несмягченному) варианту [e].

При беглом произношении в закрытом слоге, когда второй формант заметно укорачивается, /ae/ можно сравнить с похожим немецким дифтонгом: ср. монг. *байн* ‘будучи’ (Conv. Mod.) и нем. *Vein* (с некоторой долей сомнения можно привлечь и рус. *байка*). Но в любом случае отличия от монгольского дифтонга довольно существенны, в основном за счет того, что первый формант монгольского дифтонга заметно приподнят.

¹⁶ Развитие аффрикат /č/, /ʒ/ и широкофокусного /ʃ/ в северных диалектах происходило на базе слогов [či], [ʒi], [si] уже после того, как стали формироваться прототипы современных дифтонгов.

В любом оттенке дифтонг /ae/ довольно сильно монофтонгизирован: в закрытом слоге первый формант воспринимается как долгий [ā:^c], а в открытом слоге долгим формантом оказывается второй: [ā:^e]. То есть в любом случае он уподобляется долготу [ā] либо с широким приступом, либо с кратким узким финалом. Видимо, этим объясняются разноречивые описания этого дифтонга в работах по монгольской фонетике. Так, Момо обозначает его как [ae], а Лувсандорж — как [ae:].

Произношение дифтонга /ae/ близко к произношению одного из смягченных аллофонов долгого /a:/. Различие между /ae/ и /a:/ в окружении мягких согласных частично нейтрализуется за счет того, что долгий /a:/ теряет постоянство артикуляции. Ср.:

<i>тайж</i>	/taeʒa/	[t'a:edʒā]	‘принц’
<i>тааж</i>	/ta:ʒa/	[t'a: ^c dʒā]	‘отгадыва́я’ (Conv. Imp.)

Близость долгого /a:/ и дифтонга /ae/ нашла свое отражение при формировании современной кириллической орфографии. Так, например, глагол старонисьм. *saɣaɣi* ‘касаться, задевать’ стал записываться в кириллице в виде *дацйра-*, старонисьм. *saɣaɣi* ‘шагренень’ — как *сацйр* и т.п. При этом в других случаях, например старонисьм. *ʒaɣaɣi* ‘мускус’ или *uɣaɣi* ‘копильня’, передается обычным способом, то есть с обозначением долгого гласного двойной буквой *aa*: *заарь*, *утаарь*. Нет никаких оснований полагать, что развитие *saɣaɣi* и *ʒaɣaɣi* шло разными путями, а нерегулярность орфографии объясняется дифтонгоидным характером долгого /a:/ перед палатализованными согласными и особым положением последних (примыкание к узкому элементу дифтонга), а также монофтонгизацией дифтонга в закрытом слоге (он становится близок к долготу /a:/. Об этом же говорят и орфографические вариации, например: *хуваарь* ~ *хувацйр* ‘расписание’ или *гааль* ~ *гацйль* ‘таможня’ (< кит. *guan*).

Эта непоследовательность монгольской орфографии выражает лишь то, что она не строго фонологична. Но и было бы неразумно ждать от нее (как, впрочем, и от всякой другой орфографии!) иного.

Орфография. Дифтонг /ae/ всегда обозначается сочетанием букв: *ай*.

Аллофоны [a:^с], [a:^а]. Сложно говорить о качественных вариантах формантов данного дифтонга, поскольку основной фактор, меняющий качество монгольского гласного, то есть палатализованный согласный, следуя за /aс/, примыкает к узкому сегменту дифтонга и не может сделать его существенно более закрытым. Положение же в препозиции согласных, мягких *rag excellence*, как уже говорилось выше, нехарактерно.

Однако есть основания различать оттенки дифтонга по длительности формантов. В закрытом слогe более долгим оказывается первый формант:

дайн /daсn/ [da:^сŋ] 'война',

в открытом — второй:

чай /caс/ [ts' a:^с] 'чай'

В последнем случае дифтонг /aс/ почти полностью монофтонгируется, особенно в часто употребляемых словах, вроде *манай* 'наш' (Excl.), *чай* 'чай'.

/o/

Дифференциальные признаки: твердый ряд*
огубленный*
нижний подъем*
краткий*
монофтонг

Позиция. Присутствует только в словах твердого ряда. Односложное слово структуры CV не может содержать краткий /o/. Практически не встречается в первом слогe после палатализованных согласных /b/, /β/, /m/, /d/, /t/, /ŋ/, /l/, /ɕ/, /χ/. Данное ограничение объясняется историческим развитием и фонологизацией самих палатализованных согласных и во многих случаях не является каким-либо артикуляционным препятствием. В современном языке можно найти примеры заимствований, в которых данный позиционный запрет дезавуируется: *пирог* (< рус.) [p'oro:ŋ] — здесь /o/ следует за палатализованным [p'], фонемный статус которого со-

мнителен или, по крайней мере, маргинален. Есть, однако, и примеры более глубокой адаптации заимствований, когда палатализованный согласный аффрикатизируется. В особенности это касается мягких /d/ и /t/. Ср.: *депо* [dʒop'ɔ:] (< рус.), [tʂ'ɔpɔ:] *Тироль* (< рус.)¹⁷.

Дистрибутивный сингармонический класс: 2 (Т-Л).

Артикуляция и аналогии. Губы выдвинуты вперед и сильно сближены. Язык приподнят (3-й уровень подъема), его кончик отодвинут назад от нижних зубов и опирается в альвеолы.

Основной аллофон гласного /o/ можно сравнить с соответствующим гласным в других языках. Близок к монгольскому /o/ русский [ʊ] в постпозиции за губным согласным, как, например, в *створ* (если отвлечься от и-образного призвука в русском). Примером также могут служить немецкое [o] в открытом слоге в *rote* (но не в нем. *Wort* или франц. *romme*); в корейском [mɔk] 'хлеб', где имеется сходный по артикуляции, хотя и более открытый [ɔ].

Орфография. В кириллической монгольской письменности для обозначения гласного /o/, кроме буквы *o*, используются следующие способы:

буква <i>и</i>	<i>солих</i>	'заменять'	{soɫ'ɔxɮ}
буква <i>ё</i>	<i>ёж</i>	'ирония'	{jɔdʒ'ɔ}
буква <i>ь</i>	<i>тоть</i>	'попугай'	{tot'ɮ}
буква <i>ъ</i>	<i>оръё</i>	'войдем' (Imp. Pers.)	{otɔjɮ}
не обозначается	<i>оимс</i>	'чулки'	{oɕimɔsɮ}

Аллофоны: различаются по продвижению вперед, подъему и длительности: [o], [ɔ] ~ [o], [ɔ̃], [ɔ̃] ~ [ɔ̃], [ɮ]. Продвижение вперед и подъем смягченных аллофонов варьируются или совмещаются.

(1) [o]

Позиция: в первом слоге; в окружении нет мягких согласных.

<i>хот</i>	/xoto/	{xot'ɮ}	'город'
<i>бодол</i>	/bodol/	{bodɔ̃}	'мысль'
<i>олон</i>	/olon/	{olɔ̃ŋ}	'много'

¹⁷ Ср. аналогичное явление в русском просторечии *чижолой* (им. *тяжелый*).

Если во втором слоге появляется долгий гласный, он немного укорачивает гласный первого слога, в особенности если первый слог состоит из одного только гласного. Ср.:

<i>ола</i>	/ol/	[o _l]	‘найди’ (Imp.)
<i>олоорой</i>	/olo:roɛ/	[olo:roɛ]	‘найдите’ (Imp.)

(2) [o] ~ [ō]

Позиция: в первом слоге, в окружении — мягкие согласные или /j/. По сравнению с 1-м аллофоном, небольшое продвижение вперед и/или более высокий подъем.

<i>чоно</i>	/ʧono/	[tʃ ^h o ^h nɔ̄]	‘волк’
<i>шороо</i>	/ʃoro:/	[ʃ ^h o ^h ro:]	‘земля, почва’
<i>жолооч</i>	/ʒolo:ʃo/	[dʒ ^h olo:tʃ ^h ɔ̄]	‘водитель’
<i>ѳс</i>	/ʃoso/	[ʃo ^h s ^h ɔ̄]	‘закон’
<i>охин</i>	/oχon/	[oχ ^h ɔ̄n]	‘дочь’
<i>толь</i>	/toʎo/	[t ^h oʎ ^h ɔ̄]	‘зеркало’
<i>очно</i>	/oʧono/	[oʧ ^h ɔ̄no]	‘пойдет’

Небольшое продвижение вперед гласного /o/ при наличии в окружении палатализованных согласных идентично как в препозиции, так и в постпозиции к ним. То есть в словах *чоно* и *очно* гласный первого слога [o] в восприятии практически неотличим.

(3) [ɔ̄]

Позиция: второй и последующие слоги в отсутствии мягких согласных. Укороченный коррелят первого аллофона [o].

<i>зогсов</i>	/zogsobo/	[dzogsɔ̄βɔ̄]	‘встал’
<i>сохор</i>	/soxor/	[soχɔ̄r]	‘слепой’
<i>оролддог</i>	/oroldodog/	[orɔ̄ldɔ̄dɔ̄g]	‘стареется’ (Part. Us.)

(4) [ɔ̄] ~ [ɔ̄̄]

Позиция: второй и последующие слоги в присутствии мягких согласных и /j/. Укороченный коррелят второго аллофона [ō].

<i>очих</i>	/oʧoχo/	[oʧ ^h ɔ̄χ ^h ɔ̄]	‘пойти’
<i>доо.ж</i>	/do:ʒo/	[do:dʒ ^h ɔ̄]	‘низший’
<i>ноен</i>	/nojon/	[nojɔ̄n]	‘князь’

Небольшой подъем вызывается также присутствием в соседнем слоге дифтонга (меньше, чем в присутствии палатализованных согласных). При этом антиципированный подъем вполне различим:

орой 'вершина' [oɾoɕ], а влияние дифтонга на второй и последующие слоги камуфлируется редукцией: ойлго 'пойми' (Imp.) [oɕlõgɔ̃].

(5) [ʌ]

Сверхкраткий аллофон. *Основная позиция* — конечный открытый слог в многосложных словах после согласных /n/, /g/, /b/, /m/, /ɾ/ и /l/.

очно	/oɕono/	[oɕsʰõnɔ̃]	'пойдет'
торго	/torogo/	[tʰorõgɔ̃]	'шелк'
тольо	/tolobo/	[tʰolõβɔ̃]	'пятно'
том	/tomo/	[tʰomɔ̃]	'большой, крупный'
орло	/orolo/	[orõlɔ̃]	'замени' (Imp.)
ор	/oro/	[orɔ̃]	'войди' (Imp.)

/o:/

Дифференциальные признаки: твердый ряд
огубленный
нижний подъем
долгий
монофтонг

Позиция. Встречается только в словах твердого ряда; так же, как и краткий /o/, долгий /o:/ в исконных словах не может находиться в первом слоге после палатализованных согласных /b/, /m/, /d/, /t/, /ɾ/, /l/, /g/, /x/.

Дистрибутивный сингармонический класс: 2 (Т-Л).

Артикуляция и аналогии. Долгий коррелят гласного /o/. Он не подвергается заметной редукции в непервых слогах. Только в достаточно протяженном слове или в агглютинированной синтагме может возникать небольшое относительное укорочение:

оосрооро [o:õro:ro:] 'своей веревкой' (Ins., Poss.Refl.)

Орфография. Кроме обычного для современной орфографии обозначения долгого гласного удвоенной буквой oo, могут использоваться сочетания букв:

ио	мориор	[mɔɾ o:ɔ̃]	'конем' (Ins.)
ёо	еотон	[jo:tʰõ]	'сахар'

Аллофоны: [o:] [o:] Основное различие между аллофонами — продвижение вперед в окружении мягких согласных или /j/. Второй аллофон имеет дополнительно распределенные варианты: [¹o:, o:^c].

(1) [o:]

Позиция: в окружении нет мягких согласных или /j/.

<i>оосор</i>	/o:sor/	[o:sör]	‘веревка’
<i>олоод</i>	/olo:d/	[olo:d]	‘найды’ (Conv. Perf.)

(2) [o:] : [¹o:, o:^c]

Позиция: в окружении есть мягкие согласные или /j/. Небольшое продвижение вперед и/или увеличение подъема.

<i>хошоод</i>	/xošo:d/	[xoš ¹ o:d]	‘по два’
<i>очоод</i>	/očo:d/	[otš ¹ o:d]	‘пойдя’ (Conv. Perf.)
<i>жоом</i>	/ʒomɔ/	[dʒ ¹ o:mɔ]	‘таракан’
<i>овьёос</i>	/obojo:sɔ/	[oβ ¹ ʎjo:sɔ]	‘овёс’
<i>лооль</i>	/lo:ʎɔ/	[lo: ^c ʎɔ]	‘помидор’

Продвинутый вперед аллофон [o:] имеет два оттенка: в зависимости от расположения палатализованного согласного он может приобретать качество восходящего дифтонгоида [¹o:] (после мягкого согласного), например в *хошоод*, *очоод* и проч., или падающего дифтонгоида [o:^c] (перед мягким согласным), как в *лооль*.

Значительно суженный и ровный оттенок приобретается в позиции между двумя мягкими согласными:

<i>шооч</i>	/šo:čo/	[š ¹ o:ts ¹ o]	‘путник’
<i>очооч</i>	/očo:čo/	[o ts ¹ o:ts ¹ o]	‘отправляйся’ (Imp.)

/oel/

Дифференциальные признаки: твердый ряд
 (по первому элементу)
 огубленный
 (по первому элементу)
 нижний подъем
 (по первому элементу)
 долгий
 дифтонг

Позиция. Может находиться только в словах твердого ряда.

Кроме того, для дифтонга /оэ/, так же как и для /аэ/ не характерно сочетание с предшествующими палатализованными согласными, а также с согласными /č/, /ʒ/, /ʃ/; существует только один имитатив с /соэ/ в начальном (корневом) слоге: *чойчгор* ‘кривой (о ноге)’ (вариант: *чочгор* id.), составная часть имен собственных *Чой* (< тиб. རྩལ) и две формы с финальным слогом /соэ/: *хошой*: *хошой баатар* ‘дважды герой’ и *шошой* ‘метка, зарубка на доске’.

Как и в предыдущем случае с /аэ/, это результат развития широкофокусных аффрикат и /ʃ/ (фонетического ограничения в чистом виде нет).

Дистрибутивный сингармонический класс: 2 (Г-Л).

Артикуляция и аналогии. Первый компонент — немного продвинутый вперед, лабиализованный [o]. Второй компонент — того же подъема нелабиализованный [ɛ]. Оба компонента примерно равной длительности (Момо транскрибирует как [оэ], Лувсандорж — как [оэ:]).

Близкие аналоги монгольскому дифтонгу /оэ/ в других языках нам неизвестны. В какой-то степени сходен с ним немецкий [ɔʊ], скажем в *heute*.

Орфография дифтонга /оэ/ стандартна: *ой*.

Аллофоны: [оэ], [оэ:]. Дифтонг /оэ/ очень устойчивый звук и не имеет сильно выраженных оттенков. Различие в произношении открытого и закрытого слога с этим дифтонгом есть, но оно значительное менее выразительно, чем в случае с дифтонгом /аэ/. Возможно, это объясняется более напряженным произношением /оэ/. Ср.:

<i>мойл</i>	/mo <u>ɛ</u> l/	[mo <u>ɛ</u> l]	‘ягоды черемухи’
<i>хормой</i>	/xoɣmo <u>ɛ</u> /	[xoɣmo <u>ɛ</u>]	‘подол, пола’

Поэтому дифтонг /оэ/ довольно сильно отличается от «смягченного» долгого [o:] (ср. выше аналогичную ситуацию с дифтонгом /аэ/ и долгим /a:/). Однако сходство все-таки есть. Ср. дифтонг в открытом слоге и долгий гласный перед мягким согласным:

<i>ойл</i>	/o <u>ɛ</u> lo/	[o <u>ɛ</u> lʌ]	‘пойми’ (Imp.)
<i>ооль</i>	/o: o l/	[o:ʰlʌ]	‘тесло’

Есть примеры перехода долгого [o:] в дифтонг: ср. старописем. *тоуогци* ‘обходить вокруг’ и *тойрох* *id.*

/u/

Дифференциальные признаки: твердый ряд*
 огубленный
 верхний подъем*
 краткий
 монофтонг

Позиция. Может находиться только в первом слоге слова твердого ряда. Односложное слово структуры CV не может содержать краткий /u/. Не встречается в первом слоге после палатализованных согласных /b/, /m/, /d/, /t/, /n/, /l/, /ʃ/, /χ/¹⁸.

Дистрибутивный сингармонический класс: 3 (Т-П).

Артикуляция и аналогии. Самый глубокий из монгольских гласных — язык оттянут назад. По подъему из самых закрытых (4-й уровень подъема). Губы сильно выдвинуты вперед, сближены более, чем при произношении /o/. Гласный /u/, так же как и мягкорядный /y/, имеет наиболее напряженную артикуляцию среди монгольских гласных.

Основной аллофон гласного /u/ можно сравнить с ударным русским у, скажем, в слове *губы*. Возможен другой подход: если, произнося русский *ы*, округлить губы и приподнять язык, получится довольно точная аналогия с монгольским /u/.

¹⁸ Причина — в историческом развитии палатализованных согласных, которые обрели статус фонем после ассимиляции гласного *i («перелом *i»). Ср., например, старописем. *mingγan* и совр. *мянга* ‘тысяча’, старописем. *pigvan* и совр. *нярваан* ‘нирвана’ и т. п. Однако при уподоблении *i гласному *u согласный, предшествовавший древнему *i, оставался непалатализованным. Ср. старописем. *pisu* и совр. *нус* ‘сопли’, старописем. *kituγ-a* и совр. *хутга* ‘нож’. Эта особенность «перелома *i» сказалась аналогичным образом и на позиционных ограничениях начальных слогов с долгим /u:/ (см. с. 102).

Орфография. В кириллической монгольской письменности для обозначения гласного /u/, кроме буквы у, используется буква ю:

юм [jʊm] 'вещь: есть (Сор.)'

Аллофоны различаются по продвижению вперед: [u], [ʊ].

(1) [u]

Позиция: в первом слоге; в окружении нет мягких согласных или /j/.

нум	/numa/	[numʌ]	'лук (для стрельбы)'
дур	/dura/	[durʌ]	'любовь'
ухаан	/uxa:n/	[uxa:ŋ]	'ум'
гурав	/guraba/	[gurɑβʌ]	'три'

Этот аллофон варьирует отодвинутость назад в зависимости от предшествующего согласного. Приведенные примеры расположены в порядке возрастания отодвинутости назад гласного /u/: [num], [durʌ], [gʊ rɑβʌ].

(2) [ʊ] ~ [u]

Позиция: в первом слоге в окружении — мягкие согласные или /j/. По сравнению с 1-м аллофоном, небольшое продвижение вперед и/или более высокий подъем.

чулуу	/ʧulu:/	[tʃʰʊlu:]	'камень'
хужир	/xuʒar/	[xuʒʰʌr]	'солончак'
шугам	/ʃugam/	[ʃʰʊgɑm]	'линия'
гуй	/gʊja/	[gʊjʌ]	'бедро'
нулимс	/nu[masa/	[nuʰmɑsʌ]	'слезы'
урих	/uɣaxa/	[uɣʰɑxʌ]	'приглашать'

Так же как и у других твердоядных гласных, смягченный аллофон /u/ бывает двух видов: 1) продвижение вперед после мягких согласных (например, в чулуу); 2) антиципированный подъем — перед мягким (например, в урих). Между двумя мягкими согласными /u/ практически не встречается. Нам известен единственный пример такого рода — *шуушиг* (< тиб.) 'созвездие Весов', редко употребляющееся слово с характерным разнобоем в орфографии: *шуушиг* ~ *шүүшиг*.

/u:/

Дифференциальные признаки: твердый ряд*
 огубленный
 верхний подъем*
 долгий*
 монофтонг*

Позиция. Может находиться только в словах твердого ряда. Не встречается в первом слоге после палатализованных согласных /β/, /ɲ/, /dʃ/, /tʃ/, /jɲ/, /ʃ/, /dʒ/, /x/ (см. примеч. 18 на с. 100).

Дистрибутивный сингармонический класс: 3 (Т-П).

Артикуляция и аналогии. Так же как и его краткий коррелят, глубокий задний гласный — язык оттянут назад. Губы сильно выдвинуты вперед, сближены более, чем при произношении /o:/. По подъему он немного отличается от краткого /u/ и в восприятии похож на русское ударное [o] после губного согласного, скажем в слове *мода* или *бондарь*. Не подчиняется губному сингармонизму, точнее прерывает его: после /u:/ слово сохраняет только рядность, например: *орох* ‘входить’ *оруулах* ‘вводить’ (Caus.).

Орфография. В кириллической монгольской письменности для обозначения гласного /u:/, кроме обычного удвоения буквы у, используются следующие сочетания букв:

юу	оюун	‘разум’	[oju:ŋ]
иу	халуу	‘выдра’	[xaˈu:]

Аллофоны: [u:], [u:] ~ [u:]. Различие между аллофонами: продвижение вперед и/или подъем в окружении мягких согласных или /j/.

(1) [u:]

Позиция: в окружении нет мягких согласных и /j/.

уул	/u:la/	[u:l]	‘гора’
дуу	/du:/	[du:]	‘голос’
туулай	/tu:laɕ/	[tˈu:laɕ]	‘заяц’

(2) [u:] ~ [u:]

Позиция: в окружении мягких согласных и /j/. Небольшое продвижение вперед и/или увеличение подъема. Обычно после мягких

согласных сильнее выражено продвижение вперед, перед ними происходит увеличение подъема.

<i>иууд</i>	/su:d/	[s' u:d]	'прямой'
<i>чуулган</i>	/tʃu:lɡan/	[tʃ' u:lɡāŋ]	'собрание'
<i>хажууд</i>	/xɑʒu:da/	[xɑdʒ' u:da]	'сбоку'
<i>оюун</i>	/oju:un/	[oju:ŋ]	'разум'
<i>тууш</i>	/tu:ʃa/	[t' u:s' ʌ]	'вдоль'
<i>тууж</i>	/tu:ʒa/	[t' u:dʒ' ʌ]	'повесть'
<i>бууч</i>	/bu:ʃa/	[bu:tʃ' ʌ]	'стрелок'
<i>хууль</i>	/xu:lja/	[xu:l' ʌ]	'закон'

Долгий /u:/ не подвергается заметной редукции в непервых слогах. Только в достаточно протяженном слове или в агглютинированной синтагме может возникать небольшое относительное укорочение:

<i>оруулахаар</i>	/oru:laxa:r /	[oru:lāxa:r]	'чтобы ввести'
			(V. Caus., Ins.)

/ui/

Дифференциальные признаки: твердый ряд
 (по первому элементу)*
 огубленный
 (по первому элементу)
 верхний подъем
 (по первому элементу)*
 долгий
 дифтонг

Позиция. Может находиться только в словах твердого ряда; не встречаются сочетания с предшествующими палатализованными согласными и согласными мягкими *par excellence* /tʃ/, /ʒ/, /ʃ/; кроме того, нет инициальных (корневых) слогов /dui/, /hɥi/ и /cui/.

Дистрибутивный сингармонический класс: 3 (Т-II).

Артикуляция и аналогии. Первый формант — аналог (немного укороченный и приподнятый) долгого /u:/. За ним следует краткий открытый [i] или закрытый [e] (как уже говорилось выше, они

практически совпадают). Лувсандорж транскрибирует этот дифтонг как [u̠i̠:], с обозначением долготы во втором форманте, что, вероятно, следует понимать не как долготу, а как напряженность, отчетливо воспринимаемую при любой позиции дифтонга.

Довольно близкой аналогией монгольского дифтонга /ui/ в открытом слоге может служить китайская финаль -ui с твердой придыхательной инициальной, например в слогах sui или chui. Произнося русское слово *уйма* с сильно отодвинутым назад языком, можно получить довольно близкий аналог монгольскому *уйм* ‘переправляйся’ (например, через реку) (Imp.).

Орфография дифтонга /ui/ стандартна: *уй*.

Аллофоны: [u̠], [ui̠]. Первый формант всегда более долгий (у Моно, например, дифтонг всегда обозначается как [u̠i̠]), но в открытом слоге за счет удлинения второго форманта разница в долготе обеих частей дифтонга не столь велика. Ср.:

<i>буил</i>	/bui̠/	[bu̠ i̠]	‘кляп для верблюда’
<i>даруй</i>	/darui̠/	[daru i̠]	‘тотчас’

/e/

Дифференциальные признаки: мягкий ряд*
неогубленный*
нижний подъем
краткий*
монофтонг

Позиция. Может находиться только в словах мягкого (переднего) сингармонического ряда. Слово структуры CV не может содержать краткий /e/. Других *позиционных ограничений* нет.

Дистрибутивный сингармонический класс: 4 (M-II).

Артикуляция и аналогии. Язык продвинут вперед, его кончик упирается в основание нижних зубов. Спинка языка приподнята и параллельна нёбу. Губы не напряжены и раздвинуты.

Первый аллофон гласного /e/ близок к русскому [e] между мягкими согласными, например в слове *семь*. По степени подъема языка он немного превышает французское «закрытое e» в слове *été*

и немецкое [с:] в *nehmen*. В общепринятой градации подъема гласных (четыре уровня) (см., например: (Зиндер 1979)) монгольский гласный /с/ переходит третий уровень и довольно близок к [i] (особенно в своих узких аллофонах).

Орфография. Кроме буквы э, гласный /с/ может быть обозначен следующим образом:

буквой е	ер	[jɛr'ɔ]	'девяносто'
буквой и	бие	[b'ɛjɔ]	'тело'
буквой ь	хэлье	[x'ɛl'ɛjɔ]	'скажу' (Imp. I л.)
не обозначается	эмс	[ɛm'ɛs']	'женщины' (Pl.)

Аллофоны. [ɛ], [ɛ] ~ [i], [ɛ̄] ~ [ʷɛ̄], [ɛ̄] ~ [i], [ɔ]. Незначительные различия в подъеме узких аллофонов обозначены знаками варьирования, например: [ɛ] ~ [i] и т.д. Огубленные оттенки рассматриваются в составе аллофонов непервых слогов.

(1) [ɛ]

Позиция: в первом слоге при условии, что после /с/ не следуют переднеязычные /ɲ/, /dʃ/, /tʃ/, а в ближайшем окружении нет согласных /ʃ/, /ʒ/, /ʒ/ или /j/.

гэр	/gɛr/	[g'ɛr']	'юрта'
эх	/ɛxɛ/	[ɛx'ɛ]	'мать'
хэн	/xɛr/	[x'ɛr'] ¹⁹	'кто'

Если во втором слоге появляется долгий гласный, он укорачивает гласный первого слога, в особенности если первый слог состоит из одного только гласного. Например:

эмээл	/ɛmɛ:l/	[ɛm'ɛ:l']	'седло'
-------	---------	-----------	---------

(2) [ɛ] ~ [i]

Позиция: в первом слоге. Более узкий вариант звука; высокий подъем происходит в позиции перед переднеязычными /ɲ/, /dʃ/, /tʃ/ или при наличии в окружении согласных /ʃ/, /ʒ/, /ʒ/ или /j/. Довольно сильное увеличение подъема побудило, например, Ж. Лувсандоржа обозначать данный аллофон в виде дифтонгоидного: [ʷɛ].

¹⁹ В данном примере, как и в некоторых других далее, фонема /ɲ/ выступает в своем заднеязычном варианте [ɲ']. Тем самым позиционные условия не нарушаются.

Наибольший его подъем происходит в постпозиции /č/, /ʒ/, /ʂ/ или /j/ и здесь по подъему он вполне сравним с русским [i] в слове *линь*.

<i>энэ</i>	/enɛ/	[en'ə]	‘этот’
<i>хэдэн</i>	/xɛdɛŋ/	[x'ɛd'ɛŋ']	‘сколько’
<i>эжий</i>	/eʒi:/	[ɛdʒ'i:]	‘мама’
<i>жишээ</i>	/ʒɛʂe:/	[dʒ'ɛʂ'e:]	‘пример’
<i>ерийн</i>	/jɛr'i:n/	[jɛr'i:n]	‘обычный’

Поскольку [ɛ] и [i] почти совпадают по артикуляции, транскрипция приведенных примеров может иметь такой вид: [in'ə], [x'ɛd'ɛŋ'], [idʒ'i:] и т.д. Это отчасти учтено в современной орфографии, где после *ч*, *ж*, *ш* в словах мягкого ряда всегда пишется буква *и*, но не *э*. Например. *жишээ* можно транскрибировать двояко: [dʒ'iʂ'e:] ~ [dʒ'ɛʂ'e:]. Ср. также орфографические варианты: *эжий* ~ *ижий* ‘мама’.

(3) [ɛ̃] ~ [ʷɛ̃]

Позиция: второй и последующие слоги в отсутствие факторов, закрывающих гласный (как при аллофоне [ɛ], см. выше). Укороченный коррелят первого аллофона [ɛ̃].

<i>эмгэн</i>	/ɛmɛŋɛŋ/	[ɛm'əŋ'ɛŋ']	‘старуха’
<i>мэдэгдсэн</i>	/mɛdɛŋdɛsɛŋ/	[m'ɛd'ɛŋ'd'əs'ɛŋ']	‘долженный’
<i>элс</i>	/ɛlɛsɛ/	[ɛl'ɛs'ə]	‘песок’

После /ʏ/ или /ʏ:/ в первом слоге укороченный [ɛ̃] во втором приобретает лабиализованный приступ — [ʷɛ̃], например:

<i>сүрэг</i>	/sʏɾɛŋ/	[sʰɾ'ɾ'ɛ̃ŋ]	‘стало’
<i>сүүрс</i>	/sʏ:ɾɛsɛ/	[sʰɾ'ɾ'ɛ̃s'ɛ̃]	‘вздых’

(4) [ɛ̃] ~ [ĩ] ~ [ʷɛ̃]

Позиция: второй и последующие слоги в присутствии факторов, закрывающих гласный. Укороченный коррелят второго аллофона [ɛ̃].

<i>биенд</i>	/bɛjɛŋdɛ/	[b'ɛjɛŋ'd'ə]	‘телу’ (Dat.)
<i>үер</i>	/ʏjɛɾ/	[ʏjɛɾ']	‘поток’
<i>шүлс</i>	/ʂʏlɛsɛ/	[ʂ'ʏl'ɛ̃sə]	‘слиюна’
<i>тэших</i>	/tɛʂɛxɛ/	[t'ɛʂ'ɛx'ə]	‘скользить’

Укороченный и суженный аллофон также может быть лабиализованным, см. выше: *шүлс*. Следует, однако, отметить, что ла-

биализация такого рода в словах мягкого ряда вообще проявляется существенно слабее, чем в словах твердого ряда, а после согласных /ʃ/, /ʒ/, /ʒ̥/ и для сверхкраткого гласного ее невозможно заметить:

түүшиг	/tʏʃeɣ/	[tʰyʃʰiɣ]	‘опора’
жүжиг	/ʒyʒeɣ/	[dʒyʒiɣ]	‘спектакль’
хүчил	/xʏʃe/	[xʰytʃʰil]	‘кислота’
түүш	/tʏʃe/	[tʰyʃʰə]	‘тенистое место’

см. также хүргэ.

(5) [ə]

Сверхкраткий аллофон. Типичной *позицией* этого сильно редуцированного звука является непервый открытый слог после согласных /ɲ/, /b/, /d/ и /l/ и конечный открытый слог после сильных согласных и согласных /ɲ/, /d/, /t/, /j/.

унэ	/ʏne/	[ynʰə]	‘цена’
тэнгэр	/teneɣe/	[tʰenʰəɣe]	‘гладкий’
цэмбэ	/cembe/	[tsʰemʰbə]	‘сукно’
хүргэ	/xʏɣeɣe/	[xʰyɣʰeɣə]	‘доставь’ (Imp. 2 Pers.)
хэл	/xel/	[xʰelʰə]	‘язык’
хэд	/xed/	[xʰedʰə]	‘сколько’
нэм	/nem/	[nʰemʰə]	‘добавь’ (Imp.)
хэт	/xet/	[xʰetʰə]	‘огниво’
дээр	/de:ɣe/	[dʰe:ɣə]	‘верх’
хэлье	/xelje/	[xʰelʰeja]	‘скажу’ (Imp. 1 Pers.)
энх	/enx/	[enʰxʰə]	‘мир, покой’

В открытом слоге после согласного /d/ может употребляться и укороченный и сверхкраткий аллофон. Ср.:

мэдэгдсэн	[mʰedʰeɣdʰesʰen]	~ [mʰedʰeɣdʰəsʰen]
-----------	------------------	--------------------

/e:/

Дифференциальные признаки: мягкий ряд
неогубленный
нижний подъем
долгий*
монофтонг

Позиция. Может находиться только в словах мягкого ряда за одним исключением — финитная форма прошедшего времени на -жээ ~ -чээ (см. раздел о нарушениях сингармонизма на стр. 76). Дисстрибутивный сингармонический класс: 4 (М-Н).

Артикуляция и аналогии. Долгий коррелят гласного /e/ (см.). Он не подвергается заметной редукции. При сочетании нескольких слогов с /e:/ в одном слове возможно некоторое сокращение длительности последнего слога. См. ниже пример с дээрээсээ. По качеству он практически идентичен немецкому [e:] в открытом слоге, например в *peinern*. Близок русскому ударному [e], например в слове *берег*. Несмотря на наличие аллофонов узких оттенков, можно сказать, что подъем у /e:/ существенно менее вариативен, чем у его краткого коррелята /e/.

Орфография. Кроме обычного способа изображения /e:/ двумя буквами: ээ, возможно употребление сочетаний ээ и эй:

ээ	евэн	‘печенье’	[je:β'ɛŋ]
эй	хэрэгтэй	‘нужно’	[x'ɛr'ɛ'ɣt'e:]

Аллофоны: [e:], [¹e:], [e:] ~ [e:¹], [e:], [¹e:]. В зависимости от наличия в окружении мягких согласных /č/, /ʒ/, /ʃ/ и их расположения аллофоны отличаются степенью подъема и однородности.

(1) [e:]

Позиция: в окружении нет мягких согласных и /j/.

дээр	/dɛ:ɾe/	[d'ɛ:r'ɛ]	‘верх’
дээрээс	/dɛ:ɾe:sɛ/	[d'ɛ:r'ɛ:sɛ]	‘сверху’ (Abl.)
дээрээсээ	/dɛ:ɾe:sɛ:/	[d'ɛ:r'ɛ:s'ɛ:]	‘сверху от себя’ (Abl., Poss.Refl.)

(2) [¹e:]

Позиция: после согласных /č/, /ʒ/, /ʃ/ приобретает i-образный приступ.

шээс	/ʃe:se/	[ʃ'¹e:sɛ]	‘моча’
гарчээ	/gɑrʃe:/	[gɑrʃ'¹e:]	‘вышел’ (Perf.)
байжээ	/baɟʒe:/	[baɟʒ'¹e:]	‘был’ (Perf.)

(3) [e:] ~ [e']

Позиция: перед согласными /č/, /ʒ/, /š/ заметно приподнят. Возможен и дифтонгоидный вариант транскрипции, поскольку подъем к исходу гласного увеличивается: [eʰ].

дээж	/dɛ:ʒɛ/	[d'ɛ:dʒ'ə]	‘лучшая часть’
дээш	/dɛ:šɛ/	[d'ɛ:ʰš'ə]	‘вверх’
эрээч	/ɛrɛ:čɛ/	[ɛr'ɛ:tš'ə]	‘ищи’ (Imp.)

(4) [e:]

Сложение факторов, определяющих оттенки второго и третьего аллофона (между мягкими согласными), суммирует и сужающий эффект. При этом [e:] в восприятии мало чем отличается от долгого [i:]:

бичээч /bɛčɛ:čɛ/ [b'ɛtš'ɛ:tš'ə] ~ [b'ɛtš'ɛ:tš'ə] ‘писарь’

После /ʏ/ или /ʏ:/ в первом слоге долгий /ɛ:/ во втором слоге почти в любом аллофоне приобретает незначительный, хотя и заметный лабиализованный приступ: [ʷɛ:], например, в

булээн /bʏɛ:n/ [b'ʏl'ʷɛ:n] ‘теплый’

Однако после согласных /š/, /ʒ/, /č/ лабиализация практически сводится на нет:

туучээ /tʏɛ:čɛ/ [t'ʏ:tš'ɛ:] ‘первый бык в караване’

/ə/

Дифференциальные признаки: мягкий ряд
 огубленный
 нижний подъем
 краткий
 монофтонг

Позиция. Может находиться только в слове мягкого ряда. Односложное слово структуры CV не может содержать краткий /ə/.

Дистрибутивный сингармонический класс: 5 (М-Л).

Артикуляция и аналогии. Произносится при том же положении языка, что и гласный /e/ (3-й уровень подъема). Губы сильно выдвинуты вперед, сближены так же, как при произношении /o/.

В русском языке трудно найти звук, настолько близкий к монгольскому /ø/, чтобы назвать его хотя бы аналогом. В восприятии говорящих по-русски он кажется близким к [u] в окружении палатализованных согласных, например в слове *плющ*. Об этом свидетельствуют такие русские транскрипции, как *Урга* (< *өргөө*) или *Ундургэгэн* (< *өндөр гэгээн*). Основной аллофон гласного /ø/ можно сравнить с немецким или французским [ø], но монгольский [ø] более узкий, чем [ø] в нем. *hören* или франц. *deux* и похож на аналогичный туркменский гласный, скажем в туркм. *dört* [dø:] ‘четыре’.

Орфография. В кириллической монгольской письменности для обозначения гласного /ø/ введена особая буква: ө. Кроме буквы ө, используются следующие способы:

буква и	<i>хөгжил</i>	[x'ög'dʒ'øɮ']	‘развитие’
буква е	<i>ертөнц</i>	[jər't'øn'ts'ɔ]	‘вселенная’
буква ь	<i>өмсө</i>	[øm'ɔs'ɵjɔ]	‘оденусь’ (Imp. 1 л.)
не обозначается	<i>өвс</i>	[øβ'ɔs'ɔ]	‘трава’

Аллофоны: [ø], [ø̃], [ø̄], [ø̅], [ɔ̄]. Различаются по длительности (краткие и сверхкраткие в непервых слогах) и большим подъемом в окружении мягких согласных и /j/.

(1) [ø]

Позиция: в первом слоге при отсутствии в окружении согласных /ʃ/, /ʒ/, /ʃʃ/, /j/.

<i>ө</i>	/øɮ/	[øɮ']	‘дай’ (Imp.)
<i>дөрөв</i>	/døɮøβø/	[d'ør'ɵβ'λ]	‘четыре’

(2) [ø̃]

Позиция: в первом слоге при наличии в окружении согласных /ʃ/, /ʒ/, /ʃʃ/, /j/. Более узкий звук по сравнению с 1-м аллофоном.

<i>жэтөө</i>	/ʒø̃tø:/	[dʒ'ət'ø̃:]	‘ревность’
<i>хөгжил</i>	/xø̃ɮʒø̃ɮ/	[x'ög'dʒ'ø̃ɮ']	‘развитие’
<i>чөлөө</i>	/tʃø̃lø:/	[tʃ'əl'ø̃:]	‘свобода’
<i>дөрчин</i>	/dø̃tʃør̃/	[d'ø̃tʃ'ør̃]	‘четыре’
<i>шилөө</i>	/ʃø̃bø̃ɮø̃/	[ʃ'ø̃β'ø̃ɮ'λ]	‘шило’
<i>хөшөө</i>	/xø̃ʃø̃:/	[x'ø̃ʃ'ø̃:]	‘памятник’
<i>ерөөл</i>	/jø̃ɮø̃ɮ/	[jø̃ɮ'ø̃ɮ']	‘благопожелание’

(3) [ǝ]

Позиция: во втором и последующих слогах слова при отсутствии в окружении согласных /č/, /ʒ/, /š/, /j/.

<i>мөрә</i>	/m̩jɔɾǝfəl/	[m' ɔɾ' ǝɾ' ǝ]	'карп'
<i>шөбә</i>	/ʃǝbǝgəl/	[ʃ' ǝβ' ǝɾ' ǝ]	'шило'
<i>бомбарцә</i>	/bɔm̩bɔɾcǝɟ/	[b' ɔm' b' ɔɾ' ts' ǝɟ']	'шар'

(4) [ǝ]

Позиция: в втором и последующих слогах при наличии в окружении согласных /č/, /ʒ/, /š/, /j/. Более узкий звук по сравнению с 3-м аллофоном.

<i>мөләҗих</i>	/m̩jɔɟǝχǝl/	[m' ɔl' dʒ' ɔχ' ǝ]	'глодать'
<i>хәшип</i>	/χǝʃǝʃǝp/	[χ' ǝɟ' ʃ' ǝɟ']	'старый'
<i>мәчир</i>	/m̩jɔčǝɾ/	[m' ɔts' ǝ r']	'ветка'
<i>әҗе</i>	/ǝɟǝjǝl/	[ǝɟ' ǝjǝ]	'дам' (Imp. 1 Pers.)

(5) [ǝ]

Сверхкраткий аллофон. *Основная позиция* — конечный открытый слог в многосложных словах после сильных согласных и согласных /ɾ/, /ɟ/, /β/, /m̩/ и /l/.

<i>хәх</i>	/χǝχǝl/	[χ' ɔχ' ǝ]	'синий'
<i>әт</i>	/ǝtǝl/	[ɔt' ǝ]	'червь'
<i>әгиә</i>	/ǝɟǝɾpǝl/	[ǝɟ' ǝn' ǝ]	'даю' (Praes. Imp.)
<i>мәнгә</i>	/m̩jɔɾɟǝl/	[m' ɔɟ' ɾ' ǝ]	'серебро'
<i>әгәв</i>	/ǝɟǝβǝl/	[ǝɟ' ǝβ' ǝ]	'дал' (Praet.)
<i>җем</i>	/cǝm̩jɔl/	[ts' ɔm' ǝ]	'грызи' (Imp.)
<i>дәл</i>	/dǝlǝl/	[d' ɔl' ǝ]	'пламя'
<i>тәр</i>	/tǝrǝl/	[t' ɔr' ǝ]	'власть'

/ɔ:/

Дифференциальные признаки: мягкий ряд*
 огубленный*
 нижний подъем*
 долгий*
 монофтонг*

Позиция. Может находиться только в словах мягкого ряда. В первом слоге практически не встречается после согласных /č/, /ʒ/, /š/ (результат исторического развития, но не фонетический запрет).

Дистрибутивный сингармонический класс: 5 (М-Л).

Артикуляция и аналогии. Долгий коррелят краткого /ø/. Его основной аллофон сопоставим с немецким [ö] в открытом слоге, например, в *hören*, или с похожим туркменским (см. выше примеры в описании краткого /ø/). Сходный русский звук, скажем в слове *тёща*, похож на монгольский /ø/, но по сравнению с ним менее поднят и менее лабиализован.

Орфография. В кириллической монгольской письменности для обозначения гласного /ø:/ обычно используется удвоенная буква *өө*. Кроме того, встречается сочетание *еө*:

өөөдөх 'изнеможь, быть не в состоянии встать' [øjød'õx'õ]

Аллофоны: [ø:], [ø:]. Отличаются подъемом при отсутствии/наличии в окружении согласных, мягких *rag excellence* (/č/, /ʒ/, /š/), и /j/.

(1) [ø:]

Позиция: при отсутствии в окружении согласных /č/, /ʒ/, /š/, /j/.

хөдөө /χødø:/ [x'ød'ø:] 'сельская местность'

өөрөөрөө /ø:r'ø:r'ø:/ [ø:r'ø:r'ø:] 'сам' (Ins., Poss. Refl.)

Во втором примере гласные первого и третьего слога немного сокращаются. В восприятии говорящего по-русски это производит впечатление ударения на втором слоге.

(2) [ø:]

Позиция: при наличии в окружении согласных /č/, /ʒ/, /š/, /j/. Небольшое увеличение подъема.

хөшөө /χøšø:/ [x'øš'ø:] 'памятник'

дөчөөд /døçø:d/ [d'øts'ø:d] 'примерно сорок'

хөжөөн /χøʒø:n/ [x'øʒ'dz'ø:n] 'веселье'

хөө /χø:jø/ [x'ø:jø] 'эй!' (Interj.)

/ʏ/

Дифференциальные признаки: мягкий ряд*
огубленный
верхний подъем*
краткий*
монофтонг

Позиция. Может находиться только в первом слоге слова мягкого ряда; односложное слово структуры CV не может содержать краткий /ʏ/; не может следовать за инициальными /ŋ/ и /ʃ/ (то есть слогов /ŋʏ/ и /ʃʏ/ не существует). Крайне редко встречается сочетание /jʏ/: в имитативах, например *юнгэр* ‘перечный’, и в архаизме *юмбүү* ‘50 унций’ (мера веса).

Дистрибутивный сингармонический класс: 6 (М-П).

Артикуляция и аналогии. Если взять для сравнения немецкий [ü] в *über* [übər] или французский [y] в *gue* [gy], то можно заметить, что, несмотря на некоторое акустическое их сходство с основным аллофоном /ʏ/, они отличаются по артикуляции — монгольский гласный заметно сдвинут назад. Артикуляторно и по восприятию он более близок к туркменскому [y], например в *үч* [yʧə] ‘три’.

По подъему столь же закрытый и столь же напряженный по артикуляции, как и /u/. Но по положению языка (переднес // заднее) эти два гласных контрастно противопоставлены. Губы сильно выдвинуты вперед, сближены более, чем при произношении /ø/.

Для нетренированного русского уха различие в произношении монгольских гласных /ʏ/ и /ø/ не кажется существенным. Требуется значительное усилие и «настройка» на монгольскую фонологическую систему, для того чтобы эффективно воспринимать и воспроизводить слова с этими гласными.

Орфография. В кириллической монгольской письменности для обозначения гласного /ʏ/, кроме специально введенной буквы ү, используется буква ю:

юлхэр ‘толстопузый’ [jʏˈxʰəɣˈɕɣˈ]

Аллофоны: [ʏ], [ʏ̟]. Различаются небольшим продвижением вперед.

(1) [y]

Позиция: в первом слоге; в окружении нет согласных /č/, /ʒ/, /ʂ/.

хүч	/χyɯ/	[x' yŋ']	'человек'
үсэг	/ysecɣ/	[y's' ɕɣ']	'буква'
үзүүч	/yzy:ɮ/	[ydz' y:ɮ']	'покажи' (Imp.)

(2) [y̥]

Позиция: в первом слоге; в окружении согласных /č/, /ʒ/, /ʂ/ небольшой дополнительной подъем.

бүч	/bʏcɕe/	[b' y̥tʂ' ɕ]	'шнурок'
тушиг	/tʏʂɕɣ/	[t' y̥ʂ' ɕɣ']	'опора'
бүжиг	/bʏʒɕɣ/	[b' y̥dʒ' ɕɣ']	'танец'
шүүр	/ʂʏɯɕe/	[ʂ' y̥ɯ' ɕ]	'коралл'
жүжиг	/ʒʏʒɕɣ/	[dʒ' y̥dʒ' ɕɣ']	'спектакль'

/y:/

Дифференциальные признаки: мягкий ряд*
 огубленный
 верхний подъем*
 долгий*
 монофтонг*

Позиция. Может находиться только в словах мягкого ряда; в первом слоге слова, как правило, не может следовать за начальными согласными /ŋ/, /č/, /ʒ/ (то есть инициальных слогов /ŋy:/²¹, /ʒy:/ и /čy:/ не существует).

Дистрибутивный сингармонический класс: 6 (М-П).

Артикуляция и аналогии. Долгий коррелят гласного /y/. Различие монгольских гласных /y:/ и /ø:/ в восприятии гораздо отчетливее, чем при аналогичных кратких гласных, что, конечно, объяс-

²¹ Единственное исключение — заимствованное из китайского языка название меры площади мүү < кит. мǔ 'му' (0.0667 га). Но это — в орфографии. Реальное же произношение этого слога ближе к [mø:].

няется их долготой. Все известные нам аналоги монгольского /y:/ из других языков (как правило, весьма приблизительные; см. описание краткого /y/) уступают ему по напряженности.

Гласный /y:/ не подчиняется губному сингармонизму, точнее — прерывает его: после него слово сохраняет только рядность, например: *эмсэх* 'надевать', *эмсүүлэх* 'одевать' (Caus.) (ср. описание долгого /u:/).

Орфография. В кириллической монгольской письменности для обозначения гласного /y:/, кроме двойной буквы: *үү*, используется сочетание *юү* (см. приведенное ниже *юүүлэх*).

Аллофоны: [y:], [y:] ~ [ʰy:]. Отличаются небольшим продвижением вперед при отсутствии//наличии в окружении согласных, мягких *rag excellence* (/č/, /ʒ/, /ʃ/, /j/).

(1) [y:]

Позиция: в окружении нет согласных /č/, /ʒ/, /ʃ/, /j/.

<i>нүүр</i>	/ɲy:ɾ/	[nʰy:ɾʰ]	'лицо'
<i>үүл</i>	/y:ɕ/	[y:ɾʰə]	'облако'

(2) [y:] ~ [ʰy:]

Позиция: в окружении согласных /č/, /ʒ/, /ʃ/ небольшое продвижение вперед; кроме того, после /č/, /ʒ/, /ʃ/ появляется йотированный призвук (после /j/ этот призвук, конечно, тоже присутствует, но провести границу между звуками в сочетании [jʰy:] практически невозможно).

<i>сүүж</i>	/sy:ʒe/	[sʰy:dʒʰə]	'бедро'
<i>дүүжин</i>	/dʲy:ʒeɲ/	[dʰy:dʒʰeɲ]	'качели'
<i>идүүш</i>	/idʲy:ʃe/	[idʰy:sʰə]	'яства'
<i>бичүүлэх</i>	/bičy:ɕeɕ/	[bičʰy:ɾʰeɕʰə]	'поручить писать'
			(Caus.)
<i>хөөжүүн</i>	/xøʒʒy:ɲ/	[xʰøʒʒʰy:ɲ]	'веселый'
<i>шүүр</i>	/ʃy:ɾ/	[ʃʰy:ɾʰ]	'метла'
<i>юүүлэх</i>	/jy:ɕeɕ/	[jʰy:ɾʰeɕʰə]	'переливать'

/yɪ/

Дифференциальные признаки: мягкий ряд*
 (по первому элементу)
 огубленный
 (по первому элементу)
 верхний подъем*
 долгий
 дифтонг*

Позиция. Может находиться только в словах мягкого ряда. Остальные ограничения для дифтонга /yɪ/ можно представить следующим образом: 1) не встречаются инициальные слоги *жyɪ /ʒyɪ/, *мyɪ /mɥɪ/, *нyɪ /ɲyɪ/, *чyɪ /ʃyɪ/, *чyɪ /ʃyɪ/ (сочетания с другими мягкими согласными и аффрикатой /ʒ/ возможны); 2) употребляются финальные слоги гyɪ /ʁyɪ/, дyɪ /dɥɪ/, зyɪ /zɥɪ/, тyɪ /tɥɪ/, сyɪ /syɪ/, хyɪ /xɥɪ/ (остальные сочетания невозможны). Отдельно упомянем слог (слово) шyɪ — адаптированное заимствование из кит. shuì ‘налог, пошлина’. Этот малоупотребительный архаизм известен только в письменной форме.

Дистрибутивный сингармонический класс: 6 (М-II).

Артикуляция и аналогии. Первый формант — аналог (немного укороченный) долгого /y:/ . За ним следует краткий [i], более открытый, чем [i:], скажем в ший ‘спектакль’. На открытость второго форманта косвенно указывает эмфатическая форма слова yɥyɪ ‘нет, отсутствует’: yɥyɪ ээ [yɥyɪc:] ‘не-ет!’

Некоторым аналогом монгольского дифтонга /yɪ/ в открытом слоге может служить сходная китайская финаль в слогах с палатализованной придыхательной инициальной, например в слогах qi или xi.

Орфография дифтонга /yɪ/ стандартна: yɪ.

Аллофоны [yɪ], [yɪ:] не являются ярко выраженными. Второй формант укорачивается перед сонорными и немного удлиняется в открытом слоге. Ср.:

<i>үйлдвэр</i>	/y̥i dɕɛbɛr/	[y̥i]l'dʷɛβ'ɛr' ²²	'производство'
<i>хүйтэн</i>	/x̥y̥i tɛn/	[x'̥y̥i:t'ɛŋ']	'холодный'
<i>ирээдүй</i>	/i ɾe:d̥y̥i/	[iɾ'e:d'̥y̥i:]	'будущее'

/i:/

Дифференциальные признаки: нейтральный ряд
неогубленный
долгий
верхний подъем
монофтонг

Позиция. В первом слоге не может следовать за твердыми согласными; в последующих слогах это ограничение не действует (кроме сочетания с твердым /g/ на стыке морфем: /g/ при агглютации переходит в /dʒ/).

Дистрибутивный сингармонический класс: 7 (И).

Артикуляция и аналогии. Представляется сомнительным, что у этого гласного существует краткий коррелят в фонологической системе центрально-халхаского диалекта (см. с. 57). Долгий /i:/ противопоставлен по долготе лишь отдельным аллофонам краткого /ɿ/.

Монгольский /i:/ получается при неокругленных и невытянутых губах, верхнем подъеме языка (между 3-м и 4-м уровнем). Кончик языка опущен. Этот звук довольно типичен — аналогичные гласные есть в разных языках. Ср., например, ударное [i] в русском *химия* или немецкое [i:] в открытом слоге, например в *lieben*. Можно также сказать, что монгольский /i:/ ненапряженный, как в туркменском [gi:n] 'широкий', в отличие, скажем, от напряженного французского [i] в *lire*.

В большинстве случаев долгий /i:/ недавнего происхождения и образовался либо после монофтонгизации дифтонгов (*хий* 'воздух', ср. старописьм. *kei*), либо после контракции двослогов (*чийг* 'вла-

²² Это слово еще в начале XX века произносилось как [y̥i|lɛdβɛrɛ] прегерпело ресилабацию и лишилось конечного редуцированного гласного, о чем может свидетельствовать форма надежа: *үйлдвэрт* вместо **үйлдвэрд*.

га', ср. старописым. *šiyū*), либо после позиционного удлинения гласного (*хий*- 'делать', ср. старописым. *ki-*). Возможно, только в суффиксах падежей мы имеем дело с «первичным» долгим *i:/*.

Несмотря на то, что долгий *i:/* имеет высокий подъем, он очень незначительно палатализирует предшествующий согласный (кроме */g/*, который переходит в */gʲ/*). Более того, он сам испытывает влияние твердых согласных и гласных предшествующего слога: произносится более открыто (см. ниже). В какой-то мере этот факт отражен в современной орфографии, использующей в подобных случаях букву *ы*. Кроме того, *i:/* может подвергаться отчетливо воспринимаемой лабиализации: *орны* [oŋ^oi:] 'места' (Gen.).

Орфография. Долгий *i:/* может обозначаться следующими способами:

<i>ий</i>	<i>эхийн</i>	[ɛxi:nʲ]	'матери' (Gen.)
<i>ы</i>	<i>ахын</i>	[axi:nʲ]	'старшего брата' (Gen.)
<i>и</i>	<i>чи</i>	[tʃ ^o i:]	'ты'

Аллофоны: [i:], [i:]. Второй аллофон отличается небольшим уменьшением подъема в словах твердого ряда.

(1) [i:]

В словах мягкого ряда в любой позиции; в словах твердого ряда после мягких согласных (палатализованных и */ʃ/, /ʒ/, /ç/*), а также после */gʲ/* и «исторического» *ng*.

<i>ийм</i>	<i>/i:nje/</i>	[i:mʲɔ]	'такой'
<i>биеийн</i>	<i>/beji:n/</i>	[b ^o eji:nʲ]	'тела' (Gen.)
<i>тамхийг</i>	<i>/tanjaχi:gʲ/</i>	[t ^o am ^o ʌχ ^o i:gʲ]	'табак' (Acc.)
<i>багшийн</i>	<i>/bagsi:n/</i>	[baγ ^o s ^o i:nʲ]	'учителя' (Gen.)
<i>гарагийг</i>	<i>/garaɣi:gʲ/</i>	[garäγ ^o i:gʲ]	'планету' (Acc.)
<i>сангийн</i>	<i>/sanɣi:n/</i>	[sang ^o i:nʲ]	'кладовой' (Gen.)

(2) [i:]

В остальных позициях, то есть в словах твердого ряда при отсутствии перед */i/* мягких согласных, */gʲ/* и «исторического» *ng*, произносится немного более открытый звук [i:].

<i>гарын</i>	<i>/gari:n/</i>	[gari:n]	'руки' (Gen.)
<i>голын</i>	<i>/goli:n/</i>	[gol ^o i:n]	'реки' (Gen.)

Глава 3

СОГЛАСНЫЕ

СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Перечень монгольских согласных фонем можно представить в виде таблицы, построенной на основе универсальной классификации Л. В. Щербы (в изложении: (Зиндер 1979: 150)). Наша таблица не универсальна, а приспособлена к инвентарю фонем монгольского языка. Упрощение состояло в том, чтобы свести к минимуму количество пустых клеток. Поэтому, например, переднеязычные согласные не разделены отдельными графами на какуминальные, апикальные и дорсальные. Знаком || внутри клетки отделены слабые согласные от сильных, поперечная черта в клетке отделяет твердые согласные от мягких.

Классификация согласных фонем

По Л. В. Щербе			Губные	Переднеязыч- ные	Средне- язычные	Заднеязычные
Смычные	Шумные	Чистые	b p	ɰ t		g
			β p̥	ɰ̥ t̥		g̥
		Однофокусные		ʒ c		
		Двухфокусные				
	Сонанты		m	n		
			ŋ	ɲ		
Щелевые	Шумные	Однофокусные		s		x
		Двухфокусные				χ
	Сонанты	Срединный		š		i
		Боковые				
		Дрожащие		r		
				l		

Так как состав фонем, представленный в таблице, имеет отличия от аналогичных списков у других авторов, считаем необходимым прежде всего объяснить отсутствие в нашем списке некоторых традиционных элементов.

О статусе заднеязычного [ŋ]

Большинство монголистов выделяет особую фонему /ŋ/, отдавая, по-видимому, дань традиции. Однако звуки [n] и [ŋ] являются дополнительно распределенными вариантами одной фонемы /n/: заднеязычный [ŋ] встречается в исходе слова, перед заднеязычными согласными, а также перед согласными /s/, /ʃ/ и среднеязычным /j/. Во всех остальных позициях может находиться только переднеязычный [n]. Сходной дистрибуцией обладают и аллофоны мягкой фонемы /n/ (см. примеры на с. 152–154, которые показывают это достаточно ясно).

В качестве довода в пользу фонемного статуса [ŋ] иногда приводится наличие слов с конечным заднеязычным [ŋ], который специально обозначается в словарях, например *байшин(г)* ‘дом’, *сан(г)* ‘казна, хранилище’ и т. п. На самом деле, фонетического различия между *сан(г)* ‘казна’ и *сан* ‘был’ (Сор. Past.) или между *олон(г)* ‘подруга’ и *олон* ‘много’ нет. Нет и смысловозначительного противопоставления звуков [n] и [ŋ]. Есть различие в падежной морфологии: *олонгийн* ‘подруги’ (Gen.), *олны* ‘многих’ (Gen.), но оно является чисто историческим и к современной фонологической системе отношения не имеет.

О «фонеме» /h/

Во многих трудах, описывающих монгольскую фонетику, можно встретить упоминание о «фонеме /h/», то есть о глухом [h] как компоненте фонологической системы. Из монгольских фонетистов лишь Ж. Цолоо не упоминает об этой «фонеме».

Так, С. Момо вводит его в систему с такими дифференциальными признаками: переднеязычный, щелевой, плавный, двухфо-

кусный, ртовый, твердый, (сильный), (слабый)¹ (Момо 1979: 90–91). Там же, на с. 61 указаны три аллофона: [lh], [h], [l].

Ж. Лувсандорж пишет об этом звуке как о «сильном согласном тибетского происхождения» (Лувсандорж 1975: 67).

Разумеется, звуки [l] и [l̥] в монгольской речи присутствуют и являются аллофонами твердого /l/ и мягкого /l/ (см. с. 166–168). Кроме того, в инициальной позиции /l/ произносится несколько оглушенно (в особенности перед следующим за ним сильным согласным, например в *лахгар* ‘толстый’). Однако системного противопоставления /l/ (или мягкого /l/) какому-либо сильному (или придыхательному, глухому и т.д.) не существует.

В тех немногих словах тибетского происхождения, где пишется начальное *lh* (соответствует тиб. ལྷ་ lha — глухой сильный с заметным придыханием), например *лахгва* ‘среда (день недели)’; Меркурий (планета) (< тиб. ལྷ་གྲ་ lhāgbā), *Лхас* ‘Лхаса’ (< тиб. ལྷ་སྐ་ lhāsā) и т.п., начальный согласный произносится по-разному, в зависимости от социального диалекта или стилевой коннотации говорящего. Варианты произношения, к примеру названия столицы Тибета, могут быть такими: 1) [laʃl], 2) [ālxɑ:ʃl], 3) [xla:ʃl]. В любом случае очевидна адаптация тибетского придыхательного бокового как кластера [lha] и попытка его воспроизведения средствами монгольской фонетической системы. Последняя же позволяет произносить: 1) чистый инициальный [l] (наиболее «продвинутая» адаптация), 2) сохранять кластер с помощью протетического гласного, 3) дробить кластер с помощью эпентезы². В двух последних формах происходит, кроме того, удлинение гласного второго слога. Такая адаптация обусловлена законами монгольской фонетической системы: протеза перед сочетанием согласных (как в испанском *escuela* ‘школа’), расщепление плавности и шумности (как в просторечном русском *Хвёдор* вместо *Фёдор*).

¹ По-видимому, типографская или редакторская ошибка. В автореферате своей диссертации С. Момо указывает только: «слабый» (Момо 1970: 14–15).

² Любопытно определенное соответствие между приведенными вариантами произношения слова *Лхас* и аллофонами «фонемь» /lh/, которые приводит С. Момо.

Произношение глухого [ɭ] в заимствованных словах, как пишет Г.Рамстедт, «не представляет для монголов халхасцев вообще никаких затруднений» (Рамстедт 1908: 31). Нельзя не согласиться, но следовало бы добавить, что [ɭ] с «глухой инкурсией» (Владимирцов 1929: 363) характерно для любого слова с данной инициальной, что, собственно, снимает вопрос о каком-то «особом» произношении слов тибетского происхождения.

Противопоставление [lh] и [l] можно наблюдать в речи образованных монголов, которые владеют тибетским языком и вполне могут произнести с «тибетским акцентом» такую, например, пару:

лам /lama/ [lɑmɑ] 'лама' (< тиб. ལ་མ་ lāmā)

лхам /lhamɑ/ [lhɑmɑ] 'божество женского пола' (< тиб. ལྷ་མོ་ lhāmō)

Однако вряд ли некоторые особенности произношения узкого круга людей могут служить достаточным основанием для введения в систему полноценной «фонемы /lh/».

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ СОГЛАСНЫХ

В таблице на с.120 согласные распределены по столбцам и строкам, разделяющим их на группы. Таблица представляет собой двухмерное пространство с координатами: на горизонтальной оси отмечены органы артикуляции, другая координата обозначает способ произнесения звука.

Этим не исчерпывается «признаковое пространство», в котором расположены согласные фонемы. Согласные отличаются также по палатализованности и напряженности, и эти отличия функционально значимы. Поэтому внутри каждой клетки введены еще два параметра. Горизонтальная черта разделяет твердые и мягкие согласные, две вертикальные черты разделяют сильные и слабые согласные.

Все эти «координаты» являются дифференциальными признаками (ДП) согласных.

ДП проявляются в противопоставлениях. Здесь следует только напомнить о том, что системные противопоставления фонем предпочтительнее учитывать по *сильным* позициям (как мы это делали с

гласными; см. с. 81), поскольку в других случаях эти оппозиции реализуются далеко не всегда. Для согласных в большинстве случаев сильной позицией будет инициальная в словоформе. Отсутствие противопоставления в слабой позиции равнозначно нейтрализации какого-то признака. Так, возможна нейтрализация ДП «слабый//сильный» в преконсонантной позиции (*баги* /*baχsa*/) и в конце слова перед сверхкратким гласным (*цох* /*soχol* ~ /*coχ*/). Также нейтрализуется отличие губных сонантов от переднеязычных перед губными согласными (*сайн байна* /*saɛmbaɛna*/). Многие позиции, которые в других языках могли бы подействовать на отдельные ДП (например, преконсонантная или финальная), в монгольском чаще не вызывают нейтрализации или сводят ее к минимуму, поскольку существуют многие ограничения на дистрибуцию согласных. Так, финальная позиция в русском языке нейтрализует оппозицию между звонкими и глухими шумными (*луг* ~ *лук* и т.п.). В монгольском языке аналогом русских звонких//глухих являются слабые//сильные, но сильные смычные не встречаются в финальной позиции, поэтому вопрос о нейтрализации данного признака не актуален.

ДП могут быть двузначными (наподобие твердый//мягкий, шумный//сонант) и многозначными, как, например, признак, определяемый по «активнодействующему речевому органу». Он имеет четыре значения, разделяющие согласные на четыре класса: *губные*, *переднеязычные*, *среднеязычные*, *заднеязычные*. Переднеязычные, в свою очередь, могут быть разделены на *какуминальные* (т, т̣), *апикальные* (l, ḷ, t, ṭ, d, ḍ, n, ɲ, ʃ, ʃ̣, ʒ) и *дорсальные* (s, c, ʒ). Но последние три признака не играют большой роли в системе, поскольку не образуют однозначных оппозиций (то есть противопоставлений по единственному параметру), хотя их следует учитывать при сопоставлении подклассов фонем и при фонетической характеристике аллофонов.

По трехзначному признаку, определяющему характер шумообразующей преграды, выделяются три класса: *смычные*, *щелевые* и *дрожжащие*.

Остальные признаки рассматриваются как двузначные: *слабый//сильный*, *чистый//аффриката* и т.д.

Трехзначное деление «смычные//щелевые//дрожащие» имеет значение только для сонантов, а среди шумных согласных дрожащих нет. Это видно из следующей схемы:

	Смычные	Щелевые	Дрожащие
Шумные	p, b, β, б, t, ʈ, d, ɸ, ɣ, ɟ, с, ʑ, ɕ, ʝ	s, š, x, χ	_____
Сонанты	m, ɱ, n, ɳ	j, l, ʎ	ɣ, ʁ

Поэтому представляется естественным и удобным следующее начало классификации — предварительное деление на шумные//сонанты. В этом случае сонанты подразделяются на три класса по месту образования: *губные*, *переднеязычные* и *среднеязычные* и далее переднеязычные различаются как *смычные* и *щелевые*, а щелевые — как *боковые* и *дрожащие*. Последнее деление — твердые//мягкие — обозначено в таблице двойной вертикальной чертой.

Сонанты				
Губные	Переднеязычные			Среднеязычный
	Смычные	Щелевые		
		Боковые	Дрожащие	
m ɱ	n ɳ	l ʎ	ɣ ʁ	j

По-видимому, именно этот порядок предварительного отделения сонантов предпочтительнее (то есть ближе к реально существующей в системе иерархии ДП), чем первичное разделение по шумообразующей преграде.

Идя по такому пути, признак, характеризующий качество преграды, можно рассматривать по отношению к другим согласным (не сонантам, а шумным) как двузначный — смычные//щелевые. Рассмотрим этот ДП более подробно.

Представляется, что качество преграды не доминирующий фактор монгольского консонантизма. Выражается это, в частности, в том, что оппозиция смычные//щелевые — *слабая*: этот признак разделяет согласные, в основном, в составе класса или по много-

значным оппозициям (противопоставление по нескольким признакам одновременно). Например, согласные /ɕ/ и /χ/ противопоставлены не только по качеству преграды (смычный и щелевой), но и по напряженности (слабый и сильный), согласные /c/ и /s/ имеют дополнительно противопоставление как аффриката и чистый и т. п.

Противопоставление смычный//щелевой разделяет два класса согласных, которые произносятся различным способом, и это несомненная фонетическая реальность, но и в то же время применение термина смычный//щелевой в определенном смысле условность, которая нуждается в оговорках. Во-первых, имеется в виду только основная артикуляция (это относится, например, к смычно-щелевым согласным, аффрикатам), во-вторых, аллофоны некоторых фонем лишь в сильной позиции (*сильная позиция* для большинства фонем — инициальная в словоформе) сохраняют смычность (это касается фонем *b, ɓ, ɠ, ɕ*), а в других позициях (например, в интервокальной) данный ДП может нейтрализоваться.

Кроме того, следует отметить, что «функциональный вес» этого ДП для монгольской фонологической системы в известной степени малозначим. По признаку смычный//щелевой нет полноценных однозначных оппозиций. То есть у смычного /b/ нет щелевого коррелята *β/, у щелевого /x/ нет смычного коррелята *k/, у смычного /g/ — коррелята *ɣ/ и т. д. Все эти звуки существуют, но не противопоставлены друг другу, а реализуются в речи только как аллофоны фонем.

Только противопоставление смычного (апикального) /t/ и щелевого (дорсального) /s/ может учитываться как однозначная оппозиция, если дезавуировать на уровне фонем различие между апикальными и дорсальными.

Все это не означает, что оппозиция смычный//щелевой не играет вовсе никакой роли в функционировании монгольской фонологической системы. С ней связан ряд закономерностей не только синхронного, но и исторического характера. Но эти закономерности обусловлены действием других, более «сильных» оппозиций. Одной из таких оппозиций является противопоставление по напря-

женности артикуляции, которое в нашей номенклатуре обозначено термином ДІ слабый//сильный.

Признак слабый//сильный связан с фонетической терминологией и артикуляцией согласного: при одинаковой силе звука для произнесения сильного согласного требуется значительно больше напряжения артикулирующих органов, чем для произнесения слабого согласного. В монгольском языке сильный, как правило, глухой и придыхательный, слабый — обычно звонкий, и никогда не произносится с придыханием. Разумеется, *сильный* — не синоним *глухого* или *придыхательного* (Зиндер 1979: 124). Но в монгольском нет противопоставления придыхательных и непридыхательных глухих, звонких слабых и звонких сильных и т.д. Поэтому для маркировки данного дифференциального признака термин слабый//сильный представляется наиболее подходящим.

Сильный не бывает звонким, слабый может быть и звонким и оглушенным, например *одоо* 'сейчас' [ɔdo:] ~ [ɔɞo:]. Оглушенный интервокальный слабый произносится, как правило, с задержкой (геминирует).

Разделение согласных на *слабые* и *сильные* видно из таблицы на с. 120 — их разделяет двойная вертикальная черта. Эта же помета позволяет определить значение данного признака для согласных, не имеющих коррелятов: слева от нее находятся слабые согласные, справа — сильные.

Рассмотрим, как соотносятся классы *слабых* и *сильных* согласных с делением на *смычные* и *щелевые*. Связь этих признаков можно наглядно представить в виде следующей таблицы:

	Смычные	Щелевые
Слабые	b, ʙ, d, ɗ, g, ɣ, ʒ, ʒ̥	_____
Сильные	p, ɸ, t, ʈ, c, ɕ,	s, ʃ, x, ɣ

Наличие пустого класса «слабый+щелевой» означает, что среди шумных (не сонантов) действуют две импликации: «слабый > смычный» и «щелевой > сильный». И в то же время смычный может быть любым, то есть и сильным, и слабым, а сильный может быть и смычным, и щелевым.

Это взаимоотношение основных признаков шумных согласных, которое можно охарактеризовать как доминацию (старшинство в иерархии) признаков «смычный» и «сильный», по-видимому, имеет некое глубокое значение для системы, проявляющееся в диахронии: фонетические изменения (так же как и диалектные варьирования) «сильные ↔ слабые» возможны в основном только для смычных, а «смычные ↔ щелевые» — только для сильных³. Так, например, в монгольских языках широко представлено диалектное (и/или историческое) варьирование заднеязычных сильных («смычные ↔ щелевые»): монг. *хул* ~ калм. *кул* ‘человек’, протомонг. **kalka* ~ соврем. монг. *халх* ‘щиг’ и т.п. Также нередко встречается диалектное варьирование смычных («сильные ↔ слабые»). Ср., например, монг. *дотор* ‘внутри’ и его монгorskое соответствие *tudor* id. Отдельные исключения, наподобие монг. *гадаа* ~ калм. *газа* ‘внешний’ (варьирование «смычные ↔ щелевые» слабых согласных) всегда нерегулярны и практически никогда не составляют того, что в компаративистике принято называть фонетическим законом.

Мы называем противопоставление слабые//сильные *сильной* (или *доминирующей*) оппозицией — такая оппозиция функционально эффективна и, как правило, представлена *коррелятивным рядом*, в котором звуки различаются по единственному ДП (однозначная оппозиция).

Слабые//сильные согласные образуют следующий коррелятивный ряд:

Слабые	b	β	d	ɖ	ʒ	ʒ̃
Сильные	p	p̃	t	t̃	c	c̃

Все остальные согласные также характеризуется либо как слабые, либо как сильные, противопоставляясь в составе этих двух

³ Конечно, есть и исключения, и другие тенденции... Но мы не намерены здесь вдаваться в подробное обсуждение диахронических вопросов и касаемся их лишь настолько, насколько это помогает понять некоторые особенности фонологии современного языка.

классов. В частности, слабыми являются все сонанты и не имеют сильных коррелятов; к сильным также относятся щелевые /s/, /x/, /χ/, но они не имеют слабых коррелятов.

Противопоставление твердых и мягких согласных также представляет собой сильную оппозицию. Коррелятивный ряд по этому признаку насчитывает десять членов:

Твердый	p	b	t	d	g	x	m	n	l	r
Мягкий	p̥	b̥	t̥	d̥	g̥	χ	m̥	n̥	l̥	r̥

Мягкие фонемы сформировались сравнительно недавно, после того как ассимилировался краткий гласный ¹i. В монголистической традиции этот эпизод истории языка называется «переломом ¹i». Суть дела в том, что согласный перед ¹i палатализовался, и появилось два аллофона одного и того же согласного: [C] и [C̣], распределенных по позициям: [C] — перед гласным твердого ряда, [C̣] — перед гласным мягкого ряда и нейтральным ¹i. После «перелома», когда ¹i превратился в гласные как мягкого, так и твердого ряда, для [C̣] прекратилось действие запрета на позицию в твердом ряду, и он оказался противопоставленным твердому [C], то есть *фонологизовался*. Образовались квазимонимы, нанодобие *бясaa* ‘клон’ (ср. старописьм. bis ~ bisay-a) / *басаа* ‘небрежный’ (Part. Imp.) (ср. старописьм. basay-a), *матрах* ‘робеть’ (ср. старописьм. mitaraq) / *матрах* ‘сгибаться’ (ср. старописьм. mataraq) и т. п.

Кажется очевидным, что [C̣] осознавался как «отдельный» звук еще до «перелома ¹i», поэтому он и остался в системе, когда ¹i исчез. Этот момент не только диахронический, как может представляться на первый взгляд. Он свидетельствует о том, что аллофоны, которые мы выделяем (разумеется, далеко не каждый аллофон), могут иметь свой фонологический статус, и не только как элемент описания текста, но и как реальный, психологически осознаваемый системный компонент⁴.

⁴ По-видимому, справедливо полагают, что переход бурятского *s > h и халхаского *si > sV произошли под влиянием схожих звуков эвенкийского h и тюркского š. Но это внешнее воздействие должно было произойти еще до

Этот процесс охватил все согласные монгольского языка и не дал видимого результата только со среднеязычным *j̄, потому что этот звук очень близок по артикуляции к *ī⁵. Спирант *s расщепился на /s/ и /s̄/, аффрикаты *č и *č̄ образовали пары /c/, /č/ и /z/, /z̄/⁶. В результате эти три пары фонем образуют своеобразную двузначную оппозицию, то есть коррелятивный ряд по двум признакам. Если кроме признака твердость//мягкость мы будем учитывать признак однофокусность//двухфокусность, суммарный признак для этого коррелятивного ряда будет иметь следующий вид: «твердость + однофокусность // мягкость + двухфокусность».

Твердость + однофокусность	s	č	z
Мягкость + двухфокусность	s̄	č̄	z̄

Таким образом, согласные /s/, /c/ и /z/ «по природе» твердые, а /s̄/, /č̄/ и /z̄/ «по природе» мягкие. Их отношения можно описать и иначе: у однофокусных аффрикат нет мягких коррелятов, у двухфокусных — твердых. Очевидна зависимость «двухфокусность > мягкость». Последняя импликация в ряде случаев обратима, то есть при произношении некоторых мягких смычных происходит небольшая аффрикатизация.

Аффрикатизация мягких — признак «избыточный», но только в противопоставлении твердый//мягкий. Однако в оппозиции чистый//аффриката он может рассматриваться как существенная деталь.

фонологизации новых согласных, то есть именно на стадии аллофонов звуки: sⁿ в бурятском и s' в халхаском, стали выделяться как нечто особенное (в фонологическом смысле).

⁵ Напротив того, ассимилируясь с гласным второго слога, *ī йотировался, образуя слог типа jV, ср., например, старонисм. imaṣa и соврем. ямаа [jama:] 'баран'. В современном языке многие слова, которые пишутся с начальным и, также могут произноситься с йотированным началом: их 'большой, много' [jɛxə] и т. п.

⁶ В отличие от остальных согласных, которые выделили из своих аллофонов мягкие фонемы, аффрикаты развивались в противоположном направлении — отдельные фонемы образовались из твердых аллофонов. В южных диалектах, где аффрикаты не расщепились, сохранился и *ī.

Чистый	t	d	t̪	ɟ
Аффриката	ɕ	ʒ	ɕ̟	ʒ̟

Во всех оппозициях различием является один дополнительный «фокус». При этом палатализация, то есть то, что отличает мягкие согласные от твердых, может описываться как приобретение второго фокуса («фрикативный вялый призвук» (Момо 1970: 20)).

Еще одна двузначная оппозиция «ртовый + шумный//носовой + сонант» связывает восемь согласных:

Ртовый + шумный	b	β	d	ɟ
Носовой + сонант	m	ɱ	n	ɳ

Для других согласных различие в ДП ртовость//назальность нерелевантна, но и в данном случае этот признак можно рассматривать как «сопутствующий», то есть низший в иерархии по сравнению с делением на шумные//сонанты.

Перечень всех рассмотренных дифференциальных признаков монгольских согласных выглядит следующим образом:

ДП по действующему органу: *губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные* (переднеязычные различаются как: *какуминальные, апикальные, дорсальные*).

ДП по характеру шумообразующей преграды: *недрожащие, дрожащие* (среди недрожащих различаются: *смычные, щелевые*).

ДП по звучности: *шумные, сонанты*.

ДП по напряженности: *слабые, сильные*.

ДП по палатализации: *твердые, мягкие*.

ДП по положению языка и неба: *однофокусные, двухфокусные*.

ДП по направлению воздушного потока: *ртовые, носовые*.

Совершенно очевидно, что перечисленные признаки имеют далеко не одинаковое значение для системы. Поэтому произведем «интегрирование» ряда признаков, чтобы свести все консонантные ДП к минимизированному набору релевантных, то есть эффективно функционирующих *независимых* признаков.

Определение *зависимости* признака проиллюстрируем на при-

примере противопоставления ртовые//носовые. Согласные b, ʙ, d, ɗ, m, ɱ, n, ɲ, противопоставлены не только по данному признаку, но и как шумные//сонанты. При этом *губной сонант* может быть только *носовым* так же, как и *переднеязычный смычный сонант*. Таким образом, признак ртовые//носовые не несет никакой функциональной нагрузки и имеет значение только для фонетической характеристики аллофонов.

Аналогичным образом можно исключить из необходимого минимума ДП признаки однофокусность//двухфокусность (двузначная оппозиция твердых и мягких; см. с. 127), подразделение по месту образования «какминальные, апикальные, дорсальные» (соответствующие данному месту образования согласные достаточно разделены с помощью ДП смычный//щелевой//дрожащий).

В результате минимальный набор релевантных ДП монгольских согласных составит следующий список из шести признаков: 1) губные // переднеязычные // среднеязычный // заднеязычные, 2) смычные // щелевые // дрожащие, 3) шумные // сонанты, 4) слабые // сильные, 5) твердые // мягкие, 6) чистые // аффрикаты.

Для каждого согласного имеется свой набор признаков, достаточных для идентификации. В этом наборе никогда не используются все шесть релевантных признаков. Максимальное число, например, у фонемы /s/, для определения которой необходимо указать, что эта фонема: «переднеязычная, шумная, сильная, щелевая и твердая». Шестой признак — «чистая» — оказывается избыточным, поскольку «нечистым», то есть аффрикатой, щелевой согласный быть не может. Минимальный набор необходимых признаков, например, у фонемы /ɱ/: «губной, сонант, мягкий». Признак «слабый» определен признаком «сонант», «смычный» и «чистый» — признаки всех губных.

Этот *минимальный набор отождествления фонемы* мы отмечаем в разделе о реализации согласных фонем знаком *, который указывал также на однозначную оппозицию в разделе о реализации гласных.

Продолжая аналогию с гласными, мы должны отметить, что выбранная система ДП, хотя и вполне определяет все функции

согласных фонем, не отличается той симметрией, которая получается у нас для монгольского вокализма. Набор признаков, участвующих в однозначных оппозициях и минимальный набор отождествления чаще не совпадает, чем совпадает. Дело здесь не в асимметрии консонантной подсистемы и не в неадекватности представления, а в том, что нами оставлены многозначные признаки (*место образования и способ*), которые не дают однозначных оппозиций.

РЕЛЕВАНТНЫЕ ПОЗИЦИИ СОГЛАСНЫХ АЛЛОФОНОВ

Позиции согласных определяются по группам признаков: положение в слове (начало, середина, конец слова), положение в слоге (прикрывающий или закрывающий), окружение согласных (перед или после согласного), окружение гласных (гласный перед согласным, гласный после согласного).

Некоторые признаки взаимосвязаны. Например, положение в слоге для инициального согласного может быть только прикрывающим, и, соответственно, гласного перед ним нет; признак «окружение» действует только в середине слова и т. п. Поэтому при классификации позиций будем руководствоваться не формальным перебором всех возможностей, а прежде всего значимостью позиций для дистрибуции фонем и для формирования аллофонов. Определение этой значимости — в известной мере дело произвольное, но можно исходить из того, насколько широко влияние той или иной позиции на изменение артикуляции звука или на позиционные ограничения фонем.

1. Сильная//слабая позиция.

Этот признак скорее фонетический, чем позиционный (в *сильной* позиции звук может максимально различаться с другими), но его мы описываем по положению согласного в словоформе. В основном под сильной позицией понимается инициальная. Ею определяется «первый» аллофон большинства согласных. Только /г/ и /г'/ не могут находиться в начале словоформы, и для них, как исключение, сильной позицией полагается интервокальная.

Слабая позиция — любая другая. Классификация слабых позиций прежде всего производится по положению в слоге.

2. Начальнослоговая//конечнослоговая.

Этот позиционный признак имеет довольно объемную корреляцию с ДП слабый//сильный: большинство слабых согласных могут занимать конечнослоговую позицию (кроме сонанта /j/), в том числе и аффрикаты /ʒ/ и /ʒʲ/; большинство сильных (все сильные смычные, а также щелевые /x/ и /χ/) могут быть только в начальнослоговой позиции. Сильные щелевые /s/ и /s̺/ ограничений не имеют.

Полной корреляцией, по-видимому, можно считать соответствие: мягкие согласные в словах твердого ряда (кроме мягких *par excellence* /ʃ/, /ç/ и /ʒ/) > начальнослоговые⁷.

Разделения на начально-//конечнослоговые позиции недостаточно, поскольку для согласных релевантным фактором оказывается также и структура соседнего слога (предшествующий слог для начальнослоговых, последующий слог для конечнослоговых). Таким образом, оба значения данного признака имеют свои подразделения.

Начальнослоговая позиция подразделяется на две:
постконсонантная//интервокальная.

Конечнослоговая позиция также подразделяется на две:
преконсонантная//финальная.

Начальнослоговая постконсонантная позиция в середине слова для сильных согласных эквивалентна инициальной в слове.

Для слабых различие между постконсонантной и интервокальной позициями тоже является существенным. Фонемы /b/, /b̺/, /g/, /g̺/ в интервокальной позиции спирантизируются. В постконсонантной позиции выбор аллофона (смычный//щелевой) для /b/ и /b̺/ зависит от предшествующего согласного (после согласных /b/, /b̺/, /l/,

⁷ Так сложилось исторически (см. с. 129 о палатализации согласных после «перелома *i»). Но в современном языке наблюдается манера произношения конечных палатализованных с оглушением и отвердением, например *сургуль* 'школа' может произноситься: [surgu:l̥] вместо орфоэпического [surgu:l̥ʲ].

/m/ — смычный аллофон), /g/ и /d͡ʒ/ после сонантов не меняются, а после шумных чередуются с сильными, то есть с /x/, /χ/.

Интервокальная позиция практически у всех согласных вызывает геминацию. Она может, в свою очередь, различаться в зависимости от того, какой гласный присутствует в последующем слоге: краткий или долгий (~ дифтонг). Геминация сильных ярче проявляется перед кратким гласным, геминация слабых /d/, /d͡ʒ/. /l/, /l̥/, /m/, /m̥/ — перед долгим.

Конечнослоговая финальная позиция характерна для слабых и сонантов (кроме сонанта /j/). Слабые согласные (кроме аффрикат) могут становиться имплозивными, сонанты /l/, /l̥/, /r/, /r̥/ выступают в виде оглушенных аллофонов, /n/ и /r̥/ — в виде заднеязычных, /m/, /m̥/ могут приобретать длительность.

Преко́нсонантную позицию могут занимать согласные (кроме аффрикат /z/, /ʒ/), для которых разрешена конечнослоговая позиция. Последующий согласный может оказывать на них существенное воздействие. Перечислим те случаи, когда это приводит к чередованию фонем или формированию достаточно заметного оттенка-аллофона (в скобках будем указывать фонему, для аллофонов которой данная позиция является релевантной; подробнее см. с. 00). Последующий согласный:

— губной (нейтрализация места артикуляции: огубление — b, β, m, m̥, n, ɲ);

— переднеязычный смычный (нейтрализация места артикуляции: опереднение — n, ɲ);

— согласные /s/, /ʃ/, /j/ (нейтрализация места артикуляции: сдвиг назад — n, ɲ);

— согласные /č/, /ʒ/ (нейтрализация места артикуляции: опереднение — n, ɲ);

— заднеязычные (нейтрализация места артикуляции: сдвиг назад — n, ɲ);

— сильные (оглушение — сонанты, кроме /n/, /r/ и /j/);

— мягкие (палатализация — сонанты, кроме /j/).

Основные позиции, которые учитывались при установлении дистрибуции аллофонов и чередований фонем, можно представить

в виде следующей классификации:

Позиции согласных				
Сильная	Слабые			
	Начальнослоговые		Конечнотслоговые	
	Постконсонантные	Интервокальные	Прекоконсонантные	Финальные

В этой классификации отражено положение согласных по отношению к структуре слога. Однако на качество согласных помимо этого влияют и гласные слога, в котором он находится, а также гласные соседних слогов. Рассмотрим основные типы такого влияния. Начнем с корреляций сингармонических типов словоформ.

Два основных класса гласных, определяющие небную гармонию, соответствуют двум классам словоформ: твердояркие и мягкорядные слова. С этими классами связана следующая дистрибуция согласных фонем: в твердоярких словах могут употребляться любые согласные, в мягкорядных только палатализованные (корреляты соответствующих твердых и мягкие «по природе» /s/, /ç/ и /ʒ/).

Окружение огубленных гласных автоматически ведет к лабиализации согласных, но степень этой лабиализации различна в зависимости от качества и положения гласного. Лабиализованные высокого подъема, они же — напряженные /u/, /u:/, /y/, /y:/, /u̠/, /y̠/. воздействуют на соседний согласный сильнее, чем остальные. Регрессивная лабиализация проявляется сильнее, чем прогрессивная: например в *ааруул* ‘творог’ /r/ лабиализуется больше, чем в *уураг* ‘молозиво’.

Любой из согласных может подвергаться лабиализации, при том что лабиализация напрямую не связана с качеством согласного, кроме того, в монгольском нет согласных лабиализованных «по природе» (наподобие англо-американского [ɹ]), то есть противопоставление по лабиализации возможно только позиционное, на уровне аллофонов. Поэтому, чтобы не дублировать таблицу на с. 137–138, мы не включаем лабиализованные огтенки, то есть знаки, вроде [b], [p] и т. п., в общий список (ситуация, аналогичная таковой с назализованными гласными, см. с. 84).

Для некоторых согласных доступность позиций не однозначна и нуждается в оговорках. Так, например, /п/ и /р/ сохраняются далеко не во всех преконсонантных позициях (их не бывает перед губными), /д/ и /т/ в инициальной позиции в словах твердого ряда бывают только перед гласным /а/ и т.п. Чтобы не усложнять таблицу, мы отметили знаком «минус» только безусловные фонетические запреты, а более сложные позиционные условия подробно разобраны в разделе о реализации согласных фонем.

Аллофоны согласных фонем

Фонемы	Позиции согласных				
	Сильная (инициальная)	Слабые			
		Начальнослоговые		Конечнослоговые	
		Постконсонантные	Интервокальные	Преко- сонантные	Финальные
b	b	b, β	β	b, β, β ₂	β'
б	б'	б', β'	β'	б', β', β' ₂	β''
p	p'	p'	p'	—	—
ḡ	p''	p''	p''	—	—
m	m	m	m	m, m̄	m, m̄
ḡ	m'	m'	m'	m', m'	m', m'
d	d	d	d, d̄	d, d̄	d̄
ḡ	d'	d'	d', d'	d', d'	d'
t	t'	t'	t', t'	—	—
ḡ	t''	t''	t'', t''	—	—
n	n	n	n	n, ḡ	ḡ
ḡ	n'	n'	n'	n', ḡ'	ḡ'
l	l	l	l, l̄	l, l̄	l̄
ḡ	l'	l'	l', l'	l', l'	l'
r	—	r	r	r, r̄	r̄
ḡ	—	r'	r'	r', r'	r'
ʒ	dz, dz'	dz, dz'	dz, dz'	dz, dz', dz, dz'	dz, dz', dz, dz'
ʒ̄	dž̄	dž̄	dž̄	dž̄, dž̄	dž̄
c	ts', ts''	ts', ts''	ts', ts'', ts', ts''	—	—

č	tʃ ^h , tʃ ^{hʷ}	tʃ ^h	tʃ ^h , tʃ ^{hʷ}	—	—
s	s ^h , s ^{hʷ}	s ^h , s ^{hʷ}	s̄ ^h , s̄ ^{hʷ}	s, s ^h	s̄, s̄ ^h
š	š ^{hʷ}	š ^{hʷ}	—š ^{hʷ}	—š ^h	—š ^h
j	j	j	j̄	—	—
g	g	ɣ	ɣ	ɣ ₂	g, g ₂
ǰ	ǰ	ɣ ^h	ɣ ^h	ɣ ₂ ^h	ǰ, ǰ ^h
x	x	x	x̄	—	—
χ	x ^h	x ^h	x ^h	—	—

РЕАЛИЗАЦИЯ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

/b/

Дифференциальные признаки: губной
 смычный (по 1-му аллофону)
 шумный
 слабый
 твердый
 чистый

Позиция. Может находиться только в слове твердого ряда.

Артикуляция и аналогии. Двугубная плоскощелевая слабая твердая фонема. Существует в смычном и щелинном вариантах. Смычность и щелинность распределяются по позициям (противопоставление 1-го смычного аллофона всем остальным). По признаку смычность//щелинность дистрибуция монгольской фонемы /b/ сравнима с дистрибуцией ее испанского аналога [β]. Если обойтись без подробностей, основное распределение по позициям таково: в инициальной употребляется смычный аллофон, в интервокальной — щелинный. Ср. адаптированные заимствования из русского языка: *вагон* > [vəgɔ:ŋ], но *лаборант* > [laβəra:ntʰʌ] и т.п. Однако конечнослоговой аллофон варьирует смычность//щелинность:

лабтай [laβtʰac] ~ [labtʰac] 'достоверный'

В свете вышесказанного традиционное обозначение /b/ как *смычного* звука нуждается в оговорках.

Для говорящих по-русски важно помнить, что монгольский /b/ (так же, как и /β/; см. далее) в любом варианте остается губно-губным.

Орфография предусматривает для обозначения фонемы /b/ две буквы: *б* и *в*, в определенной степени отражающие реальное произношение (см. примеры ниже).

Аллофоны: [b], [β], [β̥], [β̄].

(1) [b]

Смычный аллофон. *Позиция:* в начале слова; после согласных /b/, /l/, /m/ внутри слова или при отсутствии паузы в словосочетании, например:

<i>бал</i>	/bal/	[bal]	‘мел’
<i>самбар</i>	/sambar/	[samb̄ar]	‘доска, табло’
<i>салбар</i>	/salbar/	[salb̄ar]	‘отрасль’
<i>аббал</i>	/abbal/	[abb̄a]	‘если взять’ (Conv. Cond.)
<i>олон байна</i>	/olomb̄aena/	[olomb̄aena]	‘много есть’
<i>лав байна</i>	/labb̄aena/	[labb̄aena]	‘определенно есть’

(2) [β]

Щелевой аллофон. *Позиция:* 1) между гласными или после согласных, кроме /b/, /l/, /m/; 2) в конце слога перед слабым согласным.

<i>хавар</i>	/xavar/	[xav̄ar]	‘весна’
<i>явж байна</i>	/jav̄aʒa baena/	[jav̄adʒʷa β̄aena]	‘идет’ (Progr.)
<i>тав</i>	/taba/	[tʰav̄a]	‘пять’
<i>арван</i>	/arban/	[arβ̄an]	‘десять’ (Attr.)
<i>дуусвар</i>	/du:sbar/	[du:sβ̄ar]	‘окончание’
<i>авлаа</i>	/abla:/	[av̄la:]	‘взял’ (Past. Def.)

(3) [β̥]

Глухой аллофон. *Позиция:* в конце слога перед сильным согласным.

<i>тавхай</i>	/tabx̄ae/	[tabx̄ae]	‘медвежья лапа’
<i>лавтай</i>	/labt̄ae/	[labt̄ae]	‘достоверный’

(4) [β̄]

Имплозивный аллофон. Может произноситься в конце слова перед паузой.

<i>лав</i>	/lab/	[lab̄]	‘точно’
------------	-------	--------	---------

Аллофоны (3) и (4) могут свободно варьироваться в конце слова:

лав /lab/ [laβ̞] ~ [laβ] ‘точно’

/b/

Дифференциальные признаки: губной
 смычный (по 1-му аллофону)
 шумный*
 слабый*
 мягкий*
 чистый*

Позиция — любая в словах мягкого ряда; в словах твердого ряда: в первом слоге только перед гласным /a/, в непервых слогах не встречается перед твердоязычными дифтонгами /ae/, /oc/, /ui/.

Артикуляция и аналогии. Двугубная плоскощелевая (в щелевых аллофонах) слабая фонема. Мягкий коррелирует с твердым /b/, отличающийся от последнего дополнительным подъемом языка к нёбу. Смычность и щелинность распределяются по позициям так же, как и у твердого /b/ (противопоставление 1-го аллофона всем остальным). Лувсандорж (в отличие от большинства других авторов) не выделяет мягкий /b/ как отдельную фонему, однако наличие таких пар, как

<i>баруун</i>	[baru:ŋ]	‘запад’
<i>бярүүн</i>	[bʰaru:ŋ]	‘теленек-двухлетка’ (Attr.)

или

<i>тав</i>	[tʰaβ̞]	‘пяť’
<i>тавь</i>	[tʰaβ̞ʰ]	‘пятьдесят’

вряд ли позволяет усомниться в том, что противопоставление /b/ и /bʰ/ — вполне реально.

Различие в произношении монгольских /b/ и /bʰ/ совершенно аналогично противопоставлению соответствующих твердых и мягких согласных в русском, например: *труба* / *тубя*.

Орфография предусматривает для /b/ два знака: *б* и *в* (так же, как и для /bʰ/). На мягкость согласного обычно указывает последний гласный мягкого ряда, знаки *и* или *ь*.

Аллофоны: [bʹ], [βʹ], [β̣], [βʹʰ].

(1) [bʹ]

Смычный аллофон. *Позиция* в начале слова; после согласных /б/, /в/, /п/ внутри слова или при отсутствии паузы в агглютинировавшей синтагме.

басаа	/basa:/	[bʹasa:]	‘клон’
бөмбө	/bom̩bɵf/	[bʹɵmbʹɵ̃f]	‘мяч’
сэлбүүр	/sɛlβy:ɾ/	[sʹɛlʹbʹy:ɾ]	‘всёлю’
ивбэл	/iβbɛl/	[iβʹɛlʹ]	‘если подложить’ (Conv. Cond)
хүи бүр	/χyɪβyɾ/	[χʹyɪbʹyɾ]	‘каждый человек’

(2) [βʹ]

Целевой аллофон. *Позиция* 1) между гласными или после согласных, кроме /б/, /п/, /м/; 2) в конце слога перед слабым согласным.

тэвэр	/tɛβɛɾ/	[tʹɛβʹɛɾ]	‘транспорт’
тэсвэр	/tɛsβɛɾ/	[tʹɛsʹβʹɛɾ]	‘терпение’
хэвлэл	/χɛβlɛl/	[χʹɛβʹlʹɛl]	‘издание’
дөрөв	/dʊɾɵβɵ/	[dʹʊɾʹɵβʹɵ]	‘четыре’

(3) [β̣]

Глухой аллофон. *Позиция* в конце слога перед сильным согласным.

дэвтэр	/dɛβtɛɾ/	[dʹɛβ̣tʹɛɾ]	‘тетраль’
шившиг	/ʃɛβʃɛɣ/	[ʃʰɛβ̣ʃʰɛɣ] ~ [ʃʰiβ̣ʃʰɛɣ]	‘позор’

(4) [βʹʰ]

Имплозивный аллофон. Может произноситься в конце слова перед паузой.

сэв	/sɛβ/	[sʰɛβʹʰ]	‘дефект’
-----	-------	----------	----------

Аллофоны (3) и (4) могут варьироваться в конце слова:

сэв	/sɛβ/	[sʰɛβʹʰ] ~ [sʰɛβ̣]	‘дефект’
-----	-------	--------------------	----------

/p/

Дифференциальные признаки: губной*
 смычный
 шумный*
 сильный*
 твердый*
 чистый

Основная *позиция* — инициаль первого слога в слове твердого ряда. Существует несколько заимствований из китайского языка («биномов»), в которых /p/ стоит в начале второго слога: *пийпаа* ‘лютя’, *ямтий шаазан* ‘низкосортный фарфор’, *туйпуу* ‘кирпич-сырец’. Из этих слов более или менее в употреблении только последнее. Известны и заимствования из других языков с /p/ в середине слова, например *паспорт* (< рус.). Для исконных слов или старых заимствований употребление /p/ в середине слова нехарактерно. Но и в недавних заимствованиях /p/ зачастую подвергается искажению, например [jофо:ɳ] ‘Япония’ (< рус.) (гиперкоррекция грамотного монгола). Единственным исключением, похоже, можно считать малоупотребительное *даанаа* ‘насмешка’ (по-видимому, от междометия).

Фонема /p/ употребляется, главным образом, в лексике следующих типов:

междометия

<i>паа</i>	/pa:/	[p'a:]	‘фу!’
<i>пуй пай</i>	/pui paɛ/	[p'ui p'aɛ]	‘фу! тьфу!’

звукоподражания

<i>пал</i>	/pal/	[p'a]]	‘бултых’
<i>пур</i>	/pur/	[p'u ɣ]	‘бульк’

имитативы

<i>палхагар</i>	/palxagar/	[p'a [x]ɣaɣ]	‘приземистый’
<i>памбайх</i>	/pambaɣa/	[p'ambaɣɣ]	‘быть мягким и толстым’

существительные-заимствования

<i>паалан</i>	/pa:lan/	[p'a:lāŋ]	‘эмаль’ (< кит. <i>fa:lan</i>)
<i>пуулуу</i>	/pu:lu:/	[p'u:lu:]	‘поло’ (< рус.)

Артикуляция и аналогии. Сильный и придыхательный /р/ в отличие от своего слабого коррелята /b/ является круглощелевым. Придыхание происходит в самой полости рта (гоморганное придыхание) и не вызвано произнесением гортанного щелевого⁸. Это качество присуще большинству монгольских придыхательных согласных. Придыхание у /р/ довольно сильное, но слабее, чем, скажем, у похожей китайской инициали. Существует определенное различие: в словах экспрессивной лексики (к таковым условно относим междометия, звукоподражания и имитативы) придыхание заметно сильнее, чем в словах нейтральной экспрессии (это, как правило, заимствования разного рода). Поэтому при длительной адаптации заимствования /р/ закономерно ослабляется и переходит в /b/. Ср., например, *буу* 'ружье' (< кит. рао 'пушка'), *баа* 'шграф' (< [pa] < кит. fǎ id.).

/ʁ/

Дифференциальные признаки: губной*
 смычный*
 шумный
 сильный*
 мягкий*
 чистый

Позиция: мягкий /ʁ/ употребляется в словах и твердого, и мягкого ряда в тех же лексических группах, что и твердый /р/. В словах твердого ряда: в первом слоге встречается лишь в отдельных заимствованиях, например 'пионер' (< рус.), *тиу* 'билет' (< кит.); в непервых слогах появление мягкого /ʁ/ вообще маловероятно.

Артикуляция и аналогии. Палатализованность /ʁ/ (по сравнению с /р/) при гласных мягкого ряда сама по себе не могла бы выделить его в отдельную фонему, но процесс «перелома *i» привел к

⁸ Ср. заднеязычный [x] в монгольском языке, развившийся из протетической аспираторной гортанной смычки: мнгр. *xaldan* < общемонг. *altan* 'золото'.

тому, что /ɮ/ стал употребляться и при твердорядных гласных. в результате чего возникла вполне реальная оппозиция, находящая свое выражение в таких, к примеру, минимальных парах:

нал ‘бултых’ — *нял* ‘тарелка’, *нас* ‘шлеп’ — *няс* ‘хрясь’.

Совершенно очевидно, что функция этой оппозиции в монгольской фонетической системе имеет минимальный вес и сохраняется благодаря аналогии со всем коррелятивным рядом противопоставления твердых и мягких согласных.

В *орфографии* фонемы /p/ и /ɮ/ передаются буквой *п*.

/m/

Дифференциальные признаки: губной
 смычный
 сонант
 слабый
 твердый
 чистый

Позиция — любая в слове твердого ряда.

Артикуляция и аналогии. Типичный носовой сонант без специфических монгольских особенностей. Губы напряжены слабо, но достаточно, чтобы при их размыкании происходил легкий взрыв. Достаточной аналогией монгольскому может служить русский /m/, например в *мал* или *там*. Например:

<i>манан</i>	/manan/	[manāŋ]	‘туман’
<i>ам</i>	/ama/	[amɮ]	‘рог’
<i>нам</i>	/nam/	[nam]	‘низкий’
<i>тамга</i>	/tamga/	[t'amgā]	‘печать’
<i>сайн байна</i>	/sain̄ baena/	[sain̄baenɮ]	‘хорошо (есть)’

Орфография стандартно обозначает /m/ с помощью буквы *м*, но в случае чередования /n/ > /m/ буква *м* вместо буквы *н* не пишется:

<i>хаан байна</i>	/xam̄ baena/	[xam̄baenɮ]	‘государь (есть ~ присутствует)’
<i>байшин мөн</i>	/baešan̄ m̄ɔŋ/	[baešan̄m̄ɔŋ]	‘это — дом’

Аллофоны [m], [ṃ], [m̄]. Отличаются незначительно. И все-таки можно выделить некоторые оттенки.

В абсолютном исходе, то есть там, где шумные могут становиться импловзивными, /m/ как сонант может приобретать небольшое увеличение длительности произнесения:

шахам /saxam/ [saxām̄] 'почти'

Перед сильными /m/ может немного оглушаться, и возникает звук, которому трудно подобрать аналог (может быть, близким к нему является тибетский оглушенный [ṃ] в бинOME ^{མ་} mā q̄in 'не уйдет')⁹:

амт /amtal/ [amt'ʌ] 'вкусный'

Конечнослоговой [m] назализует предшествующий гласный, но в значительно меньшей степени, чем [ŋ]. В отличие от /n/, конечнослоговой /m/ не редуцируется. Ср. *даам* 'шашки' [dā:m] и *даан* 'слишком' [dā:ŋ] ~ [dā:].

/ŋ/

Дифференциальные признаки: губной*
смычный*
сонант*
слабый*
мягкий*
чистый

Позиция — любая в словах мягкого ряда; в первом слоге только перед гласным /a/, в непервых слогах не встречается перед твердыми дифтонгами /aɛ/, /oɛ/, /uɪ/. Например:

<i>эм</i>	/eŋɛ/	[eŋ'ɛ]	'женщина'
<i>эм</i>	/eŋɟ/	[eŋ]	'лекарство'
<i>амь</i>	/aŋja/	[am'ʌ]	'жизнь'
<i>мянга</i>	/ŋanga/	[m'ŋga]	'тысяча'

⁹ Это автоматическое оглушение, хотя и заметно, но невыразительно в сравнении с аналогичным оглушением сонантов /l/, /ʎ/ и в особенности /r/ и /ʀ/.

Артикуляция и аналогии. Мягкий коррелят фонемы /m/, противопоставленный ему по дополнительному подъему языка к мягкому нёбу. Как и другие палатализованные фонемы, вошел в систему после «перелома *i». В словах мягкого ряда /m/ и /ɲ/ не противопоставлены, но в словах твердого ряда оппозиция вполне ясно выражена в минимальных парах:

<i>мангад</i>	/mangad/	[maŋgād]	‘злой дух (ракшас)’
<i>мянгад</i>	/ɲangad/	[mʲaŋgād]	‘мингаты’ (племя)

или

<i>ам</i>	/ama/	[amʌ]	‘рот’
<i>амь</i>	/aɲa/	[amʲʌ]	‘жизнь’

Орфография стандартно обозначает /ɲ/ с помощью буквы *м*, но в случае чередования /ɲ/ > /ɲ/ буква *м* вместо буквы *н* не пишется. На мягкость согласного обычно указывает последующий гласный мягкого ряда или знак ь:

<i>хʌн бʌр</i>	/xʌɲ bʌr/	[xʲʌmʲbʲʌr]	‘каждый человек’
----------------	-----------	-------------	------------------

Аллофоны: [mʲ], [mʲ], [mʲ].

В абсолютном исходе /ɲ/ может приобретать небольшое увеличение длительности произнесения:

<i>сʌлэм</i>	/sɛɲɲ/	[sʲɛɲʲɛmʲ]	‘сабля’
--------------	--------	------------	---------

Перед сильным согласным происходит незначительное оглушение, такое же как у твердого коррелята /m/. Например:

<i>гэмт</i>	/gɛɲɲt/	[gʲɛmʲtʲɔ]	‘преступный’
-------------	---------	------------	--------------

Так же как и /m/, конечнослоговой /ɲ/ назализует предшествующий гласный, например [gʲɛmʲtʲɔ], но в меньшей степени, чем /m/.

/d/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
 смычный*
 шумный*
 слабый*
 твердый*
 чистый*

Позиция — любая в слове твердого ряда.

Артикуляция и аналогии. Слабый апикальный (иначе: альвеолярный) согласный. От русского дорсального /d/ отличается тем, что артикулируется самым кончиком языка. Противопоставлен сильному /t/ не по звонкости//глухости, а по напряженности, что выражается прежде всего в отсутствии у /d/ аспирации.

Орфография стандартно обозначает /d/ с помощью буквы *ḍ*, но в ряде случаев конечнослоговой /d/ центрального диалекта обозначается буквой *m* (см. также ниже об орфографии /t/):

багатах /baɣadxa/ [baɣḍxǎ] ‘становиться все меньше и меньше’

Аллофоны: [d], [ḍ], [d̥], [ḍ̥].

В сильной (инициальной) и постконсонантной позициях обычно звонкий:

дараа /dara:/ [dara:] ‘потом’
абдаг /abdag/ [aβḍäḡ] ‘берет’ (Part. Us.)

В интервокальной позиции /d/ варьирует звонкость//глухость и геминирует, например:

одоо /odo:/ [oḍo:] ~ [oḍo:] ‘сейчас’

Этим интервокальный /d/ отличается от сходных по артикуляции звонких согласных других языков.

В преконсонантной позиции может быть звонким (перед слабыми) и оглушенным (перед сильными):

одов /odbo/ [oḍβḍ] ‘ушел’ (Praet.)
атга /adxa/ [aḍxǎ] ‘горсть’

В абсолютном исходе — импловзивный:

болд /bolod/ [bolḍḍ] ‘сталь, булат’

/d/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
 смычный*
 шумный*
 слабый*
 мягкий*
 чистый*

Позиция — любая в слове мягкого ряда. В словах твердого ряда встречается в непервых слогах перед гласными за исключением твердорядных дифтонгов /ac/, /oc/, /ui/. В первом слоге употребляется только перед гласным /a/ в редких заимствованиях (например, *дяи* ‘постоялый двор’, < кит.), но и в этих случаях довольно сильно аффрикатизируется: [dʒaŋ].

Артикуляция и аналогии. Палатализованный коррелят согласного /d/, отличается от последнего более высоким подъемом языка к нёбу. Противопоставление твердому /d/ возможно лишь в словах твердого ряда:

<i>бодь</i>	/bodʰ/	[bodʰŋ]	‘просветление’ (< санскр. <i>bodhi</i>)
<i>бод</i>	/bodo/	[bodŋ]	‘бодо, единица счета скота’

Палатализация /d/ не столь сильная, как в других языках, имеющих подобные звуки. Например, рус. [dʲ] не воспринимается монголами как /d/, а адаптируется аффрикатой: *жижүүр* [dʒʲidʒʲy:r] ‘дежурный’, *араажа* [ara:dʒʲa] ‘радио’, *мажар* [maʒʲar] ‘мадьяр’ и т. д.

Как видно из приведенных ниже примеров (*сэтгэл*), в **орфографии** /d/ выражается не только буквой *д*, но и *т*. На мягкость согласного обычно указывает соседний гласный мягкого ряда или последующие знаки *и* и *ь*.

Аллофоны: [dʲ], [dʰ], [dʲ], [d̥].

Первый аллофон [dʲ] определяется в сильной позиции (инициальная в слове):

<i>дээр</i>	/de:ɾe/	[dʲe:ɾʲɛ]	‘вверху’
-------------	---------	-----------	----------

Таким же он остается и в постконсонантной:

<i>голди</i>	/go[dʰ]/	[go[dʲdʰŋ]	‘десять миллионов’ (Num.)
--------------	----------	------------	---------------------------

В интервокальной позиции /d/ варьирует звонкость//глухость и геминирует:

<i>өд</i>	/odʰ/	[odʲo] ~ [odʰo]	‘перо’
-----------	-------	-----------------	--------

В преконсонантной позиции может быть звонким (перед слабыми) и оглушенным (перед сильными):

<i>эдлэл</i>	/ed el/	[edʲlʲel]	‘изделие’
<i>сэтгэл</i>	/sedʒel/	[sʲedʲxʲel]	‘мысль’

В абсолютном исходе — имплозивный:

egʷəd /əʃə:d/ [eg'ə:d'] 'отдав' (Conv. Perf.)

/t/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
 смычный*
 шумный*
 сильный*
 твердый*
 чистый*

Позиция — инициаль слога в слове твердого ряда.

Артикуляция и аналогии. Апикальный сильный аспирированный согласный. Аспирацию у /t/ можно охарактеризовать и как аффрицированность (как иногда делается в отношении аналогичного английского /t/). Представляется, однако, более удобным (и более адекватным) описывать монгольские сильные согласные как придыхательные, поскольку у них встречается по меньшей мере два вида аспирации: гетероганная (у щелевых) и гомоганная (у смычных).

Гомоганное придыхание /t/ — воспринимается особенно отчетливым у инициального в первом слоге. Сравнить можно с похожей китайской инициальнойю (например, в *tai* 'слишком'), но у последней придыхание все-таки более сильное.

Орфография стандартно обозначает /t/ с помощью буквы *t*, но следует учесть, что эта буква может отражать и слабый /d/ в написании перед согласной буквой, например: *amga* [adxã] 'ладонь'. Эта особенность орфографии, возможно, связана с влиянием восточных диалектов¹⁰.

Аллофоны: [t'], [ṭ].

В интервокальной позиции смычка немного задерживается —

¹⁰ Типичный для восточного произношения сдвиг смычки и глухости (своего рода метатеза ДИ): вост. халх. [atɥã] 'ладонь', [setəgɛ̃] 'мысль'. Ср. центр.-халх.: [adxã] 'ладонь', [sedxɛ̃] 'мысль'.

типичное явление для большинства монгольских сильных согласных, что можно охарактеризовать как не очень сильную, но явно выраженную геминацию: *татаж* ‘курить’ (Conv. Imperf.) [tʰaɪʰadʒʰɮ].

Кроме того, аллофоны различаются по напряженности. Напряженность и, как следствие, наибольшая аспирация — в начале слова и перед долгим гласным (как в *таар*; см. ниже). Перед редуцированными гласными придыхание слабее (то есть оно тоже редуцируется; см. *угтвар*). В агглютинировавшей синтагме перед слабыми согласными (но не перед сонантами) /t/ почти теряет аспирацию: *бат байна* [batʰɮβaɪnɮ] ‘крепко есть’. Примеры:

<i>таар</i>	/ta:ɪ/	[tʰa:ɪ]	‘дерюга’
<i>танан</i>	/tanan/	[tʰanɑŋ]	‘перламутровый’
<i>бат</i>	/bata/	[batʰɮ]	‘крепкий’
<i>угтвар</i>	/ugtabar/	[uɣtʰɮβaɪ]	‘префикс’

/t/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
 смычный*
 шумный*
 сильный*
 мягкий*
 чистый*

Позиция — инициаль слога в слове любого ряда; в твердорядных словах не встречается в первом слоге, а в непервых слогах не сочетается с твердорядными дифтонгами /aɪ/, /oɪ/, /uɪ/. В мягкорядных словах этих ограничений нет.

Артикуляция и аналогии. Мягкий коррелят согласного /t/ отличается более высоким подъемом языка к нёбу. Противопоставлен твердому только в словах твердого ряда, например: *ат(а)раа* [atʰɑ:ɪ] ‘свою целину’ (Poss. Refl.) — *атираа* [atʰɑ:ɪ] ‘морщина’).

Существуют случаи свободного варьирования твердого /t/ и мягкого /tʰ/ в имитативах, например: *матгар* ~ *матигар* ‘кривой’. Это варьирование типично именно для имитативов, но в возникно-

вении вариантов такого рода обычно нет фонетических мотивов; чаще — экспрессивные или диалектные замены.

Орфография стандартно обозначает /t/ с помощью буквы *т*. На мягкость согласного обычно указывает соседний гласный мягкого ряда или знак *ь*. Следует лишь учесть, что эта буква может отражать и слабый /d/ в написании перед согласной буквой, например: *сэтгэл* [sɛdχɛ̃] ‘мысль’.

Аллофоны: [tʰ], [tʰ̣].

Аллофоны мягкого /t/ аналогичны по качеству и распределены по тем же позициям, что и аллофоны твердого /t/: геминация в интервокальной позиции и редукция придыхания в непервых слогах, например:

<i>тэнэг</i>	/tɛnɛg/	[tʰˈɛnˈɛgˈ]	‘глупый’
<i>мэт</i>	/mɛtɕ/	[mˈɛtˈɕ]	‘подобно’
<i>мэтгэр</i>	/mɛtɕɛr/	[mˈɛtˈɕɛrˈ]	‘с длинной челюстью’
<i>тоть</i>	/toʈo/	[tʰoʈˈɕ]	‘понугай’

Геминация слабее выражена перед долгим гласным, например:

<i>мэтээр</i>	/mɛtɛ:t/	[mˈɛtˈɕ:tˈ]	‘подобно’ (Ins.)
---------------	----------	-------------	------------------

и практически незаметна в постконсонантной позиции, например:

<i>сэвтэй</i>	/sɛbtɛ:/	[sˈɛbˈtˈɕ:]	‘дефектный’
---------------	----------	-------------	-------------

/n/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
 смычный*
 сонант*
 слабый
 твердый*
 чистый

Позиция — любая в слове твердого ряда, кроме позиции перед губными /b/, /b/, /m/, /m/ и аффрикатами /t͡s/ и /t͡ʃ/.

Артикуляция и аналогии. Типичный носовой сонант с обычными (точнее: часто встречающимися в других языках) аллофонами и распределением их по позициям. Специфической монгольской

особенностью можно считать заднеязычный аллофон перед сильными щелевыми /s/, /ʃ/ и среднеязычным /j/.

Орфография стандартно обозначает /n/ с помощью буквы *n*, но следует учесть, что эта буква может отражать и звук /m/ перед согласными /b/ или /m/ (обычно при агглютинации словосочетаний; примеры см. в описании фонемы /m/).

Аллофоны. [n], [ŋ].

(1) [n]

Позиции: инициальная, интервокальная, конечнослоговая перед переднеязычными смычными согласными.

<i>нам</i>	/nam/	[nam]	‘низкий’
<i>хана</i>	/xana/	[xanʌ]	‘стена’
<i>танд</i>	/tanda/	[tʌndʌ]	‘Вам’ (Dat.)

(2) [ŋ]

Позиции: в исходе слова, перед заднеязычными согласными, а также перед согласными /s/, /ʃ/ и среднеязычным /j/.

<i>олон</i>	/olon/	[olɔŋ]	‘много’
<i>сонин</i>	/soɣon/	[soŋʷɔŋ]	‘новый’
<i>данхар</i>	/danxar/	[danxʷɑr]	‘большоголовый’
<i>сансар</i>	/sansar/	[saŋsɑr]	‘сансара’ < санскр.
<i>ханшаар</i>	/xanʃa:r/	[xanʃɑr]	‘переносица’
<i>сонин юм</i>	/soɣon jum/	[soŋʷɔŋjum]	‘интересная вещь’

Конечнослоговой заднеязычный аллофон назализует предшествующий гласный, то есть более точной транскрипцией будет, например, [olɔŋ] вместо [olɔŋ] ‘много’. Во избежание нагромождения диакритических знаков мы не обозначаем каждый раз назализацию, но помним, что она автоматически происходит перед носовыми. Особенно выразительной назализация бывает в конце слова. При этом именно долгий гласный в таком случае наиболее отчетливо воспринимается как носовой. Конечный же [ŋ] может и редуцироваться. Например, слово *цагаан* /saga:n/ ‘белый’ может произноситься двумя способами: [tsʰagā:ŋ] и [tsʰagā:]. Эти две транскрипции по сути дела означают одно и то же, потому что распознать смычку [ŋ] после долгого носового гласного почти невозможно.

Еще одно замечание. Финальный согласный в агглютинировавшей синтагме перестает быть таковым, и это следует учитывать при произношении /п/. Например, *гурван* [gurbāŋ] ‘три’ (Attr.) перед заднеязычным остается без изменений — *гурван хаан* [gurbāŋ_xa:ŋ] ‘три хана’, но перед другими согласными становится переднеязычным — *гурван настай* [gurbāŋ_nasʰltʰa:ɛ] ‘трехлетний’. Так же ведет себя и палатализованный /ɲ/.

/ɲ/

Дифференциальные признаки: переднеязычный
 смычный
 сонант
 слабый
 мягкий
 чистый

Позиция — любая в слове мягкого ряда, кроме позиции перед губными /б/, /п/. В слове твердого ряда может занимать инициальную позицию (в первом слоге встречается только перед гласным /а/, в непоследующем слоге также и перед другими гласными, за исключением твердорядных дифтонгов /аэ/, /оэ/, /иэ/) или конечнослоговую перед мягким согласным и аффрикатами /ʧ/, /ʤ/ и среднеязычным /ɲ/.

Артикуляция и аналогии. Палатализованный коррелирует с согласным /п/, отличается от последнего большей площадью примыкания языка к нёбу. Оппозиция твердого /п/ и мягкого /ɲ/ аналогична таковой в русском языке (*пан /пань* и т. п.). В монгольском противопоставление твердому /п/ возможно лишь в словах твердого ряда, например:

<i>нямаа</i>	/ɲama:/	[nʰama:]	‘солнце’(< тиб.)
<i>намаа</i>	/nama:/	[nama:]	‘сосуд для водки’

Орфография стандартно обозначает /ɲ/ с помощью буквы *н*, но следует учесть, что эта буква может отражать и звук /п/ перед согласными /в/ или /т/ (обычно при агглютинации словосочетаний; см. примеры в описании фонемы /п/).

Аллофоны: [n´], [ŋ´].

(1) [n´]

Позиции: в словах мягкого ряда инициальная, интервокальная, конечнослоговая перед переднеязычными смычными согласными. В слове твердого ряда — инициальная в слоге или конечнослоговая позиция перед мягким согласным, исключая /s/, /ʃ/ и среднеязычный /j/.

<i>нэр</i>	/nere/	[n´erə]	‘имя’
<i>энэ</i>	/ene/	[en´ə]	‘этот’
<i>эн тэрүүн</i>	/en [erɣʏ:n]/	[en´t´erɣʏ:n´]	‘самый первый’
<i>нягт</i>	/nagta/	[n´aɣt´ʌ]	‘точный’
<i>бандид</i>	/band´ad/	[ban´d´ad]	‘ученый’ (< санскр.)
<i>даанч</i>	/da:nca/	[da:n´ts´ʌ]	‘слинком’
<i>манж</i>	/manʒa/	[man´dʒa]	‘маньчжурский’

(2) [ŋ´]

Позиции: в исходе слова, перед заднеязычными согласными, а также перед согласными /s/, /ʃ/ и среднеязычным /j/.

<i>хэн</i>	/xer/	[x eŋ´]	‘кто’
<i>энх</i>	/erxe/	[eŋ´x´ə]	‘мир’
<i>сэнс</i>	/seps/	[s´eŋ´s´ə]	‘пронеллер’
<i>тэнших</i>	/tenšex/	[t´eŋ´š´ex´ə]	‘щелкать языком’
<i>хүн юм</i>	/xʏŋ jʊm/	[x´ʏŋ´jʊm´]	‘человек есть’

Все, что говорилось выше относительно назализации гласных перед конечнослововым [ŋ], в известной степени справедливо и для [ŋ´]. Следует лишь учесть, что назализация гласных мягкого ряда значительно менее заметна, а палатализованный [ŋ´] менее склонен становиться импловивным, чем твердый [ŋ]. Таким образом, слово *цөөн* ‘мало’ более вероятно услышать в виде [сө̄:ŋ], чем [сө̄:ŋ´] или [сө̄:], хотя и последний вариант не является недоступным для носителя монгольского языка.

При агглютинации с последующим словом, начинающимся на переднеязычный согласный, /ŋ/ ему уподобляется, то есть выступает в виде переднеязычного аллофона (аналогично тому, как ведет себя /п/): *дөрвөн настай* [dʰərβöŋ] > [dʰərβöŋ_nasʰʌt´ac] ‘четырёх-летний’.

/з/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
 смычный*
 шумный*
 слабый*
 твердый*
 аффриката*

Позиция — инициаль слога в слове любого ряда. Конечнослоговой в абсолютном финале после долгих гласных. Конечнослоговой перед сильным согласным.

Артикуляция и аналогии. Слабая дорсальная однофокусная аффриката /з/ произносится довольно твердо даже в смягченном варианте [dz'] при переднерядных гласных. Ее можно сравнить с аналогичной итальянской аффрикатой, например в итал. zoo; сходной по качеству и дистрибуции аллофонов является тибетская инициаль [z], например в མ་ zā 'вена' (тибетская /z/, правда, считается апикальной, в отличие от дорсальной монгольской), а также китайская инициаль [z], к примеру в зй 'сын'. Но китайская аффриката еще тверже монгольской (ср. характерную русскую транскрипцию приведенного китайского слога: цзы).

Фонетической инновацией в современном монгольском является конечнослоговой [з]¹¹. Он может быть таковым после долгих гласных в исходе слова и перед сильными (глухими) согласными. Оглушение [dz] не делает данный звук идентичным с сильной аффрикатой /с/ ([ts']), которая практически никогда не теряет аспирации. Следует помнить, что основным дифференциальным признаком в этой паре является сила//слабость, что для смычных практически всегда имплицитно подразумевает дополнительный дифференциальный признак: придыхательность//непридыхательность.

¹¹ Среднемонгольский не знает конечнослоговых аффрикат так же, как и некоторые современные диалекты. В халхаском редукция последних слогов довольно сильная, в отличие, например, от бурятского. Это привело к перестройке слоговой структуры многих форм и, в частности, к новой дистрибуции аффрикат.

Орфография фонемы /з/ стандартна — буква з.

Аллофоны: [dz], [dẓ], [dz̥], [dz̧].

При мягкорядных гласных /з/ имеет смягченный оттенок, получающийся из-за того, что язык большей площадью касается нёба. Таким образом, можно говорить о твердом и смягченном оттенках: [dz], [dẓ]. Степень смягчения различна в зависимости от продвинутости гласного и образуется автоматически, но вряд ли можно говорить о более чем двух вариантах, акустически отличимых по твердости//мягкости.

Кроме того, можно учитывать и конечнослоговой аллофон [dz̧] ~ [dẓ̧], имеющий очевидные признаки оглушения в абсолютном исходе или перед сильным согласным.

(1) [dz]

Позиция: инициаль слога при гласных твердого ряда.

зам	/zam/	[dzam]	‘путь’
зоо	/zo:/	[dzo:]	‘поясница’
газар	/gazar/	[gadzār]	‘земля’
аз	/aza/	[adzʌ]	‘удача’

(2) [dẓ]

Позиция: инициаль слога при гласных мягкого ряда.

ээрэг	/zeɾeŋ/	[dẓeɾ'ëŋ]	‘степень’
эзэн	/eɾeɾ/	[edẓ'ëŋ]	‘хозяин’
хүрз	/χyɾɜe/	[χ'yɾ'dẓ'ɜ]	‘лопата’

(3) [dz̥] ~ [dz̧]

Позиция: конечнослоговая.

жааз	/ʒa:ʒ/	[dʒ̥a:dz̧]	‘рама’
эрлийз	/eɾli:ʒ/	[eɾ'li:dz̧]	‘метис’
хүрэтэй	/χyɾɜtɛ:/	[χ'yɾ'dz̧'t'ɛ:]	‘имеющий лопату’

Различие между аллофонами (1) и (2) воспринимается вполне отчетливо. Этого нельзя сказать об оттенках аллофона (3), который находится в слабой позиции.

/с/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
 смычный
 шумный*
 сильный*
 твердый*
 аффриката*

Позиция — инициаль слога в слове любого ряда.

Артикуляция и аналогии. Сильная однофокусная аффриката /с/ имеет заметное гоморганное придыхание во всех позициях и оттенках. Придыхание является более сильным в начале слова и в середине слова перед долгим гласным. В интервокальной позиции перед кратким гласным происходит ощутимая на слух задержка смычки, которую отмечаем в транскрипции знаком геминации: [t̪]. Перед долгим гласным такая задержка менее вероятна. Палатализация аллофона [tsʰ] при любых условиях незначительна. Более того, твердость аффрикаты /с/ делает последующий гласный более открытым, например в слове *цйдэм* ‘разбавленный кумыс’ — [tsʰi:dʰemʰ].

Аналогом данного звука по твердости (но не по аспирации) может служить русское *ц*, скажем в слове *царь*; близка к монгольской и тибетская аффриката, например в ^ᠰ *сā* ‘горячий’, или китайская инициаль в *сāi* ‘трава’, но аспирация в последних все-таки сильнее.

Орфография в кириллице стандартна — буква *ц*.

Аллофоны: [tsʰ], [tsʰ̚], [tsʰ̚], [tsʰ̚].

При мягкорядных гласных /с/ имеет смягченный оттенок, получающийся за счет большей площади касания нёба. Таким образом, можно говорить о твердом и смягченном оттенках: [tsʰ], [tsʰ̚]. Степень смягчения различна в зависимости от продвинутости гласного, и образуется автоматически, но вряд ли стоит говорить о более чем двух вариантах акустически отличимых оттенков мягкости. С. Момо приводит два смягченных аллофона: [tʰs̚] и [tsʰ̚] (Момо 1979: 61), но не указывает их дистрибуцию. Возможно, имеется в

виду наличие в окружении узких гласных [i:] или [y:]: в препозиции этих гласных — [tʰs], например *тууүүч* ‘начало’, а в постпозиции — [tsʰ], например *өвчүү* ‘грудная кость’.

И твердый и мягкий аллофоны имеют небольшую задержку смычки в интервокальном положении. Эта задержка сильнее проявляется перед кратким гласным. В восприятии эта частичная геминация /с/ не столь выразительна, как у широкофокусного /с̄/ (см. ниже). Геминирующие оттенки мы приводим как подварианты аллофонов.

(1) [tsʰ] ~ [tsʰ]

<i>цагаан</i>	/caga:n/	[tsʰaga:n]	‘белый’
<i>гацаа</i>	/gaca:/	[gatsʰa:]	‘препон’
<i>хацар</i>	/xacar/	[xatsʰar]	‘щeka’

(2) [tsʰ] ~ [tsʰ]

<i>цэгээ</i>	/ceʃe:/	[tsʰeʃe:]	‘кумыс’
<i>хэцүү</i>	/xetsy:/	[xʰetsʰy:]	‘трудный’
<i>эцэг</i>	/etsɛʃ/	[etsʰeʃ]	‘отец’

/ʒ/

Дифференциальные признаки: переднеязычный
смычный
шумный
слабый
мягкий
аффриката

Позиция — инициаль слога в слове любого ряда. Конечнослоговой в абсолютном финале после долгих гласных. Конечнослоговой перед сильным согласным. После /ʒ/, как правило, не могут следовать дифтонги. Известны лишь два имитатива с /ʒac/: *жайвгар* ‘кривой’, *жайжгар* id.

Артикуляция и аналогии. Слабая апикальная двухфокусная аффриката /ʒ/ — всегда мягкая. Конечнослоговой /ʒ/ после долгих гласных и/или перед сильным согласным может не иметь огласовки и теряет звонкость (ср. аналогичный аллофон /ʒ/). Широкое

примыкание языка к нёбу сужает и продвигает вперед гласные в ее окружении. На примыкающих в препозиции к /ʒ/ согласных мягкость аффрикаты сказывается не так сильно. Заметной палатализации подвергается только /п/ (> /п/). Ср.:

тон	/ton/	[t'on]	‘очень’
тонж	/topʒo/	[t'on'dʒɔ]	‘особенно’

Звуки, сходные с [dʒ], существуют во многих языках, но лишь некоторые из них могут угодиться этой монгольской аффрикате по палатализованности. По-видимому, довольно близким акустическим аналогом является тибетская мягкая инициальная в ⁵ jiā (аникальная), но не в ^π zhā (дорсальная).

Орфография фонемы /ʒ/ стандартна — буква ж. Краткие гласные непервых слогов, следующие за ж, обозначаются буквой и.

Аллофоны: [dʒ], [dʒʰ].

(1) [dʒʰ]

В инициальной позиции и перед гласным в середине слова.

жаргал	/ʒargal/	[dʒʰargā]	‘радость’
дөжир	/døʒør/	[dødʒʰøɾ]	‘неутомимый’
хаж	/xaʒa/	[xadʒʰä]	‘канкан’
гүрж	/gʏrʒe/	[gʏrɳ'dʒʰɛ]	‘принцесса’

(2) [dʒ]

Конечнослоговой оглушенный аллофон в абсолютном исходе или перед сильным согласным.

хааж	/xa:ʒ/	[xa:dʒ]	‘короста’
ээлжтэй	/e:ʒte/	[e:l'dʒ't'e:]	‘очередной’

/ʒ/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
 смычный*
 шумный*
 сильный*
 мягкий*
 аффриката*

Позиция — инициаль слога в слове любого ряда. После /ʧ/, как правило, не могут следовать дифтонги. Исключения: (имитатив) с /ʧos/ в начальном (корневом) слоге: *чойчгор* ‘кривой (о ноге)’ (вариант: *чочгор* id.) и компонент нескольких имен собственных Чой- (< тиб.).

Артикуляция и аналогии. Сильная двухфокусная аффриката /ʧ/ имеет заметное гоморганное (по щелевому форманту) придыхание. Придыхание является более сильным в начале слова, а в середине слова — перед долгим гласным. В интервокальной позиции перед кратким гласным происходит ощутимая на слух задержка смычки.

Считается, что эта аффриката всегда мягкая. То есть присутствует широкое примыкание языка к нёбу. Это качество в сочетании с придыханием и интенсивностью приводит к тому, что /ʧ/ доминирует в любом окружении: сужает и продвигает вперед гласные (см. раздел о гласных)¹². Однако примыкающие к /ʧ/ (разумеется только в препозиции) согласные /b/, /g/, /l/, /m/, /r/, /s/ почти не подвергаются смягчению. И лишь сонант /n/ приобретает антиципированную мягкость и переходит в /ɲ/. Ср.:

<i>даан</i>	/da:n/	[da:ŋ]	‘слишком’
<i>даанч</i>	/da:ɲʧa/	[da:nʰtʃʰɮ]	‘слишком’ (с усилительным Suf.)

По придыхательности с монгольским /ʧ/ сравнима китайская инициаль *ch*, например в *chuān* ‘река’. Русский *ч* почти столь же мягкий, но произносится без аспирации. В распространенных языках полный аналог /ʧ/ найти трудно, а наиболее близкой к монгольскому представляется аналогичная аффриката в языке сибо (потомок маньчжурского) — не столь интенсивная, как в монгольском, но придыхательная и не менее мягкая. Например, сиб. [tʃʰɮa] ‘туда’ (ср. маньчж. *чала* id.).

Орфография фонемы /ʧ/ стандартна — буква *ч*. Краткие гласные непервых слогов, следующие за *ч*, обозначаются буквой *и*.

¹² Вероятно, именно по этой причине в принятой ныне орфографии в непервых слогах краткие гласные после букв *ч*, *ш* и *ж* обычно передаются буквой *и*, подчеркивающей сужение и продвижение вперед гласных.

Аллофоны: [tšʷ], [tšʷʰ].

Варианты произношения связаны с длительностью: задержка смычки возникает в интервокальной позиции перед кратким гласным. Этот оттенок отмечен знаком геминации при обозначении смычного форманта: [tšʷʰ].

(1) [tšʷʰ]

В инициальной позиции и перед долгим гласным в середине слова.

<i>чарга</i>	/tʃarga/	[tšʷʰ argʌ]	‘сани’
<i>ачаа</i>	/atʃaː/	[atšʷʰ aː]	‘груз’
<i>чоно</i>	/tʃono/	[tšʷʰ ɔnʌ]	‘волк’
<i>чөтгөр</i>	/tʃødxøɾ/	[tšʷʰ ødʰ xʰ øɾʰ]	‘черт’

(2) [tšʷ]

Интервокальный перед кратким гласным.

<i>ач</i>	/atʃa/	[atšʷʰ ʌ]	‘виук’
<i>хачин</i>	/xatʃan/	[xatšʷʰ an]	‘странный’
<i>дөч</i>	/døtʃø/	[dʰ øtšʷʰ ø]	‘сорок’

/s/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
щелевой*
шумный*
сильный*
твердый*
чистый

Позиционных ограничений нет¹³.

Артикуляция и аналогии. Фонема /s/ — круглощелевой твердый сильный согласный. Интенсивность его произношения срав-

¹³ В орфографии почти нет слогов *си*. Все старые слоги *si отражаются в современном монгольском в виде šV. А инновации (главным образом, заимствования) удерживают s перед i, удлиняя гласный в открытом слоге, как в *такси* [tʰagʰsiː] (< рус.), или ассимилируют i в закрытом слоге, как в *систем* [sɛstʰem] (< рус.).

нима с таковой у других сильных, в особенности аффрикат /с/ и /сʰ/. Так же как сильные смычные и аффрикаты, /s/ геминирует в интервокальной позиции и также произносится с придыханием, но аспирация у /s/ существенно легче. Она сравнима с аспирацией другого сильного щелевого — /х/. Сильная воздушность щелевых придыхательных иногда создает впечатление дополнительной артикуляции в гортани. По всей видимости, придыхание все-таки сказывается на произношении последующих гласных вообще, а в данном случае вызывает дополнительную гортанную артикуляцию, хотя и незначительную¹⁴.

Финальный /s/ произносится с геминацией, но (естественно!) без придыхания, то есть, как сказал бы Б.Я.Владимирцов, «с инкурсией, но без рекурсии». При этом многие слова, которые в современном языке благодаря редукции лишились конечных гласных, например *давс* ‘соль’ [daβās̄] или *эс* ‘песок’ [eʃ̄s̄] (ср. среднемонг. *dabasun*, *elesün*), в эмфазе восстанавливают эти гласные: [daβs̄^ha:], [eʃ̄^hs̄^he:]. С другой стороны, исконные конечнослоговые в конце слова не допускают эмфазы такого рода, например *бос* ‘вставай’ и *төгс* ‘полный’ (см. ниже), и имеют следующие эфпатические формы: [bo:s], [tʰogʷ:s]. Здесь конечный [s] может варьироваться со смычным [d]: [bo:d], [tʰogʷ:d]¹⁵.

Конечнослоговой в середине слова также теряет придыхание: *босгох* [bosgʷx] ‘поднимать’.

Интервокальный /s/ сравним с русским геминированным, например в *масса*, или с таким же немецким в *essen*. Инициальный /s/ похож на корейский «сильный /s/», например в слове [sal] ‘рис’.

¹⁴ Это могло бы объяснить, например, переход *s > h в хоринском диалекте бурятского языка, где гортанный h мог возникнуть на месте глоттализованного *s[?].

¹⁵ Такое варьирование характерно для неинтенсивного стиля произношения, когда конечный согласный произносится с ослабленным воздушным потоком и поэтому может приобрести смычку. Такой стиль произношения оказывается «нормальным» для восточно-халхаских диалектов, и там конечнослоговому центрально-халхаскому -s закономерно соответствует восточный -d. Ср.: вост.-халх. [bod], ‘вставай’, [tʰyged] ‘полный’.

Орфография стандартна — буква с.

Аллофоны: [s^h], [s], [s̄], [s̄^h], [s^{hʷ}], [s´], [s̄´], [s̄^{hʷ}].

Все аллофоны делим на две группы: твердые [s^h, s̄^h, s, s̄] и мягкие [s^{hʷ}, s̄^{hʷ}, s´, s̄´]. Внутри каждой группы они отличаются по редукации придыхания (конечнослоговые), и длительности (интервокальные и финальные). Основным оттенком каждой группы считается инициальный придыхательный.

Другие варианты произношения — по степени палатализованности, огубленности и проч. (в зависимости от гласных в окружении) — в восприятии и артикуляторно очень близки. Произношение и твердого, и смягченного аллофонов становится более интенсивным (обозначаем знаком геминации — [s̄]) перед кратким гласным в интервокальной позиции и в конце слога.

(1) [s^h]: [s^h, s̄^h, s, s̄]

В окружении гласных твердого ряда — твердый оттенок.

<i>самар</i>	/ʃamar/	[s ^h amäɾ]	‘орех’
<i>нас</i>	/nasa/	[nas̄ ^h ʌ]	‘возраст’
<i>босго</i>	/bosgo/	[bosgõ]	‘поднимай’ (Caus., Imp.)
<i>бос</i>	/bos/	[bos̄]	‘вставай’ (Imp.)

(2) [s^{hʷ}]: [s^h, s̄^{hʷ}, s´, s̄´]

В окружении гласных мягкого ряда — смягченный оттенок.

<i>сэлэм</i>	/selem/	[s ^{hʷ} el´em´]	‘сабля’
<i>мэс</i>	/mese/	[m´es ^{hʷ} ɔ]	‘клинок’
<i>эсгий</i>	/csɟ/	[es´ɟ´i:]	‘войлок’
<i>төгөс</i>	/teɟös/	[t´ˈeɟös´]	‘полный’

/ʃ/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
целевой*
шумный*
сильный*
мягкий*
чистый

Позиционные ограничения: после /ʃ/, как правило, не могут следовать дифтонги. Это результат исторического развития /ʃ/ < *si, поскольку *i при ассимиляции никогда не образовывал дифтонга. О том, что здесь нет артикуляционного или системного ограничения, свидетельствуют редкие исключения: две формы с финальным слогом /ʃoɛ/: *хошой*: *хошой баатар* ‘дважды герой’ и *шошой* ‘метка, зарубка’, а также *шүй* ‘таможенная пошлина’ (< кит.) и производные от него¹⁶.

Артикуляция и аналогии. Фонема /ʃ/ — плоскощелевой мягкий сильный согласный. Как и большинство других монгольских сильных, он произносится более интенсивно перед кратким гласным в интервокальной позиции, в результате чего длительность согласного увеличивается. В современном языке он может быть конечнослоговым и может терять аспирацию. Для этого достаточно, чтобы предыдущий гласный был долгим. При этом многие слова, которые в современном языке благодаря редукции лишились конечных гласных, например *ааш* ‘нрав’ [aːʃ] или *зууш* ‘закуска’ [dzuːʃ] (ср. старописьм. *aγasi*, *ʒaγusi*), в эмпазе восстанавливают эти гласные: [aːʃ^haː], [dzuːʃ^haː]. Фонема /ʃ/ вошла в фонетическую систему довольно поздно и «первичных» финальных [ʃ] не существует.

Считается переднеязычным, однако при его произнесении спинка языка высоко поднята. Это можно трактовать как палатализацию и как близость к среднеязычным по месту второго фокуса. Интенсивность и объем усилий при воспроизведении звука таковы, что влияние окружения минимально — мягкорядность последующего гласного почти не влияет на /ʃ/. Его смягченный оттенок на слух мало отличается от несмягченного.

Несмягченный вариант /ʃ/, например в слове *шошой* ‘мел’ близок к русскому палатализованному [ʃ] в слове *большой*. Аналогом

¹⁶ До недавнего времени слово было малоупотребительным (не знаю, как сейчас), вместо него в ходу *татвар* — исконное слово с тем же значением. Произношение же *шүй* (в тех немногих случаях, когда удавалось объяснить информанту, о чем идет речь) чаще напоминало *шуй* или *шүү* то есть все-таки не содержало дифтонга.

по положению языка (но не по напряженности) может быть тиб. *xi*, например, в ^ᶞ*xiag* ‘сутки’ или франц. [ʃ] в *chien*.

Орфография стандартна — буква *ш*. Краткие гласные непервых слогов после *ш* передаются буквой *и*.

Аллофоны [ʃ^h], [ʃ̣^h].

Поскольку звук /ʃ/ — всегда мягкий и доминирует над окружением, можно говорить лишь об оттенке с задержкой произношения, которая возникает в интервокальной позиции перед кратким гласным. Этот оттенок отмечен знаком геминации: [ʃ̣^h].

(1) [ʃ̣^h]

В инициальной позиции и перед долгим гласным в середине слова.

<i>шар</i>	/ʃara/	[ʃ ^h arʌ]	‘желтый’
<i>ширээ</i>	/ʃire:/	[ʃ̣ ^h ire:]	‘стол’
<i>гацуун</i>	/gaʃu:n/	[gaʃ̣ ^h u:n]	‘горький’
<i>багш</i>	/baʃʂa/	[baʃ̣ ^h ʂʌ]	‘учитель’

(2) [ʃ̣^h] ~ [ʃ̣]

В середине слова перед кратким гласным и в финальной позиции.

<i>ашиг</i>	/aʃaʒ/	[a ʃ̣ ^h ʒ]	‘польза’
<i>маш</i>	/maʃʂa/	[ma ʃ̣ ^h ʂʌ]	‘очень’
<i>тийш</i>	/tʃi:ʃ/	[tʃ̣ i:ʃ]	‘туда’
<i>нааш</i>	/na:ʃ/	[na:ʃ̣]	‘сюда’

Финальный /ʃ/ в двух последних примерах произносится без придыхания.

Л

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
щелевой*
сонант*
слабый*
твердый*
чистый*

Позиция. любая в слове твердого ряда.

Артикуляция и аналогии. Твердый апикальный боковой сонант, произносится с низким положением спинки языка. Невеляризован в отличие от русского твердого //, близок к английскому «темному» [ɫ], например в *tell*.

Этот согласный редко встречается в начале слов¹⁷ и широко употребляется в составе служебных морфем. Начальное [ɫ] звучит несколько оглушенно («имеет глухую инкурсию» (Б.Я. Владимирцов 1929: 363)). Оглушению подвергается и конечнослоговой [ɫ], особенно в окружении сильных согласных. То есть произношение этого звука, к примеру в *мал* и *болтол* (см. ниже) отличается довольно заметно.

Задержка артикуляции в интервокальной позиции происходит практически всегда. Она особенно сильно проявляется перед долгим гласным, например в *монголоор* ‘по-монгольски’, и акустически может восприниматься как смычный [d]: [mɔŋdʒɔɔːɣ], хотя этот эффект зависит еще и от стиля произношения и более характерен для эмфазы.

Орфография стандартна — буква *л*.

Аллофоны: [ɫ], [ɫ̥], [ɫ̥̥].

(1) [ɫ]

Позиции: инициальная в слове, конечнослоговая перед слабыми согласными.

<i>лав</i>	/lab/	[laβ]	‘точно’
<i>манлай</i>	/manlac/	[manlac]	‘лоб; авангард’
<i>олз</i>	/oldzɔ/	[oldzɔ]	‘добыча’

¹⁷ Протомонгольского *l в такой позиции, скорее всего, вообще не могло быть (так же, как и *r). В современной лексике большинство слов с начальным [ɫ] — заимствования (*латин*, *литр* < рус., *лан* ‘ушция’, *луу* ‘дракон’ < кит., *ловон* ‘правление’, *лонх* ‘бутылка’ < тиб. и проч.). Есть несколько имитативов, например *лахгар* ‘большой и толстый’, *лонхгор* ‘торчащий и/или выпуклый’. (Для слов этого класса использование маргинальных фонетических структур — не редкость. Ср. также употребление фонем /p/ и /β/.) Некоторые слова с начальным [ɫ] могут происходить от так называемых «слов-эхо» (то есть также слов с экспрессивной стилистикой), например *новш лови* ‘мусор’ *навч лавч* ‘листва’ (последнее, правда, может быть связано с диалектным вост. халх. *лавч* ‘лист’).

(2) [ɮ]

Позиции: в исходе слова или перед твердыми сильными согласными.

<i>мал</i>	/mal/	[maɮ]	‘скот’
<i>монгол</i>	/mongol/	[mɔŋgɔɮ]	‘монгольский’
<i>алт</i>	/alta/	[aɮtʰ]	‘золото’
<i>халх</i>	/xalxa/	[xɑɮxɑ]	‘щиг’
<i>болтол</i>	/boltol/	[boɮtʰɔɮ]	‘до: даже’

(3) [ɮ]

Интервокальная позиция.

<i>олон</i>	/olon/	[olɔŋ]	‘много’
<i>хол</i>	/xolo/	[xolɮ]	‘далекий’
<i>монголоор</i>	/mongolor/	[mɔŋgɔɮɔɮ]	‘по-монгольски’

ɮ

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
щелевой*
сонант*
слабый*
мягкий*
чистый

Позиция — любая в слове мягкого ряда. В слове твердого ряда: в первом слоге встречается только перед /a/ и /i:/ (см. примеры ниже), для последующих слогов действует ограничение — не встречается перед твердорядными дифтонгами /ae/, /oe/, /ui/.

Артикуляция и аналогии. Боковой сонант, палатализованный коррелят согласного /ɮ/. Противопоставление твердому возможно лишь в словах твердого ряда, например:

<i>аль</i>	/aɮa/	[aɮʰ]	‘который’
<i>ал</i>	/ala/	[aɮ ɮ]	‘промежность’

Типичный мягкий согласный, обязанный своим появлением в фонетической системе «перелому *i».

Орфография стандартно обозначает /ɮ/ с помощью буквы л; на мягкость в словах твердого ряда указывает знак ь (*толь* ‘зеркало’)

или последующие буквы *и* (*халиу* ‘выдра’), *я* (*лянхуа* ‘лотос’).

Аллофоны: [ɿ], [ɿ̥], [ɿ̥̥].

(1) [ɿ̥̥]

Позиции: инициальная в слоге, конечнослоговая перед слабыми согласными.

<i>лийр</i>	/li:r/	[ɿ̥̥i:r]	‘груша’ (< кит. <i>Li id.</i>)
<i>лянхуа</i>	/lanxaba:/	[ɿ̥̥anxaba:]	‘лотос’ (< кит.)
<i>хүүлээ</i>	/xʏt̪e:/	[xʏt̪e:]	‘достиг’ (Past. Def.)
<i>эргэлзэх</i>	/ɛɾʒɛlʒɛxɛ/	[ɛɾˈgʲɛlˈdzʲɛxˈɛ]	‘сомневаться’
<i>толь</i>	/toɭ/	[tˈoɭˈʌ]	‘зеркало’

(2) [ɿ̥̥]

Позиции: в исходе слова и перед сильными согласными; оглушенный аллофон.

<i>бэл</i>	/bɛl/	[bˈɛl̥]	‘склон’
<i>бэлчээр</i>	/bɛlʃe:ɾ/	[bˈɛl̥tʃsˈe:ɾ]	‘настбище’

(3) [ɿ]

Интервокальная позиция. Небольшая задержка смычки.

<i>аль</i>	/aɭ/	[aɭˈʌ]	‘который’
<i>хэл</i>	/xɛl/	[xˈɛlˈɔ]	‘язык’
<i>сүүлээр</i>	/sʏt̪e:ɾ/	[sˈʏt̪ˈe:ɾ]	‘хвостом’ (Ins.)

/ɾ/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
дрожащий*
сонант*
слабый*
твердый*
чистый*

Позиция — любая, кроме инициальной, в слове твердого ряда.

Артикуляция и аналогии. Твердый какуминальный сонант. Артикулируется слабонапряженным языком, форма щели плоская. Вибрация кончика языка практически всегда происходит в несколько ударов, одноударное произношение — редкость, даже в преконсонантной позиции слышен заметный раскат.

Оглушенный оттенок [ɣ] имеет свои вариации в зависимости от позиции: конечнослоговой (например, в *гар* или в *урт*) произносится с глухим исходом; после сильного (например, в *баатар*) — или с начальной глухотой, или вообще без участия голоса (шепот).

Для сравнения: русский [ɣ], скажем в слове *перо*, по напряженности сходен с монгольским, например в *бороо* 'дождь', но не столь раскатист; по раскатистости монгольский [ɣ] может быть уподоблен испанскому в *perro* (но не в *pero*).

В «естественной речи»¹⁸ не произносится без протезы в начале слова. Те примерно полсотни слов на *p-*, которые можно найти в любом монгольском словаре (нетрудно убедиться, что все они — заимствования), строго говоря, следовало бы писать в форме, более близкой к произношению (как это делают, хотя и не всегда последовательно, буряты), например *арадиатор* (вместо нормативного: *радиатор*), *орооль* (вместо *роль*), *ирид* или *ирд* (вместо *рид* 'чудо' < санскр.)¹⁹ и проч.

Орфография вполне стандартна — буква *p*.

Аллофоны: [ɣ], [ɣ̥].

(1) [ɣ̥]

Позиции: интервокальная (иначе: инициальная в слоге), конечнослоговая перед слабыми согласными.

<i>ард</i>	/arad/	[ar̥ad̥]	'арат'
<i>гараар</i>	/gara:ɾ/	[gara:ɾ̥]	'рукой' (Ins.)
<i>хурдан</i>	/xurdan/	[xurd̥an̥]	'быстрый'

(2) [ɣ]

Позиции: конечнослоговая в исходе слова, перед твердыми сильными согласными и перед /č/, /š/. Максимальное оглушение

¹⁸ Напомним, что под «естественной речью» мы понимаем не какое-то просторечие или социальный диалект с низким статусом, а непроизвольное, свободное от орфографической интерференции произношение слов. адаптированных и достаточно привычных. Так, употребление усвоенных заимствований на инициальный *p-* с протетическим гласным (вроде *орооль*) вполне обычно для дикторов радио и телевидения и двуязычных монголов.

¹⁹ Единственное исключение — *ирд*, см.: Русско-монгольский словарь под редакцией Ц. Дамдинсүрэн (Дамдинсүрэн, Лувсандэндэв 1960: II, 789).

наблюдается после сильного согласного в предыдущем слове.

<i>гар</i>	/gar/	[gar]	‘рука’
<i>урт</i>	/urta/	[ur tʰ]	‘длинный’
<i>шарх</i>	/sarxa/	[ʃarxʰ]	‘рана’
<i>арчаа</i>	/arča:/	[arʃʰ a:]	‘забота, уход’
<i>аршаан</i>	/aršan/	[arʃʰ a:ŋ]	‘лимонад; живая вода’ (< санскр.)
<i>баатар</i>	/batar/	[batʰ ar]	‘богатырь’

/ɽ/

Дифференциальные признаки: переднеязычный*
дрожащий*
сонант*
слабый*
мягкий*
чистый*

Позиция в слове твердого ряда — начальнослоговая (как правило, интервокальная) с ограничением: не встречается перед дифтонгами /ae/, /oe/, /ui/; в слове мягкого ряда — любая, кроме инициальной в слове.

Артикуляция и аналогии. Мягкий коррелирует твердого /ɽ/. Если не учитывать палатализации, то все, что было выше сказано относительно артикуляции твердого /ɽ/, справедливо и для /ɽ/. Вошел в систему, как и другие мягкие согласные, после ассимиляции («перелома») *i. Поэтому в словах твердого ряда он появился только в позиции перед гласным или мягким согласным. Оппозиция двух дрожащих представлена во многих минимальных парах, например:

<i>барах</i>	/baraxa/	[barāxʰ]	‘исчерпать’
<i>барих</i>	/baɽaxa/	[baɽ āxʰ]	‘держатъ’

или

<i>харах</i>	/xaraxa/	[xarāxʰ]	‘смотреть’
<i>харих</i>	/xarɽaxa/	[xar āxʰ]	‘возвращаться’

и т. п.

Следует, однако, отметить, что /ɽ/ на конце слова твердого ряда

после долгих гласных может в результате редукции оставаться без огласовки, о чем свидетельствует вариант его произношения с глухим исходом, например:

суурь /su:ɣa/ [su:ɣ'ʌ] ~ [su:ɣ'] 'сиденьё'

и т.п. Варьирование такого рода может свидетельствовать о продолжающемся процессе адаптации /ɣ/ в фонетической системе.

В *орфографии* на мягкость данного согласного в словах твердого ряда указывает последующая буква *ь* или *и* (см. примеры). Кроме того, таким показателем может служить последующий мягкий согласный:

урхи /uɣaxa/ [uɣ'ax'ʌ] 'силок'

Аллофоны: [ɣ'], [ɣ'ʌ].

(1) [ɣ']

Позиции: интервокальная, конечнослоговая перед слабыми согласными.

тэр /tɛɣs/ [t'ɛɣ'ɔ] 'чот'

хорь /xoɣo/ [xoɣ'ʌ] 'двадцать'

эрдэмтэн /ɛɣdɛmɛtɛn/ [ɛɣ'dɛm't'ɛn] 'ученый'

(2) [ɣ'ʌ]

Позиции: конечнослоговой в исходе слова и перед сильными согласными. Оглушение также наблюдается после сильного согласного в предыдущем слоге.

мөр /mɔɣ/ [mɔɣ'ʌ] 'след'

эрт /ɛɣɛɣ/ [ɛɣ'ɛɣ'ɔ] 'ранний'

бүрхэг /bʏɣɣɛɣ/ [bʏɣ'ɣɛɣ] 'пасмурный'

дэвтэр /dɛɣtɛɣ/ [dɛɣ't'ɛɣ'ʌ] 'тетрадь'

/j/

Дифференциальные признаки: среднеязычный*
целевой
сонант
слабый
мягкий
чистый

Позиция — инициальная в слове, то есть после /j/ всегда следует гласный; перед /j/ может появиться согласный (слабый или сонант) только при агглютинации аналитических форм.

Артикуляция и аналогии. Плоскощелевой среднеязычный сонант низкого тембра. Один из наиболее устойчивых (то есть малочувствительных к окружению) согласных. Его доминирующее свойство проявляется в том, что он палатализует соседние гласные (см. раздел о гласных), что особенно заметно на гласных твердого ряда.

Геминирующий /j/ в таких формах, как, например, *хоёр* ‘два’, произносится немного приглушенно и с более узкой щелью (язык приподнимается), напоминая немецкий «ich-Laut» (звук, обозначаемый обычно в фонетической транскрипции знаком [ç] и считающийся не сонантом, а шумным). Но несмотря на эти артикуляционно-акустические особенности, монгольский /j/ в основном проявляет себя как сонант, например он не озвончает предшествующих глухих (на монгольской почве точнее: не ослабляет предшествующих сильных). Ср.:

<i>бат юм</i> /bata_jum/	[batʼʌ_jum]	‘крепко’ (Cop.)
<i>бат бэх</i> /bata_bexel/	[batʌ_βexɛ]	‘крепкий’ (Gend.)

Во втором примере в агглютинировавшем парном слове сильный /t/ теряет придыхание и ослабляется перед слабым /b/. Перед /j/ (первый пример) этого не происходит.

В **орфографии** /j/ обозначается несколькими способами:

я:	яв	[jaβʌ]	‘иди’ (Imp.);
ю:	юу	[jɥ:]	‘что’;
е:	ер	[jɛrɔ]	‘вообще’;
ё:	ёс	[jɔsʌ]	‘закон, обычай’;
й (в заимствованиях):	район	[ʎrɔjɔ:ŋ]	‘район’.

Аллофоны: [j], [j̥].

(1) [j̥]

Позиции: инициальная в слове; интервокальная перед долгим согласным; после согласного в агглютинировавшей синтагме.

<i>яс</i>	/jasa/	[jaša]	‘кость’
<i>хоёул</i>	/xoju:la/	[xoju:lʌ]	‘вдвоём’
<i>үзэн ядах</i>	/ʏzɛn_jadaxa/	[ʏdzɛn_jadäxʌ]	‘ненавидеть’

(2) [j]

Позиция интервокальная перед кратким гласным.

ая	/aja/	[a̠ jʌ]	‘звук’
хоёр	/xojor/	[xoj̄ jɔ̠g]	‘два’
явъя	/jabaja/	[j̄aβ̄a̠ jʌ]	‘пойду’ (Imp. 1 Pers.)

/g/

Дифференциальные признаки: заднеязычный*
 смычный*
 шумный
 слабый
 твердый*
 чистый

Позиция — любая в слове твердого ряда, кроме позиции после слабого шумного (не сонанта), то есть после /b/ и /d/.

Артикуляция и аналогии. Слабый глубокий заднеязычный согласный. Называем его смычным по «первому» аллофону (инициальный). Смычность и щелинность распределяются по позициям — противопоставление смычного аллофона всем остальным сравнимо с дистрибуцией фонемы /b/. В термине «слабость» в данном случае отражается не только степень напряжения, но характеристика смычки. Легко спонантизируется в интервокальной и преконсонантной позиции. В абсолютном исходе (перед паузой) может быть импловивным (4-й аллофон) или оглушенным смычным.

В позиции после слабого шумного согласного /d/, не может находиться /g/, а только сильный заднеязычный /x/. Эта особенность центрально-халхаского диалекта не нашла отражения в орфографии и поэтому заслуживает особого напоминания. Ср. написание и произношение таких слов, как *атга* [aɬxʰʌ] ‘горсть’, *номхотгох* [nomxɔ̠ɬxʰʌ] ‘усмирять’ и *хутга* ‘нож’ [xutʰɔ̠gʌ]. В этих формах орфография не делает различия между сильным огласованным /t/ и слабым преконсонантным /d/.

Аналогом монгольского согласного /g/ могут служить сходные русские и украинские заднеязычные, но не более, чем аналогом —

монгольский /g/ более глубокий. Столь же глубоким является туркменский [g] в окружении твердоярдных гласных.

Орфография стандартна — буква г. Однако следует учесть, что эта буква также обозначает и «опередненный» /g/ и в некоторых случаях — сильные /x/ или /χ/.

Аллофоны: [g], [γ], [χ], [ḡ] ~ [q].

(1) [g]

Позиции: инициальная в слове; инициальная в слоге после согласного; конечнослоговая перед слабым согласным.

гал	/gal/	[ga]	‘огонь’
арга	/arga/	[argɒ]	‘способ’
хутга	/xutaga/	[xutʰagɒ]	‘пож’
цагдаа	/cagda:/	[tsʰagda:]	‘стражник, милиционер’

(2) [γ]

Позиция: интервокальная.

цагаан	/caga:n/	[caγa:ŋ]	‘белый’
бага	/baga/	[baγɒ]	‘маленький’

(3) [χ]

Позиции: перед сильными согласными.

цагтаа	/cagta:/	[tsʰaχtʰa:]	‘во-время’
багш	/bagsa/	[baχʂɒ]	‘учитель’

(4) [ḡ] (~[q])

Позиция: в исходе слова. Варьируется с оглушенным смычным:

цаг	/cag/	[tsʰaḡ] ~ [tsʰaḡ]	‘время’
бараг	/barag/	[barāḡ] ~ [barāḡ]	‘почти’

/g/

Дифференциальные признаки: заднеязычный*
 смычный*
 шумный
 слабый
 мягкий*
 чистый

Позиция — любая в слове мягкого ряда, кроме позиции после слабых смычных /b/ и /d/; в слове твердого ряда: в первом слоге только перед гласным /a/, в последующих слогах начальнослоговая после любых гласных, кроме дифтонгов, а также в финальной позиции после долгого гласного [i:].

Артикуляция и аналогии. Противопоставлен твердому /g/ так же, как и другие согласные, составляющие пары твердый//мягкий (/b/ и /b/, /d/ и /d/ и проч.). То есть это — обычная дистрибуция пары фонем, обязанная своим существованием «нерелому *i»: твердый согласный употребляется только в словах твердого ряда, мягкий встречается в словах любого сингармонического класса. И в самом деле, /g/ воспринимается как смягченный или палатализованный. Но дело не только в этом. Язык при произнесении /g/, действительно, ближе к нёбу, чем при /g/. Но основной акустический эффект смягченности происходит от опереднения согласного, и таким образом, противопоставление /g/ и /g/ — это противопоставление глубокого заднеязычного и заднеязычного продвинутого вперед.

Приведем некоторые минимальные пары с оппозицией двух этих согласных:

<i>дагах</i>	/dagaxa/	[daɣäxɬ]	‘следовать’
<i>дагих</i>	/daɣaxa/	[daɣ˘äxɬ]	‘утомлять лошадь’
<i>зангаа</i>	/zanga:/	[dzanɣa:]	‘свою ловушку’ (Poss. Refl.)
<i>зангиа</i>	/zanɣa:/	[dzanɣ˘a:]	‘узел’

Перед гласными мягкого ряда /g/ произносится сходно с русским [g] в такой же позиции, например в слове *гиря*. Для его позиции перед твердорядными гласными довольно близким аналогом может служить французский [g], например в *gare*.

У мягкого /g/ смычка происходит ближе к средней части нёба и она более сильная, чем у твердого /g/, и поэтому он меньше спирантизируется в интервокальной позиции. Но перед сильными согласными /g/ смычку все-таки теряет полностью и становится близок щелевому заднеязычному [x˘]. Отличается от последнего он только интенсивностью произношения (остается слабым). Как отражение этой близости следует расценивать орфографические ва-

рианты написания глаголов 'давать' *əxəx* ~ *əx* и 'делать так' *məgəx* ~ *məx*. В зависимости от стиля произношения кластер [ʎx] может восприниматься как геминирующий сильный [x̄], как сочетание слабого и сильного щелевых и даже как подобие аспирированной аффрикаты [kxʰ]. Например:

əxəx /əʎʎxə/ [əg̃x 'ə] 'давать' (Part.Fut.)

Орфография стандартна — буква *g*. Следует только учесть, что эта буква также обозначает и твердый /g/ и в некоторых случаях — сильные /x/ и /ʎ/.

Аллофоны: [g̃], [ʎ̣], [ʎ̤], [g̃ʰ] (~ [q̣ʰ]).

(1) [g̃]

Позиции: инициальная в слове; интервокальная; инициальная в слове после слабого согласного; конечнослоговая перед слабым согласным в слове мягкого ряда и конечнослоговая перед мягким слабым согласным в слове твердого ряда.

<i>гэм</i>	/g̃em/	[g̃'em]	'зло'
<i>мэргэн</i>	/merg̃en/	[merg̃'eŋ]	'мудрый'
<i>мэхдүү</i>	/mɛg̃dʏ:/	[mɛg̃'dʏ:]	'суетливый'
<i>гялбах</i>	/g̃albaxa/	[g̃'albāxɬ]	'слепить'
<i>догь</i>	/dog̃ɔ/	[dog̃'ɔ]	'бывалый'
<i>дагжих</i>	/dag̃ʒaxa/	[dag̃'dʒāxɬ]	'стучать (зубами)'

(2) [ʎ̣]

В интервокальной **позиции** происходит спирагизация, более выразительная перед долгим гласным.

<i>гэл</i>	/ɛg̃el/	[ɛʎ̣'eɪ]	'просгой'
<i>тэгээд</i>	/tɛg̃e:d/	[tɛg̃'e:d]	'(сделав) так' (Conv. Perf.)

(3) [ʎ̤]

Позиции: перед сильным согласным (спирагизация и оглушение) в слове мягкого ряда и перед мягким сильным согласным в слове твердого ряда.

<i>тэгш</i>	/tɛg̃ʂɛ/	[tɛʎ̤'sʰə]	'ровный'
<i>əxəx</i>	/əʎ̤ʎxə/	[əʎ̤'xə]	'давать'
<i>багш</i>	/baɟʂa/	[baʎ̤'sʰɬ]	'учитель'

(4) [q̣ʰ] ~ [q̣]

Позиции: в исходе слова; в слове твердого ряда — после долгого гласного [i:]. Варьируется с оглушенным смычным.

цэг	/ceɣ/	[ts'ɛɣ'] ~ [ts'ɛɣ']	'точка'
аргыг	/argi:ɣ/	[argi:ɣ'] ~ [argi:ɣ']	'способ' (Acc.)

/x/

Дифференциальные признаки: заднеязычный
щелевой
шумный
сильный
твердый
чистый

Позиция — начальнослоговая в слове заднего ряда.

Артикуляция и аналогии. Сильный глубокий плоскощелевой заднеязычный согласный. С.Момо называет его «заднеязычным увулярным» (Момо 1979: 107), и хотя в такой характеристике есть неопределенность, она оправдана. В монгольском нет фонематического противопоставления заднеязычных и увулярных, как, скажем, в арабском или нивхском, и место образования варьируется в зависимости от манеры произношения²⁰.

Все описания монгольской фонетики характеризуют /x/ как придыхательный. Придыхание, действительно, присуще этому согласному, но следует учесть два обстоятельства: 1) сильные щелевые, к которым, кроме /x/, относятся также /s/ и /š/, имеют более легкое придыхание, чем сильные смычные; 2) придыхание у /x/ по акустическим качествам не отличается от самого согласного²¹. Эти

²⁰ Д. А. Павлов пишет об «увулярном согласном x» (речь идет о калмыцком языке, но в данном случае это не столь существенно — в этом фрагменте фонетики монгольский и калмыцкий почти идентичны): «Возможен иногда и заднеязычный вариант x» (с. 156–157). Приводятся примеры с рентгенограммами заднеязычного (в слове калм. *халх* 'стрелять') и увулярного *x* (в слове калм. *харь* 'черный'). Однако остается неясным, чем вызвано изменение места образования. Дело в том, что варьирование места образования /x/ существует и в калмыцком.

²¹ Вспомним об употребительном отражении придыхания в заимствовании с помощью буквы *x*, например *Ихеньян*, *Бхагавадгита* и проч.

обстоятельства сказываются на восприятии — /x/ почти всегда кажется протяженным, геминированным. С меньшей задержкой он произносится только в начале слова и в середине перед долгим гласным.

Еще одна особенность монгольского /x/ проявляется в современном языке при редукации последнего слога. При беглом произношении такое слово, как, например, *бах* ‘жаба’ /*baχa*/, может сильно редуцировать последний гласный и практически терять аспирацию: /*baχa*/ > [*baχ̣l*] ~ [*bak*].

Последняя форма может относиться и к слову *баг* ‘маска’, но здесь существенным отличием является то, что *баг* ‘маска’ варьирует другие звуки: это слабый финальный /*g*/ в пределах одной фонемы, и он может быть либо оглушенным, либо имплозивным. Ср.: /*bag*/ > [*baɡ̊*] ~ [*baḡ̊*].

Другими словами, отдельные варианты совпадают ([*k*] и [*q*] фонетически почти идентичны), но набор вариантов различен (произнесение *бах* с имплозивным [*ḡ̊*], а *баг* с сильным [*χ̣l*] на конце маловероятно (фонетическая ошибка, «акцент»). Это, конечно, не может быть серьезным препятствием для правильного восприятия — в эмпазе (то есть «если переспросить») никакого совпадения не будет²².

Ближих аналогов монгольскому /x/ немало в таких языках Сибири, как якутский, нивхский, эвенкийский, но среди более распространенных языков, пожалуй, только испанский обладает почти идентичным [x], например в *paraŋja*. В русском *охра*, если произнести с задержкой на [x], также может получиться нечто похожее, но в интервокальной позиции, скажем в *охота*, русский [x] по интенсивности весьма далек от монгольского. Поэтому тем, кто обладает русскими артикуляторными привычками, следует учесть, что, произнося монгольский /x/ недостаточно напряженно, легко сделать фонетическую ошибку.

В **орфографии** /x/ выражается, главным образом, буквой *х*.

²² Ср. фонетически идентичные рус. *курица* и *курится*. Если переспросить (в надежде на эмпазу), второе слово могут сказать с задержкой [t]: [*kurittsa*].

Кроме того, следует помнить о словах типа *атга* 'горсть' с орфографической аномалией, где /х/ обозначен буквой г.

Аллофоны: [x], [x̄].

(1) [x]

Позиции: кроме интервокальной перед кратким гласным.

<i>хана</i>	/xana/	[xanā]	'стена'
<i>цонх</i>	/conxo/	[ts'oŋxɔ]	'окно'
<i>шаахай</i>	/ʃa:xae/	[ʃa:xæ]	'тапочки'
<i>ахаар</i>	/axa:r/	[axa:r]	'братом' (Ins.)
<i>тохоос</i>	/toxo:s/	[toxo:s]	'попона'

(2) [x̄]

Позиция: интервокальная перед кратким гласным.

<i>ах</i>	/axa/	[axɔ]	'старший брат'
<i>сахал</i>	/saxal/	[saxǎ]	'борода'
<i>санах</i>	/sanaxa/	[sanǎxɔ]	'думать'

/χ/

Дифференциальные признаки: заднеязычный*
 щелевой*
 шумный
 сильный
 мягкий*
 чистый

Позиция — начальнослоговая. В словах мягкого ряда других ограничений нет. В словах твердого ряда: в начале слова только перед гласным /a/, в непервых слогах перед любым гласным, исключая дифтонги /ae/, /oe/, /ui/.

Артикуляция и аналогии. «Мягкий» коррелирует твердого /х/ и противопоставлен ему так же, как «мягкий» /ç/ твердому /g/.

Это означает, что /χ/ продвинул вперед и в отличие от /х/, не имеет увулярных вариантов произношения. В остальном он имеет аналогичную дистрибуцию в словах мягкого ряда: так же геминирует в интервокальной позиции и так же может ослабляться при редукции конечного гласного. Приведем пример такого ослабле-

ния: /сеχε/ [ts'εχ'э] ~ [ts'εq̣] — цэх 'прямой'. Ср. варианты произношения с финальным слабым /ǰ/: /сеǰ/ [ts'εq̣] ~ [ts'εǰ] — цэǰ 'точка'.

В словах твердого ряда /χ/ обычно не теряет финальной огласовки, например *тахь* [t'ax'ʌ] 'лошадь Пржевальского' и т. п.

В **орфографии** /χ/ выражается, главным образом, буквой х. В некоторых случаях так может читаться и буква г (см. выше о данной орфографической особенности), например *сэтгэл* [sed'x'el'] 'мысль', *тэтгэх* [t'ed'x'εx'э] 'поддерживать, помогать' и т. п. Дело осложняется тем, что сходным образом пишутся и слова с произношением другого типа, например *итгэл* [it'εǰ'el'] 'вера'. (Ср. с *хутга* в описании /g/)

Аллофоны: [x'], [x̄].

(1) [x']

Позиции: кроме интервокальной перед кратким гласным.

хээ	/χε:/	[x'ε:]	'узор'
хятад	/χatad/	[x'at'ǎd]	'китайский'
эхээс	/εχε:s/	[εx'ε:s]	'от матери' (Abl.)
тэнхээ	/tenχε:/	[t'εŋ'x'ε:]	'сила'
эрвээхэй	/εrβe:χε:/	[εr'β'ε:x'ε:]	'бабочка'
сэтгэх үй	/sedχεχyi/	[sed'x'εx'yi]	'мышление'

(2) [x̄]

Позиция: интервокальная перед кратким гласным.

эх	/εχε/	[εx'э]	'мать'
зүхэх	/zʏχεχε/	[dz'ʏx'εx'э]	'проклинать'

Глава 4

СЛОГ

Деление текста на слоги диктует необходимость определить слоговые границы и указать основания такого членения. Обычно эти основания бывают связаны с акустическими и артикуляторными параметрами, например экспираторность, напряжение и т.п. При этом предполагается, что фонетические признаки слоговых границ «могут служить лишь фонетическими коррелятами слоговых границ, определяемых фонологически» (Касевич 1983: 103).

Монгольский слог, как и любой другой сегмент текста, строится в соответствии с основными свойствами монгольских фонологических единиц. Фонетические характеристики границ слога, в подробности которых мы здесь входить не будем, определяются свойствами фонем, его составляющих. В данном случае речь идет прежде всего о дистрибуции фонем. Так, распределение фонем по позициям позволяет выделить класс согласных, с традиционным названием *семерка*, которые могут закрывать слог (см. с. 12). *Сильные согласные*, почти всегда аспирированные, практически не могут быть финальными, отсюда и ограничения на сочетания согласных. Поскольку начальнослоговые и конечнослоговые согласные далеко не всегда бывают в равной степени допустимы, скопление согласных в одном слоге встречается сравнительно редко.

Наиболее распространенный тип монгольского слога – открытый (CV ~ V). Инициальное скопление согласных не допускается. В начале слова это — безусловный запрет.

В конечнослоговой позиции дело обстоит иначе. В середине слова на стыках морфем могут возникать стечения звуков, которые на фоне сильной редукции непервых слогов воспринимаются как сочетания согласных. Например: *авагдсан* [aʃāgdsān] ‘был взят’ (Part. Perf), *авагддаг* [aʃāgddāg] ‘бывает взят’ (Part. Us.).

Если исходить из фонетического основания, предложенного Э.Пальгрэмом (Касевич 1983: 103), и считать, что на границах слога должны быть только такие сочетания звуков, которые могут встречаться в изолированных слогах, то эти словоформы следует подвергать следующему слоговому членению: *а-ваг-дсан*, *а-ваг-ддаг* (в изолированных слогах не существует конечных сочетаний *-д*, но для инициалей [ds] и [dd] существуют аналоги — ими могут быть начальные *ц-* [ts] ~ *з-* [dz] и *д-* [d]).

Если опираться на морфемное членение, то деление на слоги будет выглядеть следующим образом: *а-вагд-сан*, *а-вагд-даг* (*-сан* и *-даг* – суффиксы причастий). Очевидно, что такое разделение слогов вряд ли можно признать вполне нормальным по фонетическим основаниям и оно не может считаться адекватным.

Чтобы с большей уверенностью решить, какое из этих слогоделений наиболее органично для монгольской фонетики, попробуем воспользоваться эмфазой. В эмфатической форме, как правило, в сочетании согласных вставляется краткий (или сверхкраткий) промежуточный гласный, который позволяет произвести разделение на слоги по принципу «сколько гласных — столько слогов»: *а-ваг-да-сан* и *а-ваг-да-даг*.

Если полагаться на то, что в эмфазе наиболее полно проявляется фонологическая структура словоформы, то последний вариант членения должен считаться самым адекватным и, кроме того, он способен отражать психологическую реальность, то есть ту фонологическую систему, которая в действительности используется говорящим.

В более общем виде, с учетом и редуцированных, и эмфатических форм, слоговое членение рассмотренных слов можно условно выразить так: *а-ваг-д(а-)сан* и *а-ваг-д(а-)даг*.

Конечнослоговое сочетание согласных в современном монгольском языке представляется хотя и редким, но допустимым явлением; и, более того, нельзя исключать, что при развивающейся редукации непервых слогов в дальнейшем оно будет становиться все более обычным. Однако в настоящий момент этот фрагмент фонетики следует обозначить как находящийся в состоянии «неустойчи-

вого равновесия», поскольку наряду с приведенными выше примерами еще есть достаточное число и других примеров, где сочетания согласных разделяются гласными и не только в эффе, например: *эмс* [emēs] ‘женщины’ (Pl.), *барс* [barās] ‘тигр’ и т.п.; здесь кратким гласным отделяются сонанты, то есть звуки, появление которых в сочетаниях конечнослоговых согласных, казалось бы, наиболее ожидаемо.

Подытоживая сказанное, определим основные типы монгольских слогов как следующие: 1) CV (~V), 2) CVC (~VC), 3) CVCC (~VCC). Последний тип принимается с определенными условиями, связанными со стилем произношения. Слог структуры CCV вряд ли может быть признан за адекватный, даже с оговорками.

Существует ряд ограничений на сочетаемость согласных и гласных. При этом следует различать фонетический запрет (например, на краткий гласный в слове типа CV, на инициальный дрожащий /г/ и проч.), и ограничение, сложившееся в результате фонетических изменений в современном языке и бывшее на более ранней стадии исторического развития безусловным фонетическим запретом. К таковым относится, например, крайне маловероятное сочетание «новых палатализованных» с дифтонгами (см. с. 92).

В приведенной таблице знак «тильда» (~) означает, что фонетического запрета нет, но слоги данного типа встречаются очень редко и обычно в инновациях.

Сочетаемость гласных и согласных

В первом слове																		
	а	а:	ае	о	о:	ос	и	и:	иш	с	с:	о	о:	ос	у	у:	ул	л:
b	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
б	+	-	~	~	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+
p	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ᠮ	+	-	-	~	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+
m	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ᠮ	+	-	-	~	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	+
d	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ᠳ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+
t	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ᠲ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+

n	+	+	+	+	+	+	+	+	~	-	-	-	-	-	-	-	-	-
л	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+
з	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	~
с	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	-	+	+	-	+
з̄	+	+	~	+	+	-	+	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+
с̄	+	+	~	+	-	~	+	+	-	+	+	+	~	-	~	~	-	+
s	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+
s̄	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	+	-	-	+	+	+	+
l	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
l̄	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+	-
r	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ɹ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
j	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	-	-	~	+	-	+
g	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ḡ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+
x	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x̄	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+

В непрерывных слогах

	a	a:	ac	o	o:	oc	u	u:	uc	e	e:	o	o:	oc	y	y:	yī	ī	
b	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+
б	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+
p	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
p̄	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+
m	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
m̄	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+
d	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
d̄	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+
l	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
l̄	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+
n	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
n̄	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+
z	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
з	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+
c	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+
з̄	+	+	+	+	+	-	-	+	~	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+
с̄	+	+	-	+	+	~	-	+	-	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+
s	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+
s̄	+	+	-	+	+	+	-	+	-	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+
l	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
l̄	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+	-	-	+
r	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
ɹ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+
j	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+
g	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
ḡ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+
x	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
x̄	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+

Предпринятая процедура слогоделения подразумевала наличие в нашем распоряжении фонологических единиц — фонем и дифференциальных признаков. Нетрудно заметить, однако, что при определении последних в предыдущих главах мы широко пользовались понятием «слог», никак его не определяя. Налицо рекурсивность определений, по крайней мере частичная, поскольку при выделении фонем и их дифференциальных признаков мы пользовались также и морфологическим членением текста.

Строго говоря, чтобы избежать рекурсивности, фонетическое членение текста должно проводиться на сугубо фонетических основаниях. Это касается и членения на *фоны* (звуки), и *слогового* членения. Хорошо, однако, известно, насколько сложным и трудоемким является такой подход, поскольку речевой поток «ни в произносительном отношении, ни на слух, то есть акустически, не распадается на отдельные звуки» (Зиндер 1979: 36).

Однако рекурсивность определений в фонетике не столь порочна, как это может показаться на первый взгляд. Определяя границы слогов и звуков, мы сравниваем их с морфемными границами, возвращаемся к звуковым членениям, наделяя фонетические единицы параметрами, коррелирующими со знаковым членением, поверяем морфологические элементы их фонетическими коррелятами и т. д. С каждым шагом подобного рода мы приближаемся к построению фонологической системы, адекватность которой проверяется в функционировании процессов порождения и восприятия речи.

Фонетика текста при его порождении есть не что иное как результат проекции фонологического прообраза текста. Это мы попытались продемонстрировать в предыдущих разделах, в названии которых отражается суть дела: «реализация фонем». При восприятии текста происходит аналогичный процесс, но идущий в противоположном направлении. Иллюстрацией последнего могут служить орфографические ошибки недостаточно грамотного человека, который излагает на письме свою фонологическую версию звуковой речи (см. с. 23).

Слог — минимальная звуковая единица в реальном тексте. В

отличие от слогового, членение на звуки (фоны) все-таки нельзя назвать непосредственно воспринимаемым и воспроизводимым. Говорящий может назвать как отдельно произносимый далеко не всякий звук, а лишь гласный или сонант. Заметим, что гласные для нас — это слогообразующие звуки (как отчасти и сонанты; см. с. 55). Воспроизведение смычных согласных допустимо лишь в составе слога — можно сказать, к примеру: «звук *а*», «звук *л*», но нельзя без гласного призвука «назвать» звук *т* или *г*. Поэтому только в слоге и в сочетаниях слогов (словоформах и более крупных синтагматических единицах) мы можем увидеть результат функционирования фонологической системы.

Слог не может считаться фонологической единицей, то есть ее системным компонентом, так же как и любая другая часть текста. Однако совершенно ясно, что все сегменты текста строятся в соответствии с фонологическими закономерностями и на основе фонологических единиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение еще раз остановимся на тех пунктах, которые представляются наиболее существенными для понимания особенностей монгольской фонологической системы.

Автор принципиально против выделения в тексте «особо важных» деталей путем подчеркивания, жирного шрифта и т.п. Грамотный читатель сам разберется, руководствуясь своими вкусами и предпочтениями, на что ему следует обратить внимание, а что можно счесть неинтересным или ничтожным по существу. Но автор не в силах обойтись без попыток повлиять на читателя и склонить его на свою сторону, усиливая одни пункты (дескать, вот где собака зарыта!) и намекая на слабости других пунктов (а вот здесь не о чем и говорить!). Однако при всей значимости «намёков», вкравшихся в текст произвольно, в силу авторских пристрастий необходимо сказать и прямо, что мы считаем актуальным и новым, нетривиальным или нетрадиционным, где ожидаем возражений, а где одобрений... Короче, без заключения, хотя бы и краткого, не обойтись. И тогда есть вероятность, что предпринятый нами труд сможет быть не только собранием некоторого количества материала и результатов комбинирования с этим материалом, но и приобретет характер обращения к читателю, даст надежду на продуктивный и заинтересованный диалог с ним.

Определив фонологический тип монгольского языка как *неслоговой-фонемный* (см. с.50), мы сказали очень немного (почти ничего!) о его особенностях в сравнении с другими *неслоговыми* языками. Без обращения к морфологии и морфонологии картина будет оставаться неясной. И только уяснив себе, как фонологический компонент языковой системы функционирует на морфологическом уровне

(точнее: сказывается на морфонологических процессах, и, в форме обратной связи, формируется как морфонологический инструмент), можно составить адекватное представление о системе фонем.

Не думаю, что будет преувеличением сказать, что система монгольских фонем организована в самой тесной связи с законами дистрибуции гласных в пределах словоформы или, выражаясь более конкретно, с так называемыми *законами сингармонизма*. С одной стороны, гармония гласных обеспечивает полную определенность при формировании фонологического облика слова, по крайней мере, в отношении гласных. С другой стороны, функционирование системы фонем как «инструмента» сингармонизма определяет большинство системных характеристик самих гласных фонем. Последнее выражается не только в наличии функциональных дистрибутивных классов фонем, но и в том, что релевантные дифференциальные признаки гласных так или иначе связаны с сингармоническими характеристиками.

Сингармонические признаки фонем определяются по следующим признакам: Т — твердорядный, М — мягкорядный, Н — нелабиализованный, Л — лабиализованный, П — прерывающий гармонию, И — индифферентный (нейтральный). На первый взгляд, в этой классификации допущено смешение дистрибутивных признаков и дифференциальных. Но на самом деле, здесь всего лишь допущены терминологические вольности, поскольку они в самой «природе вещей». Например, «твердорядный», этот фонетический термин, указывает на отношение фонемы к сингармоническому закону, то есть имеет дистрибутивное содержание. Существует взаимнооднозначное соответствие дистрибутивных признаков (например, «прерывающий гармонию») и дифференциальных признаков фонем, то есть по сути дела ярлыков, выдержанных в фонетических терминах (для «прерывающего гармонию» это будет «напряженный + лабиализованный»). Поэтому комбинации этих признаков дают непересекающуюся и логически непротиворечивую классификацию.

Конкорданс дистрибутивных признаков с фонетическими характеристиками фонем представлен на с.68, где дерево дифференциальных признаков дает разветвления в виде упорядоченных син-

гармонических подклассов гласных фонем. Идеальная и даже в известной степени эстетичная картина.

Взаимодействие вокалической системы с гармонической дистрибуцией гласных имеет еще одно впечатляющее следствие.

Дифференциальные признаки (которые мы выделяли «с оглядкой» на сингармонизм) образуют определенные множества для каждой из фонем. То есть для фонемы существует свой набор признаков. Но в этом наборе не все ДП имеют одинаковый вес.

Так, например, фонема /u/ с признаками: твердый ряд, огубленный, верхний подъем, краткий, монофтонг — достаточно определяется тремя ДП: твердый ряд, верхний подъем, краткий. Остальные признаки (огубленный и монофтонг) для идентификации фонемы не обязательны. Иными словами, они занимают низший уровень в иерархии ДП фонемы /u/.

В то же время оказывается, что именно по трем «старшим» признакам (твердый ряд, верхний подъем, краткий) фонема /u/ входит в однозначные оппозиции с другими гласными и в соответствующие коррелятивные ряды (/u/ ~ /y/, /u/ ~ /o/, /u/ ~ /u:/).

Такое совпадение двух наборов ДП (группа идентификации фонемы и группа ее однозначных оппозиций) существует для всех гармонирующих гласных без исключения. Это совпадение кажется закономерным, и оно является таковым. Необходимое условие для такого совпадения — интегрированность многозначных признаков путем исключения избыточных признаков. Таким образом, очевидно, что построенная нами подсистема гласных фонем и их дифференциальных признаков обладает минимальной (если не нулевой!) избыточностью.

То, что было хорошо для гласных, для согласных оказалось неисполнимым. Если гласные благодаря своей роли в «гармонической настройке» словоформы позволяют обойтись весьма абстрактными моделями и предельно функциональным фонемным составом, то согласные «не обязаны» подчиняться строгим законам дистрибуции в рамках сингармонизма. Поэтому, чтобы добиться сходного результата для согласных, то есть чтобы построить консонантную модель с минимальной избыточностью признаков, пришлось бы свести все

ДП к дихотомии, исключив все многозначные признаки. В этом случае список ДП согласных стал бы намного длиннее и содержал бы признаки «губной//негубной», в последнем — «переднеязычный//непереднеязычный» и т.д., то есть логически безупречные, но терминологически непривычные. Да и психологическая адекватность подобной модели вызывает большие сомнения.

Мы, однако, этого делать не стали. Предельная формализация модели могла бы дать в своем роде изящный результат, но можно было бы потерять иное: в «природном хаосе» монгольского консонантизма содержится «своя правда». Проще говоря, гласные и согласные в монгольской фонологической системе образуют две неизоморфные подсистемы, и это легко видеть, оставаясь в традиционном представлении согласных с помощью многозначных дифференциальных признаков.

Полный набор релевантных ДП монгольских согласных в нашей модели состоит из шести признаков: 1) губные//переднеязычные//среднеязычный//заднеязычные, 2) смычные//щелевые//дрожящие, 3) шумные//сонанты, 4) слабые//сильные, 5) твердые//мягкие, 6) чистые//аффрикаты.

Диапазон числа признаков, необходимых для идентификации согласных фонем, от пяти до трех.

Максимальное число, например у фонемы /s/, для определения которой необходимо указать, что эта фонема: «переднеязычная, шумная, сильная, щелевая и твердая». Шестой признак — «чистая», оказывается избыточным. Минимальный набор необходимых признаков, например, у фонемы /ŋ/: «губной, сонант, мягкий».

Взаимодействие вокальной и консонантной подсистем также непосредственно связано с сингармонизмом (как и все вообще в монгольской фонетике!). Мы имеем в виду прежде всего дистрибуцию согласных фонем.

Одно из наиболее объемных противопоставлений в консонантизме — это оппозиция твердых и мягких согласных. Этот коррелятивный ряд насчитывает десять пар согласных: p/ṗ, b/ḅ, t/ṭ и т.д.

Распределение этих согласных таково: твердые могут находиться только в словоформах твердого ряда, мягкие — не имеют

дистрибутивных ограничений по ряду. Эти позиционные условия связаны с развитием мягких согласных при «переломе *i».

По той же причине спирант *s расщепился на /s/ и /š/, аффрикаты *č и *ž образовали пары /c/, /č/ и /z/, /ž/. Заметим, что аффрикаты развивались иначе, чем палатализованные согласные — их твердые аллофоны отделились и образовали отдельные фонемы. Твердость совпала с однофокусностью, а мягкость с двухфокусностью. Мы ввели для этих пар фонем понятие *двузначной оппозиции*.

Таким образом, согласные /s/, /c/ и /z/ — «по природе» твердые, а /š/, /č/ и /ž/ — «по природе» мягкие. Их отношения можно описать и иначе: у однофокусных аффрикат нет мягких коррелятов, у двухфокусных — твердых. Очевидна зависимость: «двухфокусность > мягкость»¹.

Описанный процесс, по-видимому, начался в раннем среднемонгольском, когда нейтрализовалось различие между мягкорядным *i и твердорядным *i. Причиной этой нейтрализации, скорее всего, было ослабление артикуляции вообще — процесс, который продолжался в северных (бурятских) диалектах практически до наших дней. Последствия были довольно масштабные: перелом *i, образование новых аффрикат, возникновение лабиальной гармонии, ограничение дистрибуции напряженных лабиальных (u и y), обретение фонемного статуса мягкими фонемами.

Понятно, что речь идет о диахронии, от которой принято открещиваться при сугубо синхроническом исследовании. Однако легко себе представить, что современное состояние фонологической системы, какими бы путями оно ни было достигнуто, является своего рода проекцией процессов исторического развития языка на некую поверхность синхронного среза, и учитывая особенности этого развития, тенденции и мотивы фонетических изменений, мы сможем с большей ясностью и глубиной увидеть все особенности современной фонологической системы.

¹ Аналогичная двузначная корреляция связывает четыре пары согласных b//m, b//m̥, d//d̥, n//r: ртовый может быть только шумным, а носовой — только сонантом.

Было бы большой наивностью полагать, что любая фонологическая модель, пусть даже сбалансированная практически во всех своих компонентах, безусловно действующая, то есть система, обслуживающая анализ и синтез текста во всех случаях жизни и не нуждающаяся тем самым ни в каких изменениях, может существовать в естественном языке, не претерпевая никаких изменений. Такой языковой гомеостаз вряд ли возможен вообще, и во всей истории языков мира таких примеров нет.

Нынешнее состояние монгольской фонологической системы несомненно должно подвергаться многочисленным воздействиям. Мы рассматривали лишь один вариант монгольского языка (см. с. 10), но в реальности таких вариантов много и они воздействуют один на другой. Это — территориальные и социальные диалекты, языковая «мода», жаргоны престижных профессий и слоев, иноязычные заимствования. Могут играть роль и всевозможные случайные факторы.

Вариативность может проявляться в тех фрагментах языковой системы, которые, если будет позволено так выразиться, являются ее «слабыми местами». Таковыми могут быть, на наш взгляд, следующие: ограниченная дистрибуция мягких согласных; варьирование имплозивных и глухих аллофонов и чередование сильных и слабых фонем в конце слов; сближение долгих гласных и дифтонгов в окружении мягких согласных; усиление редукции и связанная с этим ресиллабация (например, *арга* ‘способ’ и *араг* ‘корзина’ в беглом произношении практически одинаковы); определенная склонность дифтонгов к монофтонгизации в финале словоформы. Есть и другие «уязвимые места» в системе, говорить о которых, наверное, преждевременно, поскольку всякая экстраполяция языкового развития крайне рискованна, и любая, даже вполне ясно отмечаемая ныне тенденция, может застопориться или даже смениться на противоположную. Приведем лишь один пример. Лабильная ассимиляция, развивавшаяся в средневековый период в большинстве монгольских диалектов, уже к новому времени совершенно выродилась в западном ареале, и, например в современном калмыцком начисто отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

- Биткеев 1978 — *Биткеев П. Ц.* Сравнительно-типологическая характеристика гласных фонем монгольского и калмыцкого языков // Исследования по монгольской филологии М., 1978.
- Бобровников 1849 — Грамматика монгольско-калмыцкого языка / Соч. Алексея Бобровникова. Казань. 1849.
- Бураев 1959 — *Бураев И. Д.* Звуковой состав бурятского языка. Улап-Удг., 1959.
- Владимирцов 1925 — *Владимирцов Б. Я.* Следы грамматического рода в монгольском языке // Доклады Российской Академии наук. 1925.
- Владимирцов 1929 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л., 1929.
- Воронин 1982 — *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.
- Герасимович 1975 — *Герасимович Л. К.* Монгольское стихосложение. Л., 1975.
- Глисон 1959 — *Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
- Дамдинсүрэн, Лувсандэндэв 1960 — *Дамдинсүрэн Ц., Лувсандэндэв А.* Орос-Монгол толь: В 2 т. 1960.
- Дугарова 1991 — *Дугарова Г. С.* Глагольный вид в современном монгольском языке. Новосибирск, 1991.
- Захаров 1879 — *Захаров И. И.* Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879.
- Зиндер 1979 — *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979.
- Касевич 1977 — *Касевич В. Б.* Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- Касевич 1983 — *Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
- Касевич 1986 — *Касевич В. Б.* Морфонология. Л., 1986.
- Касевич 1988 — *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Квантитативная типология — Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.
- Корнилов 1984 — *Корнилов Г. Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.
- Крылов 2002 — *Крылов С. А.* Морфемика современного монгольского языка: Автореф. канд. дис. М., 2002.

- Кузьменков 1983 — *Кузьменков Е. А.* Принципы классификации глагольной лексики в монгольском языке // Вопросы языкознания. 1983. № 2.
- Кузьменков 1984 — *Кузьменков Е. А.* Глагол в монгольском языке. Л., 1984.
- Кузьменков 1989 — *Кузьменков Е. А.* Стагус служебного слова в монгольском языке // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989.
- Кузьменков 1993 — *Кузьменков Е. А.* Фонетическая реконструкция монгольского текста “Юань чао би ши” // *MONGOLICA*. К 750-летию “Сокровенного Сказания”. М., 1993.
- Лувсанвандан 1967 — *Лувсанвандан III* Орчин цагийн монгол хэлний зүй. Монгол хэлний авианы бүтэц. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 1967.
- Лувсандорж 1975 — *Лувсандорж Ж.* Монгол авианы дуудлага Улаанбаатар, 1975.
- Лувсандэндэв 1957 — Монгольско-русский словарь / Под ред. А. *Лувсандэндэва*. М., 1957.
- Мельников 1971 — *Мельников Г. П.* Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Мишиг 1978 — *Мишиг Л.* Орчин үеийн монгол хэлний дадлагын хэл зүй. Улаанбаатар, 1978.
- Момо 1970 — *Сурэнгийн Моомо.* Система фонем современного монгольского языка: (Экспериментальное исследование); Автореф. канд. дис. Л., 1970.
- Момо 1979 — *Мөөмөө С.* Монгол хэлний авиан зүй. Улаанбаатар, 1979;
- Момо, Мунхамгалан 1982 — *Мөөмөө С., Мөнххамагалан Ю.* Орчин үеийн монгол хэл аялгуу. Улаанбаатар, 1982.
- Наделяев 1957 — *Наделяев В. М.* Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. исг., яз. и лит. 1957. Вып. 1. № 8.
- Орлов 1878 — Граμμαгика монголо-бурятского разговорного языка, составл. протоиерсем А. Орловым. Казань, 1878.
- Поппе 1955 — *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
- Потье 1989 — Потье Б. Типология // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989.
- Рамстедт 1908 — *Рамстедт Г. И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора. СПб., 1908.
- Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982.
- Ревзин, Юлдашева 1969 — *Ревзин И. И., Юлдашева Г. Д.* Грамматика порядков и ее применение // Вопросы языкознания. 1969. № 1.
- Саито 1985 — *Saito Yosio.* The Phonology Interpretation of [κ]/[g] and [i]/[j] in Modern Mongolian // The Bulletin of the International Institute for Linguistic Sciences. Kyoto Sangyo University. Vol. VII. No. 1.

- Самойлович 1925 — *Самойлович А. П.* Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925.
- Санжа 1990 — *Жамсранжавын Санжа.* Основные закономерности чередования звуков в монгольском языке: Автореф. канд. дис. Улан-Батор, 1990.
- Санжеев 1934 — *Санжеев Г. Д.* Синтаксис монгольских языков. М., 1934.
- Стрит 1963 — *Street J. C.* Khalkha Structure. Ural and Altaic series. 1963. Vol. 13.
- Стрит 1957 — *Street J. C.* The language of the Secret History of the Mongols. American oriental ser. Vol. 42. New Haven, 1957.
- Сэцэнцогт 1988 — *ᠰᠡᠴᠡᠨᠴᠣᠭᠲᠤ*, 1988.
- Холодович 1979 — *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Цоло 1976 — *Цолоо Ж.* Орчин үеийн монгол хэлний авиа зүй. Уланбаатор, 1976;
- Цэвэл 1966 — *Цэвэл Я.* Монгол хэлний товч тайлбар голь. Улаанбаатар, 1966.
- Чингэлтэй 1981 — *ᠴᠢᠩᠭᠡᠯᠲᠡᠢ*, 1981.
- Шагдаров 1962 — *Шагдаров Л. Д.* Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962.
- Шмидт 1832 — *Шмидт Я.* Грамматика монгольского языка. СПб., 1832.
- Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

ТЕКСТЫ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

Транскрибированные тексты дают представление о следующих типах монгольской письменной речи: разговорный язык (в детском рассказе Л. Даваняма), современная художественная проза (отрывок из повести Л. Тудэва), стихотворные тексты, в том числе перевод стихотворения М. Ю. Лермонтова. Транскрипция произведена по магнитофонной записи в 1990 г. Диктор — Ц. Донжид, образование среднее, воспитатель детского сада, г. Уланбатор. Приношу уважаемой госпоже Донжид свою искреннюю благодарность за помощь в работе.

Ж. Лодой Халхын гол

Цэцэг жимсээ ганхуулсан
Сэрүүн тунгалаг Халхын гол
Цэргийн ялалтаар алдаринсан
Цэнгүүн сайхан нутаг юм.
Мөнгөн загасаа наадуулсан
Мөнхөд цэнхэр Халхын гол
Манай үсийн баатруудын
Магтаал болсон өлгий дөө.
Дайчин ялалт мандсан
Даяарт цуутай Халхын гол
Давших ариун үйлсийн
Дуулал болсон нутаг юм.
Дуулаад дуулаад ханашгүй
Дуулим тэнүүн Халхын гол
Дурсаад дурсаад баршгүй
Дийлсэн дайчдын алдар аа

dʒə lodoe x'aɪx'i:ŋ goɪ

ts'ets'čǝ́ dʒem'əs^hc: ɣaŋxu:ɪs^həŋ
s^her'ɣ:ŋ t'uŋgālāg x'aɪx'i:ŋ goɪ
ts'er'og'i:ŋ jalāɪt'a:r aldāršas^həŋ
ts'eŋ'g'ɣ:ŋ s^hacxaiŋ nut'ag jum
m'əŋ'g'əŋ dzayǎs^ha: na:du:ɪs^həŋ
m'əŋ'x'odǝ́ ts'eŋ'x'čǝ́ x'aɪx'i:ŋ goɪ
manae ɣji:ŋ ba:t'ɮu:di:ŋ
maɣt'a:ɪ boɪs^həŋ ol'g'ec d'ə:
dactš'əŋ jalāɪt'ɮ man'ās^həŋ
dajār t'ɮ ts'ut'ac x'aɪx'i:ŋ goɪ
daβ š'āxɮ ar'u:ŋ uil'əs'i:ŋ
du:lāɪ boɪs^həŋ nut'ag jum
du:la:d du:la:d xanāš'ā g'ui
du:l'əm t'en'ɣ:ŋ x'aɪx'i:ŋ goɪ
durās^ha:d durās^ha:d barāš'g'ui
d'i:l'čs^hčǝ́ dactš'adi:ŋ aldar

Д. Даваням
Бээлий

Гурван настай дүүтэйгээ би өвлийн нэгэн өдөр гудамжинд явж байтал айлын өвөө тааралдаад ург цагаан сахлаа шувтран байж

– Яасан хүйтэн өдөр вэ? Бээлийгүй болохоор гар даарч байна гэхэд нь миний дүү шууд бээлийгээ тайлж

– Май өвөө! Миний бээлий их дулаан шүү гэв. өвөө дүүгийн минь толгойг илбэж

– Маш сайн хүү байна. Чамд баярлалаа. өвөөгийнх нь гар ийм том шүү дээ! Хүү минь өөрөө бээлийгээ хий, гар чинь даарчихлаа гэв. өвөө бид хоёрыг хөглөн явахдаа их л баяртай харагдлаа.

Л. Түдэв

Дархан хүний бурхан ухаан
(отрывок)

Дөрөв дэх өдөр нь нэгдлийн төвөөс жороо морьтой залуухан бүсгүй ирж тараг сүү залгуулав. Чогсом мастер бас л унтууцаж:

– Үгүй та нар чинь... гэснээ залуу бүсгүйн дүрлэгэр хар нүдтэй тулгарч үгээ таслан чимээгүй болжээ. Нөхдүүд нь дор дороо инээмсэглэн таг дуугүй байлаа.

dl daβa:n'am
b'e:l'i:

gurbān nas^hat'ac d'yt'e:ge: bi: ɵ
β'əl'i:ŋ n'eg'ən'əd'ər gudāmdžān
dl jaβādžl βaetāl acli:ŋ ɵβ'ɵ: t'a:r
ālda:ɬ urt'λ ts'aga:ŋ saxlala: s^huβt'λr
ām bacdžl

jaš^hāŋ x'yt'ēn'əd'ər βe: b'e:l'i:gy
i bolxor: ɣar darts'λ βaenl ɣ'exed
ēnə m'in'i: d'γ: s^hu:ɬ b'e:l'i:ge: tael
ādžl

mac ɵβ'ɵ: m'in'i: b'e:l'i: jixə du:lāŋ
s^hγ: ɣeβə ɵβ'ɵ: d'γ: ɣ'im minə t'olā
γocɣ el' b'ēdžə

maš s^haeŋ x'γ: βaenl ts'amd βaerlāl
a: ɵβ'ɵ: ɣ: iŋ x'ēn'ə ɣar i:mə t'om s^h
γ: d'e: xv: minə ɵr'ɵ: b'e:l'i: ɣ'e: x'i
: ɣar dar ts'axlala: ɣ'cβə ɵβ'ɵ: b'a
dl xojori: ɣ'ət'əl'ēŋ jaβāxlada: ji
xē lə βajārt'ac xarāgdlala:

ēlə t'γd'ēβ'

dar xāŋ x'yni: bur xāŋ uχa:ŋ

d'or'ɵβ'ɵ d'ɵx'ɵ ɵd'ər'ēnə n'eg'd'əl'
i:ŋ t'ɵβ'ɵsə dzoro: mɔr'lt'ɵe dzalu:χ
āŋ b'γs'ə ɣi jir'ədžə t'arāŋ s^hγ: dz
alɣu:lāβl tē'orysəm ma:st'ār basl lλ u
nt'ute'ādžl

γgui t'a: nār tēinə ɣ'cs'ən'e: dzalu:b'
γs'ə ɣiŋ d'yt'l'eg'ēŋ xarλ n'γd'ət'et
'ulgārtē'λ ɣ'ɣ'e: t'aslāŋ tē'im'e: ɣ'γi
boldze: n'ox'əd'γ:ɬ dorλ doro: en'e:
m's'eg'l'ēŋ taɣ du: ɣi βaela:

– Сүү тараг ховор хэцүү байна шүү. Лш үй сайн улсууд тааралдаж бидний элгийг дэвтээж байх боллоо. Их л баярлаж байна даа гэв. Энэ үгэнд тэр хүүхэн их баярласан бололтой ннээмсэглээд хацар нь яв ягааран гэрэл тусгах шиг болж жижиг торхтой цоцгийгөө хүн бүрийн аяганд хийж өгөв. Хамгийн сүүлд Чогсомын аяганд хийх гэтэл тэнцвэргүй хувааснаас барагдчихсан тул өнөөх бүсгүй маш их зовж хамры нь хөлс бурзайлаа. Чогсом ч бас тэвдлээ.

– Би нэмээд аваад ирье гээд хүүхэн явах гэтэл нэг нь:

– Яах нь вэ? Түвэг удахын нэмэр. Би бялуураад байна. Чогсом чи үүнээс ав гээд аягатай зөөхийгөө хагаслан өглөө. Тэр хүүхэн бас л ичингүйрсэн хэвээр мориндоо морлон явлаа. Түүнийг нэлээд холдсон хойно Чогсом гэнэт сэрсэн юм шиг:

– Хүүе хүлээгээрэй, Хүүе хүлээгээрэй! гэж уулгалан хашгирав. Морьтой хүүхэн гайхан зогтуслаа. Чогсом модон хайрцагнаас нэг лаазтай хуурай сүү аваад нөгөө хүүхний зүг хурдаараа гүйж хүрээд амьсгаагаа дарж ялан:

– Хүний сав хоосон буцаадаггүй юм. Май үүнийг ав гэж торхонд нь лаазтай сүүгээ хийж орхив...

sy: t'arāg̃ xobdōr̃ x'ets'γ: baenl̃ šy: a
šg̃ yī sac̃h ulasud̃ t'a:raīdādžl̃ b'ādā
ni: el'əg̃ i:ḡ d'əf't'ē:džə baexl̃ bofo:
enə yg̃ en'də t'crə x'γ:χēḡ jixə bajār
lās^hāḡ bolōlt'oc̃ en'c:m's^hēg̃ l'ē:d̃ xats
'āḡ ānl̃ jaβ̃ jagarāḡ ḡ'crēl̃ tuš^hāxl̃ šig̃
βoldžl̃ dzidžig̃ t'orxlt'oc̃ ts'əts'əg̃
i:ḡ'ə: x'γm̃ b'γr̃ i:ḡ ajāyāndl̃ x'i:d̃
žə əg̃ əβ̃ ə xamag̃ i:ḡ s^hγ:l'd'ə tē'o
γs^hōmi:ḡ ajāyāndl̃ x:i'x'ə ḡ'et'ēl̃ t'
'en'ts'ēβ̃ ēr̃ ḡ'γi barāgdātē āxs^hāḡ t'u
l̃ en'ə:χ'ə b'γsəg̃ yī māš^hl̃ jix'c̃ dzo
βōdžl̃ xamari: n̄l̃ x'əl'əš^h ə burdzac̃
la: tē'oγs^hōm̄ tē'ā bas^hl̃ t'ēβēdāle:
bi: n'em'ē:d̃ abā:d̄ crejə ge:d̄ x'γ:χ'ēḡ
'jaβāxl̃ ḡ'et'ēl̃ n'ēg'ə nə
jaxl̃ n̄l̃ βē̄ jaxl̃ n̄l̃ βē t'γβ'ēḡ ud
āxi:n̄ n'em'ēr̄ bi: b'ālu:ra:d̄ βaenl̃ tē'
oγs^hōm̄ tē'i: γ:nc:šə ab' ḡ'ē:d̄ ajay
l̄t'ac̃ dz'ə:x'i:ḡ'ə: xayāslāḡ əg̃ l'ə: t'
cr'ə x'γ:χ'ēḡ basl̃ l̄l̄ ctē'iḡ ḡ'γir'əš^h
ēḡ x'ēβeḡ moḡ'ōndo: mōrdōn̄ jaβl̄a
: t'γ:n'i:ḡ nēle:d̄ xolāḡsōḡ xoenl̃ tē'
'oγs^hōm̄ ḡ'en'ē t'ə s^herəš^hēn̄ γym
s^hiḡ

x'γjə x'γl'ē:ge:re: x'γjə x'γl'ē:ge:re:
ḡ'cdžə ul:ḡālāḡ xas^hāḡ āraβl̄ moḡ'ōt'
oc̃ x'γ:χ'ēḡ ḡacxāḡ dzoy't'usla: tē'o
γsōm̄ modōḡ xacrts'āḡana:s^hl̄ n'ēgə
la:dzl̄t'ac̃ xurac̃ s^hγ: aβā:d̄ n'əḡ'ə: x'
γ:χ'ən'i: dz'γḡ xurda:ra: ḡ'γidžə x'
γr'ē:d̄ am'āsγa:γa: darādžl̄ jadāḡ
x'γn'i: saβ̃ xo:s^hōḡ buts'ā:dāḡ yī jum
mac̃ γ:n'i:ḡ aβ̃ ḡ'cdžə torxōndl̄ n̄l̄ la
:dzl̄t'ac̃ s^hγ:ḡ'c̃: x'i:džə or'x'ōβl̄

М. Ю. Лермонтов
Кавказ (перевод Б. Доржа)

Насандаа ганцхан ирсэн хүн ч үл мартам	naš ^h ānda: gants'āxāŋ jir's ^h ēŋ' x'ŋn' tš'ə vl'ə mart'am
Насандаа дүнхийсэн оргил юугаан орхилоо	ts'aš ^h ānda: d'ŋx'i:s ^h ēŋ' org'ōl j u:γa: oγx'ōlo:
Уулсыг тэргүүн уулсаа гэвч би үүрд дурснам	u:lš' :ŋ t' 'er'əγ' ŋŋ' u:lš' a: g'ēβ' ətš'ə β'i: ŋr'd'ə durāsnām
Уянгат дууны хүчит түрлэг шиг сүртэй	ujāŋgāt' ʌ du:ni: x' vtš'it'ə t' 'ŋr'əl' ēg' s ^h ig' s'ŋr't' 'e:
Кавказ чамдаа би хайртай.	xaβxa:s tš'amda: b'i: xaert'ac
Хар нялхаараа өнчин хоцорсон надал	xaγa n' a xa:ra: Өn'tš'ōŋ' xotsörs ^h ōŋ hadād
Халиурах ногоо, найгах зүлгээ дэв- сэж өгсөн.	xal' urāxʌ noγo: nacγaxʌ dz' vl' əγ' e: d' cβs ^h ēdzə Өg's ^h ōŋ'
Хайрт эхийг минь орлож намайг нөмөрлөсөн,	xaert' ʌ c'x'i:(g')_minə orʌlödžʌ na macg' n' Өm' Өr'l' Өš ^h ōŋ'
Халуун бүлээн, урин зөөлөн амьсгал- тай	xalu:ŋ b' vl' 'e:ŋ' urāŋ dz' Ө:l' Өŋ' am ' asγāltac
Кавказ чамдаа би хайртай.	xaβxa:s tš'amda: b'i: xaert'ac
Цэнгэлтэй өдөр, баяр жаргалаа хува- алцсан	ts'ēŋ' g' ēl' t' 'e: Өd' Өr' bajār' dzarg āla: xuβa:l' ts' ʌš' āŋ
Цэнхэрлэн үелзэх саридагуудаа одоо ч дурснам.	ts' 'ēŋ' x' Өr' l' Өŋ' ŋjel' dz' Өxə s ^h ar' ād āγu:da: odo: tš' ʌ durāsnām
Тэнгэрлэг харц, хархан нүдтэй анх золгуулсан	t'ēŋ' g' Өr' l' Өg' xar'ts' ʌ xaγʌxāŋ n' ŋ d' Өl' 'e: aŋxʌ dzolgu:l's ^h āŋ
Тэнгэр тулам оргил, газар цуулам хавцалтай	t'ēŋ' g' Өr' t' ulām oγ' g' ōl' gadzār' ts' ulām xaβts' ālt' ac
Кавказ чамдаа би хайртай.	xaβxa:s tš'amda: b'i: xaert'ac

УКАЗАТЕЛЬ РАССМОТРЕННЫХ СЛОВОФОРМ

- аав* 81
ааруул 26, 136
ааш 91, 164
аббал 139
ав 48
авахгүй 78
авахгүйгээр 78
авгай 60
авдаг 147
авиан зүй 79
авианзүй 78
авлаа 139
авсан 48
авуулах 48
ад 11
ажил 87
аз 156
ал 167
алт 167
аль 167, 168
ам 144, 146
амаар 89
аман 89
амар 87
амиа 90
амт 145
амь 86, 145, 146
араажса 148
арэг 13
арай 87
арван 139
арга 13, 174
аргыг 177
ард 169
архи 58
арчаа 170
аршаан 170
ат 11
ат(а)раа 150
атга 147, 173, 179
атираа 150
ах 86, 179
ахаар 179
ахын 32, 119
ахынхаа 32
ач 161
ачаа 91, 161
ашиг 165
аюул 87
ая 173
аяга 87
бүлээн 109
бүрвасэд 79
баа 143
баатар 170
баг 12, 178
бага 12, 25, 174
багасах 9
багатах 9, 147
багш 165, 174, 176
багшид 87
багшийн 119
байжээ 109
байн 92
байна 92
байсан 25
байшин мөн 144
бал 19, 139
бандид 154
бар 13
бараг 174
барах 170
баржгар 92
баржий 92
барзай 92
барзгар 92
барих 170
барс 86, 183
баруун 140
басаа 129
бат 88, 150
бат бэх 172
бат юм 172
бах 178
бид 64
бидрэх ~ бэдрэх 57
бие 105
биеийн 119
биенд 106
билиг 24, 57
бичээч 109
бичүүлэх 116
бод 148

- бодол 95
 бодь 148
 болд 53, 147
 боловсронгуй 76
 боловсронгуйгаар 76
 боловсрох 76
 болтол 167
 бос 163
 босго 163
 босгох 162
 буйл 104
 буу 143
 бууч 103
 бэл 168
 бэлчээр 168
 бэлэг 23, 24, 57
 бяруун 140
 бясаа 129, 141
 бөмбөг 141
 бөмбөрцөг 111
 бүрхэг 171
 бүжиг 115
 бүч 115
 вокзал 79
 гүнгэрваа 79
 гааль ~ гайль 93
 гавал 17, 19
 гавьяа 91
 гадаа 128
 газар 156
 газар зүй 79
 газарзүй 78
 гал 86, 89, 174
 гар 13, 170
 гараар 169
 гарагийг 119
 гарал 50
 гаралаас 50
 гарга 88
 гарт 13
 гарчээ 109
 гарын 119
 гацаа 158
 гашуун 165
 голди 148
 голын 119
 гоо 60
 гуа 60
 гуаг-гуаг 60
 гуад-гуад 60
 гуай 23
 гуанз 60
 гувай 60
 гурав 101
 гурван 153
 гурван настай 153
 гурван хаан 153
 гуя 101
 гэгч 25
 гэдэг 25
 гэм 176
 гэмт 146
 гэр 105
 гялбах 176
 гүнж 159
 дүү нар 78
 дөрвөн 154
 даам 145
 даан 145, 160
 даанч 154, 160
 даанаа 142
 давс 162
 дагах 175
 дагжих 176
 дагих 175
 дайн 95
 дайра 93
 данхар 152
 дараа 90
 дараа 147
 даруй 104
 депо 95
 догь 176
 доож 96
 дотор 128
 дулаан 91
 дур 101
 дуу 103
 дуулан 89
 дууриа 91
 дуусвар 139
 дэвтэр 141, 171
 дээж 109
 дээр 25, 107
 дээрээс 108
 дээрээсээ 108
 дээш 109
 дян 85, 148
 дэжир 159
 дөл 111
 дөрөв 110, 141
 дөч 161
 дөчин 110
 дөчөөд 112
 дүүжин 116
 ёж 95
 ётон 97
 ер 105, 172
 ерийн 106
 ертөнц 110
 ерөөл 110
 ёс 96, 172
 эвэн 108
 жүжиг
 жсааз 156
 жсаал 90
 жайвгар 92, 158
 жайжгар 92, 158
 жар 87
 жижүүр 148
 жишээ 106
 жолооч 96
 жоом 98

- жөтөө* 110
жүжиг 107, 115
заарь 93
зам 156
зангаа 175
зангиа 175
захидал 86
зог тусах 79
зогсов 96
зогтусах 79
зоо 156
зууш 164
зэрэг 156
зүхэх 180
ивбэл 141
идүүш 116
ижий ~ эжий 106
ийм 119
илч ~ элч 57
ир 57
ирээдүй 118
ирээрэй 23
итгэл 180
их 58
ихээр 58
иш ~ эш 57
концерт 79
лав 140, 166
лав байна 139
лавтай 138, 139
лам 123
лахгар
лектор 79
лийр 168
лооль 98
лхагва 122
лхам 123
Лхас 122
лянхуа 60, 168
мөрөн 85
маажин 90
мажар 148
мал 167
малаа 15
манай 23, 26
манан 144
мангад 146
манж 154
манлай 166
матар 50
матгар 150
матигар 150
матрах 129
матрын 50
маш 165
минжэ ~ мэнжэ 57
мич ~ мэч 57
мойл 99
монгол 167
монголоор 167
морийг 32
мориор 97
Москва 52
мэгдүү 176
мэдэ 50
мэдэгдсэн 106, 107
мэдэл 50
мэргэн 176
мэс 163
мэт 151
мэтгэр 151
мэтээр 151
мялаа 15
мянга 86, 145
мянгад 146
мятрах 129
мөлжих 111
мөнгө 111
мөнгөтэй 113
мөр 171
мөрөг 111
мөчир 111
нөхөр 25
нааш 165
нааш ир
над 27
нам 89, 144, 152
намаа 153
нас 163
настай 153, 154
нилээд ~ нэлээд 57
ноён 96
номхотгох 173
нулимс 101
нум 101
нэм 107
нэр 13, 154
нэрд 13
нягт 154
нямаа 153
нүүр 116
овьёос 98
одлоо 53
одов 147
одоо 19--21, 147
одчээ 53
ойл 99
ойлго 97
оймс 95
ол 96
олз 166
олны 121
олон 95, 121, 152, 167
олон байна 139
олон(г) 121
олонгийн 121
олоод 98
олоорой 96
ооль 99
оосор 98
оосроороо 97
ор 97
орло 97

- орлоо 72
 орны 119
 орой 97
 оролдог 96
 оруулахаар 103
 орууллаа 72
 оръё 95
 отоо 20, 21, 54
 охин 96
 очих 96
 очно 96, 97
 очоод 98
 очооч 98
 оюун 103
 Оюун 25
 өөрийгөө
 өвчүү 158
 өг л дөө 27
 өлгүй 68
 өлгий 68
 өмсөхөөр 76
 өмсөхгүйгээр 76
 өрнүүлээ 73
 өршөлөө 73
 өршөөнгүй 76
 өршөөнгүйгээр 76
 өршөөх 76
 паа 142
 паалан 142
 пал 142, 144
 палхар 142
 памбайх 142
 пас 144
 пийнаа 64, 142
 пионер' 143
 пирог 95
 пүү 143
 пуй най 142
 пур 142
 пуулуу 142
 нял 144
 няс 144
 район 172
 ректор 24
 роль 24
 роман 24
 сүүрс 106
 сүүрэг 75, 106
 Сүрэн 25, 26
 саад 90
 сайн байна 124, 144
 сайр 93
 салбар 139
 самар 163
 самбар 139
 сан 121
 сан(г) 121
 санах 179
 сангийн 119
 сансар 152
 сахал 179
 сойз 59
 солих 95
 сонин 152
 сонин юм 152
 сохор 96
 сул 89
 сурах 88
 суурь 171
 сэв 141
 сэвтэй 151
 сэлбүүр 141
 сэлэм 146, 163
 сэнс 154
 сэтгэл 23, 148, 151,
 180
 сэтгэх үн 180
 сүүлээр 168
 сүүж 116
 түүчээ 109
 түүш 107
 түүшиг 107
 түрүүч 158
 та 90
 тааж 93
 таар 150
 тав 88, 139, 140
 тавхай 139
 тавь 140
 тайж 93
 там 88
 тамга 144
 тамхи 86, 88
 тамхийг 119
 танан 150
 танд 152
 татаж 150
 тахь 180
 театр 85
 тийш 165
 Тироль 95
 тойрох 100
 толбо 97
 толь 96, 168
 том 25, 97
 томоо гэгч нь 25
 тон 159
 тонж 159
 тоорыгоо 72
 торго 97
 торго 80
 торгон 80
 тоть 95, 151
 тохоос 179
 туйнуу 142
 тул 88
 тууж 103
 туулай 102
 тууш 103
 тэгнээ тэгнэ 55
 тэгш 176
 тэгээд 176
 тэнхээ 180

- тэнгилх* 154
тэнгэг 151
тэнгэгэр 107
тэр 25, 171
тэсвэр 141
тэтгэх 180
тэшилх 106
тээвэр 141
төгс 163
төр 111
түшиг 115
үгтвар 150
үйм 104
үлс 75, 87
уран 87
урих 101
урт 170
урхи 171
утаарь 93
уугаа 91
уул 103
уураг 136
ухаан 101
уцир 87
уяа 90
үгүй 26
үнэ 107
үснэр 78
факультет 79
хүчил 107
хаа 90
хааж 159
хаан 12, 153
хаан байна 144
хаана 12
хавар 139
хаж 159
хажууд 103
халиу 102, 168
халуун 33, 86
халх 167, 228
хан 84
хана 88, 152, 179
ханишаар 152
харагдсан 80, 87
харандаагаараа 90
харах 170
харийн 26
харин 26
харих 170
харсан 80
хатаа 90
хацар 158
хачин 161
хашаа 91
хоёр 173
хоёул 172
хол 167
хон 84
хоно- 50
хоног 50
хормой 99
хорь 171
хот 95
хошио 99, 164
хошиоод 98
хуа 60
хуайс 59
хуаран 59
хуваарь 93
хувиар 93
хужир 101
хулан 89
хун 84
хунтайж 61
хурдан 169
хутга 173, 174, 180
хууль 103
хуучин 89
хуц 88
хэвлэл 141
хэд 107
хэдэн 106
хэл 107, 168
хэлье 105, 107
хэн 105, 154
хэрэгтэй 108
хэт 107
хэцүү 158
хээ 180
хятад 180
хөгжил 110
хөгжөөн 112
хөгжүүл 116
хөгшин 111
хөдөө 112
хөө 112
хөх 111
хөшөө 110, 112
хүн юм 154
хүрз 156
хүрэтэй 156
хүрлээ 168
хүитэн 118
хүн 84, 115, 128
хүн бүр 141, 146
хүргэ 107
цөөн 11
цөм 111
цаг 174
цагаан 158, 174
цагдаа 174
цагтаа 174
цай 95
цалин 26
цийдэм 157
цог 16
цонх 61, 179
цох 16
цэг 177
цэгээ 158
цэмбэ 107
цэх 180

- чадал 87
 чарга 161
 чи 119
 Чой 160
 чойчгор 99, 160
 чоно 96, 161
 чочгор 99, 160
 чулуу 101
 чуулган 103
 чөлөө 110
 чөтгөр 161
 шааж 91
 шаахай 179
 шавь 86
 шал 87
 шар 88, 165
 шарх 170
 шахам 145
 шившиг 141
 шийгуа 64
 шийдам 64
 шийдэм 64
 ширээ 165
 шооч 98
 шороо 96
 шохой 164
 шошой 99, 164
 шуйз 59
 шугам 101
 шууд 103
 шушиг ~ шүшиг 101
 шээс 108
 шөвөг 110, 111
 шүй 117
 шүүр 115
 шүүр 116
 эгэл 177
 эдлэл 148
 эжий 106
 эзэн 156
 элс 106, 162
 эм 145
 эмгэн 106
 эмс 105
 эмээл 105
 эн тэргүүн 154
 энгэр 83
 энд 11
 эндүүрсэн 23
 энх 107, 154
 энэ 106, 154
 эрвээхэй 180
 эргэлзэх 168
 эрдэмтэн 171
 эрлийз 156
 эрт 171
 эрэн 85
 эрээч 109
 эсгий 163
 этгэр 83
 эх 105, 180
 эхийн 119
 эхнэр 78
 эхээс 180
 эцэг 158
 ээлжтэй 159
 юамбүү 61
 юлхгэр 114
 юмбүү 61, 114
 юнгэр 114
 юулх 116
 яв 172
 явж байна 139
 явъя 86, 88, 173
 ямтий шаазан 142
 яриад л байна 55
 яс 172
 ях 110
 янв 111
 яье 111
 яов 111
 ягс дөө 27
 ягсдэи 113
 яд 148
 яедөх 112
 ямсье 110
 ят 111
 өөрөөрөө 112
 үзэн ядах
 үзүүн 115
 үйлдвэр 118
 үсэг 115
 үүн 116

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Введение.....	8
Термин «современный монгольский язык».....	—
Орфография.....	10
Монгольская фонологическая модель.....	13
Верификация психологической адекватности модели.....	23
Глава 1. Типологическая характеристика монгольского языка.....	28
О языковых типах.....	—
Синтаксис.....	31
Морфология.....	35
Выделение морфем.....	—
Соединение морфем.....	36
Выделение словоформ.....	40
Структура словоформы.....	45
Морфонология.....	48
Фонология.....	49
Глава 2. Гласные.....	55
Состав гласных фонем.....	—
Гласный [i] как «фонологический фантом».....	57
Фонологический статус дифтонгов [ua] и [uae].....	59
Дифференциальные признаки гласных фонем.....	61
Сингармонизм.....	71
Сингармонизм как определяющий фактор вокализма.....	—
Небный сингармонизм.....	74
Губной сингармонизм.....	—
«Перелом» губного сингармонизма.....	75
Сингармонические типы гласных.....	76
Мнимые нарушения сингармонизма.....	78
Действительные нарушения гармонии.....	79
Релевантные позиции гласных аллофонов.....	80

Аллофоны гласных фонем.....	83
Реализация гласных фонем.....	85
Глава 3. Согласные	120
Состав согласных фонем.....	—
О статусе заднеязычного [ŋ].....	121
О «фонеме» /h/.....	—
Дифференциальные признаки согласных.....	123
Релевантные позиции согласных аллофонов.....	133
Реализация согласных фонем.....	138
Глава 4. Слог	181
Заключение.....	187
Литература.....	193
Приложение (тексты в фонетической транскрипции).....	196
Указатель рассмотренных словоформ.....	200

SUMMARY

The twofold purpose of this work is: first, it presents a phonemic system of Mongolian based on the traditions of the «Leningrad phonetic school»; second, it intends to be a textbook on the theory of the Mongoliagrammar from the standpoint of its phonetic component.

The segmentation of a text into minimal units has in Mongolian an advantage in comparison with many other languages: there are almost no morphological unanalysable segments; i.e. the phonological segmentation can restrict itself by comparing phonological boundaries according to morphological ones.

The following steps of phonological analysis are based on the distinctive function of the phoneme that manifests itself in so-called oppositons. Equivalent phones correlate with each other as complementary distributed segments in opposed phonological contexts. A set of equivalent phones corresponds to an abstract unit — phoneme. Correlation of the phonemes, the primary focus of the phonological structure, supplies its fundamental functions: distinctive and constitutive.

The phonological structure of Mongolian is closely connected with its fundamental morphonological character — the Vowel Harmony. The phonemic classes of vowels (and partly — consonants) are defined by their roles in the function of the «Harmony Law». This Law restricts the distribution of phonemes, their combinations and — in diachronic view — defines trends of development of the phonemic system as a whole.

The suggested phonological model has been verified by several experiments, such as tests of perception, emphasis variations of the text, etc. The Results of experiments convinced the author that his model is close (in psycholinguistic meaning) to the real one used by a Mongolian speaking person. It concerns among other things non-phonemical status of the vowel [i], some diphthongs, and distribution of palatalised consonants, etc.

Научное издание

Евгений Афанасьевич Кузьменков

**ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
СОВРЕМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА**

Редактор *Е. В. Красненкова*
Технический редактор *А. В. Борцева*
Обложка художника *Е. А. Соловьевой*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 20.12.04. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 11,4. Заказ **570**

Издательство Санкт-Петербургского университета.

199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, 6-я линия В.О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

ЦОИ типографии Издательства СПбГУ.

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
предлагает учебники, учебные пособия, научную
и научно-популярную литературу по

*истории,
экономике,
психологии,
философии,
филологии,
языкознанию,
естественным и точным наукам*

студентам, преподавателям, научным сотрудникам, а
также учителям, школьникам — всем, кому интересен
мир книги.

Книги можно приобрести в магазинах Издательства,
а также через отдел реализации:

199034, С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Книги Издательского дома Санкт-Петербургского государственного университета можно приобрести в магазинах Издательства по адресам:

Магазин № 1 «Vita Nova»:

Университетская наб., 7/9

Тел. 328-96-91; E-mail: vitanova@it13850.spb.edu

Филиал № 2:

Петродворец, Университетский пр., 28

Тел. 428-45-91

Филиал № 3:

В. О., 1-я линия, 26

Тел. 328-80-40

Филиал № 5:

Петродворец, Ульяновская ул., 1

(физический факультет)

Филиал № 6 «АКМЭ»:

В.О., Менделеевская линия, дом. 5

(здание исторического и философского факультетов)

Филиал № 7:

В. О., наб. Макарова, 6

(факультет психологии)

Филиал № 8:

Университетская наб., 11

(в холле филологического факультета)

В наших магазинах Вы найдете учебную и научную литературу и других издательств по всем отраслям знаний

«КНИГА-ПОЧТОЙ»

Наша служба «Книга—почтой» предлагает широкий ассортимент научной и учебной литературы по всем университетским дисциплинам. Вы можете заказать как вышедшую, так и готовящуюся к изданию литературу более чем 100 издательств Москвы и Санкт-Петербурга. Информацию о новинках этих издательств можно найти в газете «Книжное обозрение» (подписной индекс: 50051).

Мы работаем с частными лицами и организациями.

Условия оплаты — в зависимости от региона по выбору клиента:

- **СНГ, дальнее и ближнее зарубежье** — только предоплата (оправка книг заказной корреспонденцией).
- **Россия** — наложенный платеж или предоплата (по выбору клиента).

В соответствии с заказом комплектуются ценные бандероли весом до 2 кг или посылки (до 10 кг). Стоимость почтовых услуг составляет примерно 30–40% от стоимости заказанных. Отправка книг осуществляется в течение месяца после получения заказа.

E-mail: post@unipress.ru

Подробнее — на нашем сайте
www.unipress.ru

В монографии описывается фонологическая модель современного монгольского языка в традициях Ленинградской фонетической школы. Особое внимание уделяется сингармонизму как главному системообразующему компоненту монгольской фонологии; подробно излагается действие данной фонологической модели при анализе и синтезе текста.

Е. А. Кузьменков

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

	a	a:	ae	o	o:	oe	u	u:	ui	e	e:
b	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-
б	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+
p	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-
ᠪ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
m	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-
ᠮ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+
d	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-
ᠳ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+
t	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-
ᠲ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+
n	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-
ᠨ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+
l	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-
ᠯ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+
r	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-
ᠷ	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+
ʒ	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-
ᠵ	+	+	(-)	+	+	(-)	-	+	(-)	+	+

